ПИОНЕР

ЯНВАРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1960 год 1

Все готовятся ко дню рождения Ленина.

Дружины стараются получить звание лучшей дружины района или даже города.

Отряды становятся «отрядами—спутниками семилетки».

А ты? Чем ты сам встретишь день рождения человека, имя которого носит твоя организация?

Твои успехи отмечены в дневнике и в «Личной книжке пионера».

Четверки и пятерки в дневнике, записи о хороших делах в «Личной книжке»— вот и ты подготовился к праздничному дню.

Лиля Юркова, председатель совета отряда 7-го класса «В» Луганской школы № 7, делает запись в «Личной книжке» Коли Лагунова. Он смастерил пособие для уроков геометрии — раздвижную трапецию. Хорошо!

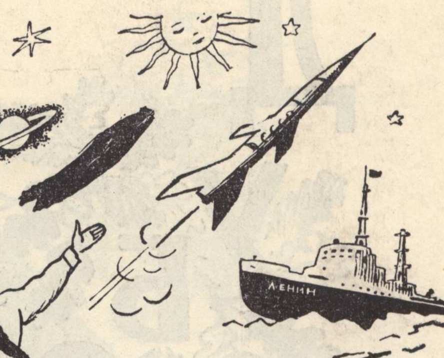
О других делах этого и еще многих отрядов прочитай в репортаже «Дружины к смотру готовы» на странице 64-й.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 37-й

В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ

Дорогой друг!

Открывать номер журнала — это все равно что принимать сразу много гостей. Сейчас к тебе в дом придут десятки людей: писатели, поэты, художники, ученые, рабочие, журналисты, учителя, вожатые. И все вместе мы поздравляем тебя с новым, 1960 годом.

Пожалуй, ты еще никогда не получал столько поздравлений сразу!

Чего бы тебе хотелось в этом году? Наверно, ты мечтаешь приобрести друзей, стать сильным, смелым, знающим. Хороший план! Только выполнить его не легко.

Знаешь что! Возьми всех нас в свои помощники.

Журнал расскажет тебе интересные истории, над которыми стоит задуматься, будет сообщать о важных событиях в нашей стране и во всем мире. Мы постараемся помочь тебе создать дружный отряд, научиться по-пионерски поступать в трудных случаях.

Ты можешь быть не просто читателем. Давай вместе с нами делать наш журнал! Становись участником клуба, юнкором газеты «Пионерские известия», старайся первым ответить на задачи.

Пиши нам почаще, что нравится тебе в журнале, а что нет. Считай, что ты и сам член нашей редколлегии.

Мы ждем твоих писем, друг!

А сейчас принимай гостей, раскрывай журнал...

ИЗ ЗАПИСОК ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

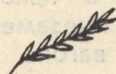

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

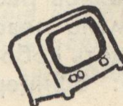

ЯНВАРЬ
№ 1
1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

ДУБОК

РАССКАЗ

Николай **ГРИГОРЬЕВ** **Рисунок П. Пинкисевича.**

Последние годы своей жизни Николай Александрович Емельянов был бессменным, не знавшим усталости экскурсоводом. Но экскурсоводом особенным: он водил экскурсии по собственному двору.

Бывало, кого тут только не встретишь! Советские люди со всех концов нашей страны, иностранные туристы из многих и многих стран мира...

Людской водоворот на этом дворике иссякал только к вечеру, да и то после вмешательства Надежды Кондратьевны. Она зажигала в домике свет и принималась греметь посудой, клича своего супруга ужинать.

А потом семейство выходило в сад, на скамеечку...

Тишина. В самом воздухе словно разлито раздумье... Емельянов отдыхал, и в его памяти нет-нет да всплывали новые подробности уже известных революционных событий. Бесценные крупицы, они помогают полнее и глубже постигать минувшее! Ради этих маленьких открытий, правду говоря, я и подсаживался на скамейку к Николаю Александровичу.

В июльские дни 1917 года Центральный Комитет партии большевиков поручил Емельянову укрыть Ленина от расправы, задуманной Временным правительством. Такое доверие было оказано человеку неспроста. Рабочий... Но на Сестрорецком оружейном заводе было немало надежных рабочих. Почему же выбор пал именно на него? Николай Александрович и теперь еще недоуменно покачивал головой. Счастье, мол, привалило — вот и все, великое счастье послужить Ильичу! Но нет, не случай вверил Емельянову жизнь вождя: большевики не полагаются на случай. Старый член партии Емельянов был известен как опытный подпольщик.

С каждым днем, с каждым часом опасность для Ленина возрастала. В Петрограде шли повальные облавы и обыски. Арестовывали большевиков. На вокзалах и на всех выездах из города пассажиров останавливали офицерские патрули. В одной руке у патрульного была фотография Ленина, в другой — револьвер. За поимку Ильича была назначена награда — крупная сумма денег.

Емельянов жил в пригородном поселке Разлив. В ночь с девятого на десятое июля он появился в Петрограде, чтоб под покровом темноты вывезти Владимира Ильича из города.

Пустынные улицы, цокот копыт, красные лампасы казаков... Грубые окрики и стрельба с седла навскидку по убегающим...

Ленин быстро шагал за Емельяновым, который шел, показывая дорогу. Останавливались только для того, чтобы притаиться от казачьего разъезда. Сзади шли еще двое — для охраны; они отстали, когда Емельянов через глухую щель вывел Владимира Ильича на пути Приморской железной дороги. Ныряя под товарными вагонами, пробрались к дачному поезду. Это был последний ночной — он уходил полупустым, в нем легче было проехать незамеченным.

И вдруг конспиративные расчеты Емельянова рухнули. На первой же остановке после Петрограда в вагон с шумом ввалилась компания офицеров. Разговоры, конечно, вокруг объявленной денежной награды. «Немецкий шпион! — раздавались выкрики.— Только попался бы!.. Пришибем на месте!..»

Ленин и Емельянов стояли в тамбуре. Владимир Ильич, чтобы остаться незамеченным, соскользнул на подножку вагона.

Не успел Емельянов заслонить собой Ильича, как один из офицеров потянулся посмотреть, что это за пассажир прячется на подножке. Емельянов растерялся, судорожно сжал в кармане револьвер. Но, по счастью, успел овладеть собой: «Стрелять — тогда все пропало: офицерня прикончит

Вдвоем посадили они дубок...

Владимира Ильича, либо он на полном ходу спрыгнет и разобьется». И, оставив револьвер, Емельянов заговорил с заискивающей улыбкой: «Ваше благородие, господин офицер! Это мой сосед, мастеровой, переложил маленько, с кем не случается. Пускай обвеет

его ветерком... А мои документы — вот, извольте взглянуть». Офицер лениво махнул рукой и вернулся к своей компании...

Навстречу гостю вышла жена Емельянова Надежда Кондратьевна. Прозрачная июльская ночь позволила не зажигать огня. Это было кстати: обойтись в неурочный час без света — значит, не привлечь внимания соседей.

Ленин чутко наблюдал за незнакомым ему семейством.

— А вы, Надежда Кондратьевна, не боитесь, что я у вас?

— Бояться нечего,— ответила женщина.— К тому же я не робкого десятка. Динамит на себе через границу переносила... А вот как укрыть вас, Владимир Ильич, понадежнее,— об этом, конечно, беспокоимся.

— А где же ваши ребятишки?

— Да спят, уж давно все семеро уснули.

— Семеро... Гм... Это, конечно, прекрасно, что столько детишек! Но...

Надежда Кондратьевна сказала с достоинством:

— За них не опасайтесь. Мои воробьи лишнего не счирикают.

Да, это было так. Емельяновы вправе гордиться детьми. Глазастые и резвые, как все дети, ребятишки этого двора — вплоть до самого меньшего, карапуза Гоши,— твердо различали, где игра, а где отцовские тайны... К примеру, елка. Это ли не радость для ребят — в декабрьскую стужу увенчать елку золотой звездой, затеплить на ней разноцветные свечи и водить до упаду хороводы!.. Так вот, в емельяновском дворе, перед калиткой, растет елка (теперь она огромная). И однажды трепетным детским ручонкам пришлось наряжать елку не зимой, а летом. Все семеро ребятишек по теплому времени спали в сарае. Проснулись от громких голосов в доме и грохота опрокидываемой мебели. «Жандармы... обыск!»

Ребята мигом поняли, что, обшарив дом, жандармы пойдут копать в огороде, в саду. А там, в кустах картофеля,— добытые отцом с завода револьверы, карабины...

Жандармский налет не удался. Уходя со двора, они прошли мимо елки, не обратив на нее внимания, а в глубине густых ветвей только что было развешано ребятами оружие.

Или еще фокус — с мешком. Жителям поселка разрешалось собирать по окрестным лесам хворост на топливо. У Емельяновых была на озере лодка, и ребята с удовольствием пользовались ею, тем более что причалить груженую лодку можно было прямо к забору усадьбы. Не надо и пристани. Но иногда за хворостом отправлялся сам Николай Александрович. Брал с собой мешок, и ребятишки ни разу не проболтались, что отцовский «хворост» бренчит металлом, выглядывает из мешка револьверными дулами.

Владимир Ильич сразу подружился с ребятами, и особенно с Гошей. Этот карапуз показал, что на него можно положиться.

В первый же день с утра Владимир Ильич сел за работу. Устроили его на чердаке сарая. Гоша играл возле дома на улице. Вдруг прибегает к матери. Оказывается, какой-то незнакомец стал проситься к малышу в игру. Сейчас же дали знать Ленину. Владимир Ильич выглянул с чердака сквозь щелку. Против калитки сидел невысокий черноволосый человек, в пенсне, с бородкой.

— Ба! — обрадовался Ленин.— Да это же Яков Михайлович!

Свердлов приехал от ЦК, чтобы проверить, насколько надежно укрыт Ленин. И сказал, смеясь, про Гошу:

— Владимир Ильич, у вас отличный страж!

Сыщики не раз подлаживались к емельяновским ребятишкам. Был когда-то Емельянов на подозрении у царских жандармов. На смену им пришли агенты Временного правительства.

На Гошу особенное впечатление производил желтый с красным гребешком петух на палочке. Прозрачный леденец так и просился в рот!

— Ну, Гоша, ну? — Агент водил петушком перед зачарованным взором малыша.— Прибежишь сказать, когда к папе придет кто-нибудь? На, верю тебе, получай гостинец!

Потеряв надежду подкупить ребятишек, агенты попробовали их стращать. Ребята дружно закатили такой рев, что распахнулись калитки, вышли негодующие женщины.

— Мучители! Изверги! Уже и детей не щадите!..

Ребята вырвались и, посмеиваясь, побежали домой.

Чувствовалось, что сыщики все настойчивей присматриваются к усадьбе Емельянова. Николай Александрович с одобрения ЦК стал готовить для Ленина более надежное убежище.

Подошло время покосов, и самое естественное было устроить Ленина на болоте за озером. Место дикое, без лодки почти неприступное. Да и какие могут быть подо-

зрения: нанялся к Емельяновым поденщик обкашивать кочки! Таких поденщиков по окрестностям работало немало. Однажды, когда Ленин жил еще в сарае, на емельяновской усадьбе произошел такой случай. Ребятишки возвращались из леса с полными корзинками, радуя родителей. Но однажды Николай Александрович не обрадовался, как обычно, появлению своей ватаги, а сильно на детей разгневался. Ребята стояли перед ним, все ниже опуская повинные головы.

Владимир Ильич не удержался, спустился с чердака.

— Вот полюбуйтесь,— обернулся к нему Емельянов,— каковы ваши друзья!

В руке у него был жалкий прутик с поникшими фигурными листочками и тоненькими, как нитки, корешками.

— Это дуб,— объявил Гоша.— Теперь он пропадет.

По малости лет мальчуган не был в лесу и теперь в строгом разговоре солидно поддерживал отца.

Владимир Ильич осторожно прикоснулся к прутику, стал бережно его разглядывать.

— А может быть, все-таки посадим?

Емельянов махнул рукой:

— Пустая затея, Владимир Ильич. Не приживется. Июль месяц.

Ленин задорно усмехнулся:

— А все-таки.— И пошел с прутиком в сад.— Неси-ка, Гоша, лопату!

Вдвоем с малышом посадили дубок.

— Теперь, Гоша, надо ухаживать за растением, поливать его. Обещаешь?

Гоша пообещал Владимиру Ильичу.

Усадьба Емельянова стала теперь музеем. А дубок? Дубок растет. Ветви у него пока вразброд, еще не умеет собрать их шатром, ведь сорокалетний дубок — еще ребенок! Но ствол уже основательный: сантиметров десять — двенадцать в диаметре.

Растет-подрастает дуб, посаженный Лениным в год основания первого в мире социалистического государства, на пороге новой эры в жизни человечества...

Из воспоминаний Надежды Константиновны Крупской мы знаем, как любил природу Ленин. За границей, в изгнании, тоскуя по родным волжским просторам, Владимир Ильич ликовал, когда при загородных прогулках, до которых был великим охотником, он попадал в уголок, напоминавший ему родину... В Горках, под Москвой, где протекли последние годы жизни Владимира Ильича, есть парк. Вот здесь, под сенью кленов, лип и русских берез, Владимир Ильич подолгу прогуливался и в этих прогулках находил радость и отдых.

Юные ленинцы! Славная наша армия школьников и пионеров! Сажайте деревья, выращивайте леса! Не проходите мимо растения, которое попросит у вас помощи. Просьбы растений безмолвны. Но, если ты любишь природу, ты услышишь их, пионер, как просьбу погибавшего дубка услышал Ленин!

Обычная картина: пионеры сажают дерево. Улица станет зеленой, тенистой, веселой. А сколько деревьев посадил ты!

Улица Белого лося

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

Рисунки П. Кирпичева.

Здравствуй! Вот я и добрался. Теперь не страшны дальние расстояния. От Москвы до Петрозаводска летел всего три часа. А от Петрозаводска до места назначения — еще два, уже на вертолете. Здесь вертолеты в большом ходу: поселки от города расположены далеко, — и женщины по воскресеньям даже на базар летают на вертолетах...

Летел я, летел и залетел в лесные края. Завод стоит на лесной вырубке, а дома — прямо в лесу, тесным кольцом. Улицы — лесные тропинки. Электрические лампочки висят на деревьях.

Людей мало, а снегу много. Поэтому все ходят на лыжах. Мальчишки и девчонки. Учителя и строители. Школьные нянечки тоже на лыжах. И я хожу на лыжах. А если без лыж, можно провалиться в снег по самую макушку.

Все. На первый раз достаточно. Передай привет маме. Твой папка.

Был у начальника строительства. Он сказал мне, что недельки через две соберут группу разведчиков, которые будут искать место для рабочего поселка.

— А то сейчас холодно, — сказал начальник. — Трудно искать.

Я вышел. Не спеша надел лыжи. Пока я возился с креплениями, у меня пальцы замерзли и не гнулись. «Действительно холодно, — подумал я. — Но ничего не делать и ждать потепления скучно».

Я посмотрел на заводские трубы. Они дымились. Раньше тут был небольшой завод, а теперь неподалеку открыли новые залежи железной руды и начали строить современный завод-гигант.

Когда я шел к начальнику, на пустыре, где будут строить новые заводские цеха, никого не было. А сейчас там уже работали проектировщики. Они измеряли поле, чтобы спроектировать все это на чертежах.

Проектировщики работали в толстых варежках, и поэтому рулетка часто выпадала у них из рук. Для того, чтобы ее поднять, приходилось каждый раз снимать варежку и опускать руку в снег. «Пальцы у них, вероятно, превратились в деревяшки, — подумал я, и мне стало совсем скучно от этого мороза. — Летел, спешил, а теперь жди и мерзни!»

Разозлился я и решил: утром выйду, наплюю на мороз и поеду сам искать место для поселка. Твой «морозостойкий» отец.

Здравствуй! Давно тебе не писал. И два первых письма не успел отправить, потому что у меня неудача. Ну, а если говорить прямо, то лежит твой папка пластом на больничной койке, да еще на редкость в неудобной позе.

Сам-то я лежу. А моя левая нога висит — в пяточной кости провернута дырочка, сквозь нее протянута проволока, на проволоке груз.

Все это придумали доктора затем, чтобы сломанная нога, когда будет срастаться, не стала короче правой.

Ну, конечно, сейчас мама скажет, что я зря поехал сюда. Но в Москве я все время рассматривал чужие проекты новых городов и заводов, а здесь я буду строить сам. Теперь я всю жизнь буду ездить по новым местам и строить дома для людей. А когда стану стариком, вернусь в Москву и каждое утро буду открывать географическую карту и искать те места, где я строил. Буду жить воспоминаниями. Потому что у всех в жизни надежды, мечты, работа. А у стариков только воспоминания. И если им нечего вспоминать, — значит, они плохо прожили свою жизнь. Скучно.

Значит, я поехал не зря. И если бы заранее знал, что сломаю ногу, все равно бы поехал.

Зато какое место я нашел для заводского поселка! На берегу озера, среди могучих, столетних деревьев!

Идет доктор. А мне ведь запрещено писать. В следующем письме я расскажу тебе, что со мной произошло. Папа.

По утрам к нам в палату входит доктор. Останавливается у каждого больного и внимательно выслушивает его. Когда подходит моя очередь, я медленно начинаю расстегивать рубашку на груди. Я не тороплюсь, мне некуда торопиться. Доктор слушает мое сердце и говорит ровным голосом: «Не дышите, вдохните глубоко, задержите дыхание».

У доктора черные волосы и серые, немного печальные глаза, как у нашей мамки и у тебя. Хорошо, что около меня серые глаза. Они мне напоминают далекий дом. И тишину наших комнат. На секунду мне даже кажется, что у меня не болят ноги. Я хочу, чтобы доктор поговорила со мной побольше, рассказала про жизнь за окнами больницы. Но я не решаюсь спросить у нее об этом и говорю одни и те же слова:

— Как мои дела?

— Пока по-старому, — отвечает доктор.

Она поворачивается и идет дальше, и ее белый, туго накрахмаленный халат шуршит на ходу.

А сегодня я узнал — нянечка Ефимовна сказала, — что нашему доктору всего двадцать три года. Неужели через десять лет ты будешь тоже такая серьезная?

Ночь. В палате все спят. Сегодня дежурит Ефимовна, и она разрешила мне зажечь ночничок у кровати.

Итак, сейчас я расскажу тебе, что случилось со мной.

Я взял лыжи и пошел искать место для поселка. Шел долго, час или два, сворачивал вправо и влево, петлял, как заяц. Но никак не мог найти того, что искал. Кругом лес, деревья старые, высоченные, глубоко, видно, ушли в землю корнями. Чтобы та-

кое место под поселок расчистить, много надо труда и денег затратить.

Мне стало жарко. Я расстегнул куртку и сдвинул шапку со лба. И тут я впервые пожалел, что не взял с собой проводника. «Трудно, — подумал, — будет возвращаться». Но все равно пошел дальше. И задвигал я ногами: левая вперед, правая вперед, левая, правая... А лес все бежал и бежал, и не видно было ему конца.

Вдруг он совсем неожиданно кончился. Сразу.

Я вышел на большую поляну. Она тянулась с километр, а потом падала куда-то вниз. Это было как раз то, что я искал. Никто не мог разделить со мной радость, но все равно я закричал: «Ура! Ура!» — и замахал руками.

Белка охладила мой пыл. Она уронила с ели ком снега, и он попал мне за воротник. Я оттолкнулся палками и медленно покатил вперед. На краю долины увидел лесное озеро подо льдом. Только в одном месте виднелась широкая полынья. Это быстрая, порожистая речка несла свои воды в озеро.

«Вот какая удача! — подумал я. — И вода для водопровода и быстрая речка для электростанции». Я повернулся спиной к озеру и стал изучать свою снежную пустыню. Но она для меня уже не была пустыней. Нет! Дома стояли один к одному, красивые улицы пролегли, и уже люди шли, ребята бегали... И тут я увидел, что действительно кто-то неведомый приближался ко мне.

Это был лось. Тяжелый, могучий сохатый. Он шел, низко опустив голову, весь серебристо-белый от мороза. Из его ноздрей вырывались струйки пара.

«Вот он, мой первый горожанин!» — подумал я и решил даже в его честь назвать одну улицу поселка улицей Белого Лося.

Белый лось увидел меня, задрал голову с широкими, крепкими рогами, пошевелил ноздрями и нехотя, важно свернул в сторону. Сухой валежник щелкнул у него под копытом.

Тушу свет: кто-то идет по коридору.

Здравствуй еще раз! Пишу тебе письма в толстую тетрадь, но пока не отправляю. Складываю до лучших времен.

Продолжаю свой рассказ...

Попрощался я с Белым лосем и отправился в обратный путь. Плавно скользили лыжи по сыпучему, мерзлому снегу...

Больше я ничего пока вспомнить не могу. Очнулся в палате. Белые стены, белые лица у больных, белые халаты на врачах и сестрах. За окном белый снег. И лежать как-то неудобно. Только на спине. День, два, три... И говорят, еще неизвестно, сколько времени. Посмотрел на ноги, одна, вижу, висит. Пошевелил другой, вроде не шевелится.

— Что у меня с ногой?

— Сильно обморожена, — ответила Ефимовна.

Закрыл глаза... Вижу Белого лося, прямо на меня идет. Открыл — доктор. Обмороженную ногу смотрит и качает головой. Ушла.

Стал я припоминать. Помню поляну, Белого лося. А дальше... Что было дальше? А тут еще нога «висячая» болит. В горле пересохло. Протянул руку к лицу — зарос, борода колючая. «Эх, — думаю, — давно лежу, если успел так обрасти! Как бы там без меня не начали поселок строить на другом месте!»

Задремал. И вдруг слышу голос: «Дяденька, что с вами случилось? И валенок один потеряли. Вы же замерзнете!»

Открыл глаза — снова никого. Нянечка Ефимовна около меня сидит и так жалобно смотрит. И это мне даже вспоминать мешает.

Пришла медицинская сестра. Будет делать мне укол. Витамин B^1 с новокаином. А потом будут колоть глюкозу. Это все для восстановления моего здоровья. А потом — пенициллин, чтобы обмороженная нога перестала болеть.

Бросаю писать, буду колоться. Целую тебя и маму. Ваш папка.

Меня перевели в отдельную палату. Лежу, как сыч, один. И вдруг, представь себе, все вспомнил.

Вспомнил, как упал со всего ходу в снежную яму... Острая боль в ноге... Очнулся, посмотрел: одна лыжа разлетелась пополам, другая целая. Попробовал встать, но тут же упал от боли. В глазах потемнело: снег стал темным, деревья черными. Тогда, чтобы не потерять сознания, я закричал. Но на мой крик никто не ответил. Думаю, если не вылезу из ямы, то замерзну. Снял уцелевшую лыжу с ноги, повернулся на живот и пополз. Трудно было ползти. Снег набивался в рукава куртки и холодил лицо. А потом появился мальчик. У него были узкие глаза и крепко сжатые губы. Рядом с ним стоял лось. Он склонил ко мне морду, шлепал большими толстыми губами, и струйки пара из его ноздрей грели мне лицо.

— Вам нельзя спать, — сказал мальчик. — А я сейчас. — Он скоро вернулся, и в руках у него был валенок. — Это ваш. Я вам его надену, а то померзнете. Я знаю вас, вы со стройки.

Он снял свои лыжи, связал с моей уцелевшей и осторожно перевернул меня на них. Пробирались мы медленно. Мальчик все время проваливался глубоко в снег. Он был весь белый от снега: от ног до шапки. Снег примерз к нему. Около воротника от дыхания у него выросли сосульки, и, когда он делал резкое движение, сосульки со звоном падали.

— Ты иди, — сказал я ему, — а я подожду.

Мальчик мне ничего не ответил, или я просто не слышал, что он ответил...

Я спросил у Ефимовны, кто меня привез в больницу. Она мне ответила: рабочий на санях. И стал я раздумывать, что про мальчика мне все приснилось. Ну, как мог, на самом деле, мальчик протащить дядю в восемьдесят килограммов несколько километров!

— Чего ты там строчишь? — перебила меня Ефимовна. — Ты лучше о себе подумай! Одна нога переломана, другая обморожена. Докторша из-за тебя совсем извелась, она ведь неопытная.

В крепкую переделку я попал, как видно, и скоро мне не подняться! Болеть плохо и всегда не вовремя.

Не писал тебе четыре дня. Но сегодня у меня радость, и я после этого на свои несчастные ноги не обращаю внимания.

Пришла Ефимовна и сказала:

— Гость к вам. Разрешили на десять минут.

«Ну, — думаю, — кто-нибудь со строительства приехал». Обрадовался.

Дверь стала тихонько открываться, а никого нет. Медленно так, просто обидно. И вдруг в дверной щели появилась мальчишеская голова, коротко остриженная, с узким разрезом глаз.

Мальчик остановился и не знает, что делать. Я ему руку протянул и крепко сжал его руку. Ладошка у него маленькая, но крепкая и мозолистая.

— Спасибо, что выручил из беды!

Он ничего не ответил, покраснел и подал мне письма, мамины и твои. Мне даже жарко стало, так я обрадовался, когда увидел ваши письма. Но я отложил их.

— Прости, — сказал я, — как тебя зовут?

— Петя.

— А меня Алексеем Павловичем. — Я ему это говорю, а он встал и к дверям. — Ты куда?

— Сейчас, — ответил Петя. Высунулся за дверь и вернулся с небольшим ведерком. — Это вам от нашего отряда. — И открыл бумагу, которой было прикрыто ведерко.

В ведерке лежала брусника. Свежая. Крепкая. Похожая на сорочий глаз. На меня лесом пахнуло.

— Под снегом собирали, — сказал Петя. — Врач велел, брусника для больных полезна. Я ведь к вам уже не первый раз, но меня не пускали.

— А как же вы ее нашли?

— Силач помог. Лось. Он чует, где она. Разгребет снег копытом, поест немного и уходит дальше. А мы остатки собираем.

— Лось?

— Да. Мы его Силачом зовем. Вы разве не помните? Когда я вас тащил, он рядом шел. Он ручной, я его подкармливаю. Людей совсем не боится. И умный-умный. Все понимает. Он меня всю дорогу провожал до больницы. Сахар любит, сладкоежка!

Дверь открылась, и вошел доктор. Она внимательно посмотрела на Петю и сказала:

— Гостю пора уходить. Ты можешь прийти, мальчик, через два дня.

— Доктор, еще пять минут! — попросил я. — Мне надо написать несколько слов на работу!

— Хорошо, — ответила она. — Я вам пока помассирую ногу. Это вам не помешает.

Длинные мягкие пальцы доктора забегали по моей ноге, сначала нежно-нежно, еле прикасаясь. Потом сильнее, сильнее, и затекшие места стали оживать, и тысячи мелких иголок вонзились в мою ногу.

— Готово ваше письмо?

— Готово, — ответил я. — Вот, Петя, передай на строительство. Выручи еще разок.

Доктор и Петя ушли. А у меня в комнате еще несколько минут пахло брусникой, морозным воздухом и какими-то незнакомыми духами доктора. А потом пришла медицинская сестра делать мне уколы, и сразу снова запахло лекарствами. Папа.

Сегодня опять приходил Петя. Отличный он парень! Чтобы прийти ко мне, ему надо отмахать десять километров. Петя принес хорошую новость. Его отец, он работает прорабом на строительстве, передал мое письмо о рабочем поселке начальнику. И тот уже назначил группу разведчиков. Они поедут осматривать участок, который я нашел в лесу. Ясно тебе?

Теперь все будет нормально. Только начнут без меня. Скоро весна, и нужно начинать строить.

Здравствуйте, мои дорогие и далекие! Мне стало хуже. Обмороженная нога все время болит. Ночь и день. Кашляну — отдается в ногу, пошевельну рукой — отдается в ногу. Кто-нибудь хлопнет дверью посильнее — тоже отдается в ногу.

Только что у меня был доктор. Она сказала, что завтра меня будут оперировать.

— Операция не сложная, я ее сама хорошо сделаю. Нечего вызывать хирурга из города.

Я посмотрел в окно. На улице был снежный буран. Третий день я не вижу неба. «Вот почему операция простая и можно не вызывать хирурга, — подумал я. — Разве в такую погоду прилетишь?!»

Мне захотелось сказать доктору, что я все понимаю. Понимаю, что у меня гангрена и мне отнимут ступню на правой ноге. Понимаю, что операция сложная. Понимаю, что она еще никогда не делала такой операции и нечего ей меня обманывать.

Я взглянул на доктора. Она стояла, крепко сжав кулаки. Костяшки пальцев у нее от этого побелели. «Совсем девочка, — подумал я. — А как далеко она заехала! Уехала из дому, и никто ей сейчас не может помочь. Как же она будет делать операцию? Спокойно, — сказал я себе. — Спокойно. Держись, как в бою!»

А вслух ответил:

— Хорошо, доктор, оперируйте. А то мне надоела боль, и я хочу быть здоровым.

Писать больше не о чем.

Меня привезли в операционную и положили на стол. Белый и высокий. По сторонам мне смотреть было неудобно, потому что я лежал на столе без подушки, и я смотрел в потолок.

Прямо над столом висела большая электрическая лампа с блестящим абажуром. Потом я увидел доктора. Я не сразу узнал ее в марлевой повязке на лице, из-под которой видны были лишь глаза. Она казалась совсем незнакомой в резиновых перчатках и в длинном, не по росту клеенчатом переднике — самая маленькая и самая худенькая среди всех.

— Маску больному! — сказала она.

Мне поднесли ко рту какую-то трубку и попросили:

— Дохните, смелее!

Я потянул и почувствовал во рту сладковатый привкус.

«Сейчас начнется», — подумал я. И больше ничего не услышал. Заснул от наркоза.

Проснулся уже после операции. Меня сильно тошнило и кружилась голова; я открыл глаза и увидел доктора.

— Как вы себя чувствуете?

— Почти здоров.

А теперь я действительно здоров, потому что то, о чем я только что писал тебе, было десять дней назад. Вчера восстановилась летная погода, и ко мне прилетал хирург из города. Посмотрел мою ногу, сказал, что скоро я смогу танцевать, и похвалил нашего доктора за хорошую операцию. А сегодня ко мне пришел доктор. Смотрю, а она какая-то не такая. Не могу понять, в чем дело. Она засмеялась и говорит:

— Я себе челку выстригла! Вчера, когда хирург похвалил меня за операцию, я от счастья прямо не знала, что делать. Вот взяла и выстригла челку. Ничего? Идет мне? — спросила она. — Ох, если бы увидел папа, он бы мне такой нагоняй дал!

— Хорошая челка, — сказал я. — Очень хорошая челка!

— Правда? Ефимовна говорит, что я всю строгость своего лица нарушила. А я ей сказала, что мне строгость совсем не нужна.

Вошла Ефимовна и позвала доктора. Снова я остался один, но теперь уже ненадолго.

Добрый день, москвичи! Мне осталось написать в мою тетрадь всего две странички, и она закончится. Но эти две странички долго ждали своего часа — несколько месяцев. А сейчас я могу их написать, потому что история со строительством нового поселка подходит к концу.

Я живу в городке строителей, на берегу озера. Мы здесь живем в палатках. Рядом со мной разместились Петя с отцом. Петю хотели отправить на лето в пионерский лагерь, но он упросился на строительство. Он мой главный помощник — мои глаза и ноги. Я еще плохо хожу, а он целыми днями носится по стройке с моими поручениями.

Каждое утро я просыпаюсь раньше всех в городке. Меня будит первый горожанин нашего поселка — Белый лось. Будит он меня по простой причине: я его кормлю сахаром. Он просовывает морду в палатку, и я просыпаюсь. Я выхожу из палатки. Тихо. Только в лесу поют птицы. Да еще над кухонной палаткой вьется дым.

Белый лось берет у меня с ладони сахар, и ладонь у меня делается влажной. Морда у лося мокрая, он уже успел умыться утренней холодной росой.

В мглистом предутреннем воздухе фундаменты будущих домов кажутся мне крепостными стенами, а котлованы — рвами, наполненными водой. Но тут выходит повар и начинает изо всех сил колотить палкой в старый таз. Он зовет строителей завтракать.

Белый лось вздрагивает, крутит мордой, чтобы отделаться от назойливого трезвона, убегает в лес. День начался...

Пришел Петя и сказал:

— Алексей Павлович, вертолет прилетел.

Вертолет прилетел за мной. Я должен лететь в город по делам строительства.

Петя волнуется, поэтому его узкие глаза становятся еще уже, а губы сжимаются еще крепче. Я знаю, почему волнуется Петя. Он хочет, чтобы я его взял с собой в город. А попросить не хочет. Он никогда ничего не просит. Мужчина!

Обычно я хожу, опираясь на две палки. А когда со мной Петя, я беру в одну руку палку, а другой рукой опираюсь на его плечо. Сейчас я ему скажу, чтобы он мне подал одну палку. И мы пойдем к вертолету. Удивительно крепкое плечо у этого мальчика, на него можно спокойно опереться!

Мы сидим в вертолете. Машина поднялась ввысь и со звоном разрезает голубое летнее небо. А внизу, под нами, пролегает моя трудная дорога сюда.

ГЛАВНЫЙ ВОЛШЕБНИК

Очерк Б. ВОЛОДИНА

После занятий кружка не хочется расставаться, и юннаты гурьбой идут провожать Владимира Алексеевича.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СКАЗКИ

В одну минуту на маленькой лесной поляне утихла январская стужа. Взвыли и тотчас улеглись февральские вьюги. Снег потемнел и растаял, как в марте. Растеклись весенние апрельские ручьи. Из земли пробилась молодая трава, на кочках распустились голубые и белые цветы. И девочка, которую в морозную новогоднюю ночь прогнала в лес жадная и злая мачеха, набрала полную корзину подснежников...

Это случилось в сказке про двенадцать месяцев, про капризную девчонку-королеву, про смешного профессора, про мачеху и трудолюбивую, добрую падчерицу. Сказку вы знаете. Ее написал поэт Маршак.

А вот что случилось в жизни.

Неподалеку от Москвы есть совхоз «Коммунарка». В совхозном поселке — школа. Однажды на Новый год в зал, где веселились у елки ребята, принесли ландыши. Ландыши были настоящие, живые: тонкие зеленые веточки и только что распустившиеся белые колокольцы, которые издавали нежный ландышевый запах. Не верилось! Каждый школьник хотел сам понюхать и потрогать цветы. А невысокий седоватый человек с серыми усталыми глазами смотрел и улыбался.

Главным «волшебником» в новогодний вечер был Владимир Алексеевич Рачинский, учитель ботаники, младшими — ребята из кружка юных натуралистов.

Еще осенью Владимир Алексеевич ходил с юннатами в лес. Они накопали корневища ландыша, на которых были толстые, тупоносые почки. Из таких и вырастают зацветающие стрелки.

Они создали для ландышей искусственную укороченную зиму и раннюю весну с теплом, с влагой, с щедрым электрическим солнцем. И растения подчинились воле мудрых «волшебников» и к нужному дню зацвели.

САМОЕ СИЛЬНОЕ

Коле Павличеву было тринадцать, когда умерла мать. Пришло горе. Навалилось на парнишку. Он сидел на уроках, уставившись в черную крышку парты. Не слышал. Не видел. Не плакал.

О чем тогда попросил его Владимир Алексеевич? Кажется, нарезать черенков жасмина, высадить в школьном саду, проследить, примутся ли... Николай все делал. Сначала механически. А потом как-то пришел, сказал:

— Принялись... Растут...

И вдруг улыбнулся.

Он очень увлекся работой. Ему нравилось прививать на шиповнике чайные розы и выращивать саженцы яблонь. Когда Николай касался веток, пальцы становились чуткими и нежными.

Расцветал жасмин. Желтели на грядках дыни... Будущая жизнь становилась для мальчика ясной, а горе — далеким.

У Владимира Алексеевича было свое большое горе. Раньше он работал здесь вместе с женой Еленой Николаевной. Они вме-

сте окончили институт. Вместе учили ребятишек, посадили замечательный школьный сад: ведь Елена Николаевна в юности работала у самого Мичурина...

Когда Владимир Алексеевич вернулся с войны, Елены Николаевны не было в живых. Вьюжной ночью на станции, пытаясь спасти пожилую женщину, упавшую на рельсах, она попала под поезд. И сад погиб в морозные военные зимы. Только уцелел пионовый куст, посаженный Еленой Николаевной. Пионы и теперь пышно зацветают летом.

Вернувшись в школу, Рачинский начал все сначала.

Давая Коле первое задание, он не думал, что Коля Павличев вот так, на всю жизнь, полюбит агрономию, садоводство. Но он знал, что работа — самое лучшее. Она заполнит собою жизнь и облегчит горе.

Виктор Кирсанов учился на класс или на два старше Николая. Красивый, светловолосый, с кокетливой прической, Виктор много читал, хорошо учился и слегка красовался этим, наверное, оттого, что ему не удавалось поладить с ребятами. А это ведь обидно: не иметь друзей, чувствовать себя на отшибе, будто хуже других!

— Приходи в сад, — сказал Владимир Алексеевич и в саду дал Виктору работу.

Может быть, Виктор и пришел-то впервые просто потому, что не прийти неудобно, если зовет учитель.

Сначала он не умел работать, и по заведенному порядку те, кто умел, учили его. Так и рухнула стенка между Виктором и другими ребятами.

Его тянуло к необыкновенному. И выращивал он в холодном Подмосковье виноград. Но в голову не приходило похвастаться, потому что в труде все равные: потому что вместе работали и вместе на осеннем празднике урожая съедали жестковатые и сладкие виноградины мичуринского «Буйтура» и «Северного Потапенко».

После окончания школы Виктор поступил в Сельскохозяйственную академию. Ничего необыкновенного в профессии агронома нет. Но парень не хотел другого дела, кроме того, которое подарило ему радость дружбы с товарищами и природой.

Ребята растут незаметно. Казалось, только вчера пришел в сад человек из замечательного племени пятиклассников, готовый беззаветно увлечься цветами, кроликами, чем угодно. Годы — как минуты. И вот уже вышел человек из школы в большую жизнь, а память о нем осталась здесь, в школьном

Ученики Рачинского, окончив школу, придут работать в совхоз, и придут не новичками: Владимир Алексеевич научил их владеть современной техникой.

саду — аккуратная табличка возле кустов:

«Крыжовник Хаутон, 1957 год.
9-й класс. Звено Анатолия Жиркова».

У кустов работают совсем другие ребятишки. А сам Анатолий в совхозе. Он все так же молчалив и аккуратен, как в школе. Он хороший работник, и люди его уважают.

Выйдя из школы, люди приобретают разные профессии: работают комбайнерами, ветеринарами, птичницами, слесарями, строителями. Но у всех на всю жизнь остается любовь к саду.

В садах окрестных деревень и поселков деревья весною покрываются белыми цветами, а по осени ветви гнутся под тяжестью мичуринской антоновки, аниса, бельфлера-китайки. И если спросить хозяев такого сада, окажется, что кто-то в семье учится или

учился в коммунарской школе, что это Владимир Алексеевич дал из юннатского питомника юные деревца и черенки ягодников, научил, как их растить.

БОЛЬШОЙ ОПЫТ

Совхозные поля и фермы лежат рядом с поселком. Там работают родители. В маленьком поселке даже восьмилетнему мальчишке про совхоз известно все.

У учеников Владимира Алексеевича хорошо идет работа на фермах — они любят птиц и животных. Пять тысяч уток вырастили они летом.

Матери иногда сердились на юннатов:

— Дома в огород еле заманишь, а в школьном саду да в совхозном поле целый день готовы пропадать...

Что же так увлекает ребят?

Секрет вот в чем. Владимир Алексеевич заставляет привычный мир вдруг стать необычайным.

Это начинается с «азбуки», с первых опытов, в пятом классе.

Опыт ставят на уроке. А длиться он может неделями. Даже месяцами.

Прошли сорок пять минут. Отзвенел звонок...

Если б это был русский язык, за сорок пять минут вполне усвоишь, как писать суффиксы «чик» и «щик». А тут самое любопытное осталось впереди... Ведь за сорок пять минут не прорастут горох или зерна пшеницы! Ну, а скажите: какие все-таки прорастут? Сухие? Или те, что в стакане, доверху налитом водой? Или зерна, накрытые мокрой промокашкой?..

Несколько дней на переменках пятиклассники бегали в биологический кабинет смачивать подсыхающие промокашки. И наконец увлажненные зерна лопнули, из них пробились крохотные ростки. А сухие и те, что под водой, не проросли...

Так на подоконнике класса начинается знакомство с жизнью природы. А продолжение идет в саду, на школьном участке, на ферме. Нужно научиться пасынковать помидоры, пикировать рассаду, ухаживать за коровами и выкармливать белоснежных пекинских уток.

В прошлом году весной начался большой опыт всей школы. Не в классе, не на подоконнике, а на совхозном поле в четырнадцать гектаров. Ученики Владимира Алексеевича взяли шефство над кукурузными полями совхоза. Больше того: они решили вырастить кукурузу до полной зрелости на семена.

Кукуруза — растение южное, и под Москвой она вызревала раньше только на полях Академии сельскохозяйственных наук, под наблюдением ученых. Ученые вывели скороспелый, устойчивый к холоду сорт «Гибрид № 1 Горки Ленинские».

Представляете: раньше кукуруза созревала только у ученых, а теперь ее решили вырастить ребята из обыкновенной школы!

Как они готовились к этому опыту! Каждый класс определял заранее, сколько удобрений нужно вывезти и на какую глубину закопать. Они определяли состав почвы и сколько времени нужно обогревать семена перед посевом.

Они заранее рассчитали, сколько раз и когда нужно подкормить и окучить кукурузу, сколько рабочих рук понадобится и сколько будет стоить такая работа.

И каждый раз, когда школьники приносили Владимиру Алексеевичу свои подсчеты, он заглядывал в свою тетрадь, в которой все уже было, конечно, подсчитано, и улыбался...

И они вырастили замечательную кукурузу, собрали хороший урожай сочных, налитых початков, а две тонны самых спелых отправили в зернохранилище.

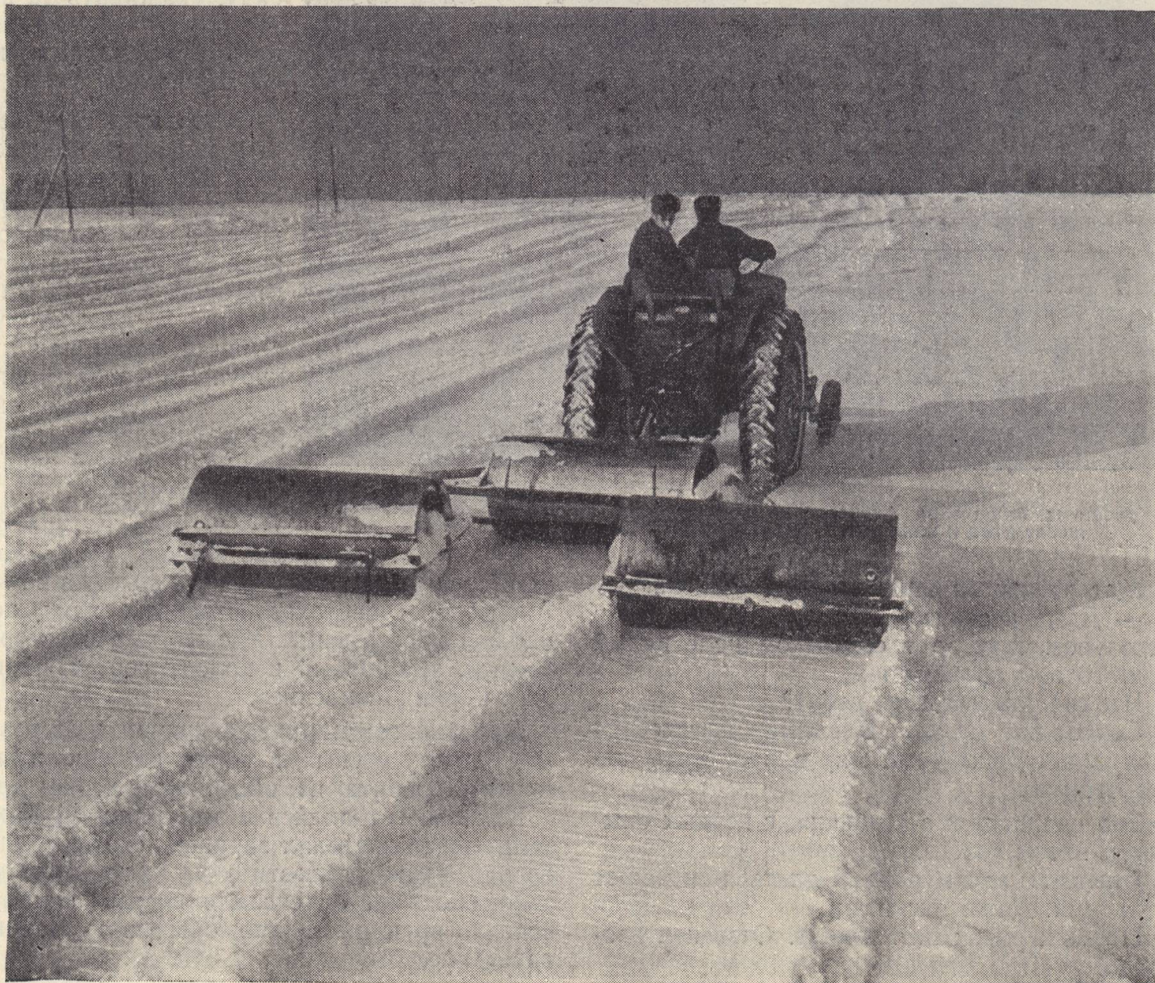
...На столе чернильница, книги. Кукурузный початок — память о лете.

Владимир Алексеевич допоздна проверяет тетради. Он держит тетрадь далеко от глаз и чуть щурится. Вот тетради пятиклассников: буквы нестройные и первые, неумелые рисунки первых срезанных черенков... А у старших более серьезное задание. Они пишут, как впервые пришли на молочную ферму, что увидели в совхозном коровнике. В нем чисто, хорошая вентиляция, но при входе не оказалось дезинфекционного коврика, о который нужно вытирать ноги. Они возмущаются: это недостаток! Нужно принять меры.

У них глаза хозяев. Сегодня они здесь учатся, завтра будут работать. Учитель доволен.

...Он вырастил за свою жизнь много разных растений и деревьев. Если собрать вместе, получились бы огромные поля и сады.

А главное, он воспитывал людей. Научил их любить труд и страну, в которой самое уважаемое и ценное — труд. Он и сейчас учит этому девчонок и мальчишек, которые вырастут и сделаются хозяевами счастливой земли.

Ребята из Больше-Жилкинской средней школы Иркутской области организовали тракторно-полеводческую бригаду. Совхоз закрепил за бригадой 150 гектаров земли. Чтобы собрать высокий урожай, ребята задерживают на поле снег. Посмотрите, как они прокладывают бороздки — перпендикулярно направлению господствующих ветров.

КРАСНЫЕ ГАЛСТУКИ НА СТРОЙКАХ СЕМИЛЕТКИ

КАЧЕНЯТА ТАНИ МАЗУРАШ

Сорок шесть тысяч утят вырастили восьмиклассники Яской школы. Не тысячу, не пять тысяч, а сорок шесть!

И это работа только одной школьной производственной бригады.

Колхоз в Ясках богатый. Село большое. Когда по утрам петухи заводят перекличку, то самые далекие, кажется, кричат не с конца села, а с края земли. Вокруг Ясок лежат тучные поля, за полями лиманы. С лиманов ветер приносит тысячеголосый утиный крик и шум крыльев. Колхозная птицеферма разводит уток — качек, как говорят украинцы.

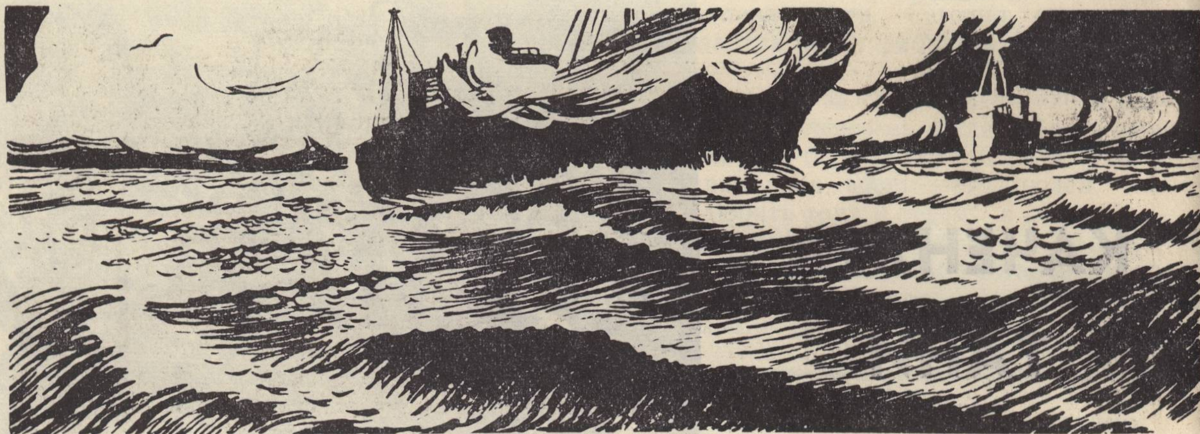
К декабрьскому Пленуму ЦК партии, который подводил итоги работы страны по сельскому хозяйству, колхоз пришел с хорошими результатами. Яские школьники гордятся тем, что и они вложили долю труда в общее дело.

Работать на птицеферме ребята начали в мае. Первые недели были для них трудными. В школе кончался учебный год, приходилось много заниматься, а утята требовали внимательного круглосуточного ухода. Кормили их по нескольку раз в сутки и днем и ночью. Следили, чтобы утята не сбивались кучами, чтобы не давили друг друга. Из инкубатора ребята брали беспомощных, желтых, как сережки цветущей ивы, утят. А через двадцать дней возвращали в колхоз двухкилограммовых уток.

На снимке: бригадир ученической бригады Таня Мазураш.

В. Бахревский

с. Яски, Одесской обл.

Андрей НЕКРАСОВ

Рисунки Ю. Копейко.

СПАСЕНЫ

Давно прошли времена, когда люди месяцами ждали оказии на Камчатку, когда добирались в те края на попутных грузовых судах. Сейчас большие пассажирские суда — лайнеры — по расписанию идут вдоль берегов Камчатки, заходят в порты и в бухты, где ссадят людей, где примут на борт новых пассажиров, где выгрузят почту, где возьмут груз для Большой земли. Вот такой лайнер — многопалубный корабль, пассажирский теплоход «Двина» — шел этой осенью по Берингову морю.

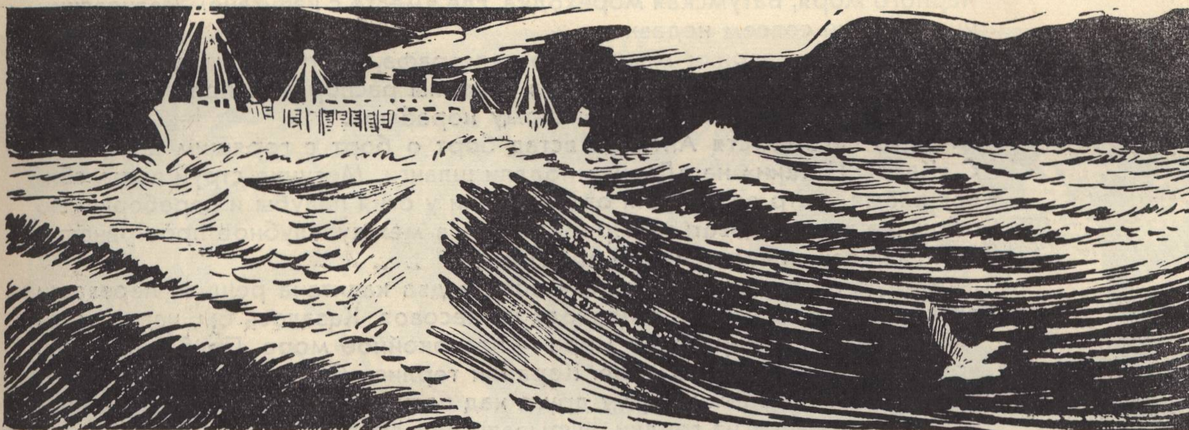
Четыреста двадцать пассажиров находились на борту «Двины» — четыреста двадцать человек, маленьких и больших, сильных и слабых, больных и здоровых, смелых и не очень смелых... Экипаж корабля делал все, чтобы этим людям было хорошо в трудной морской дороге.

Берингово море — море суровое, неспокойное, серое, как небо в осенний дождливый день. И берега суровые у Берингова моря. По-своему величественные, уходят ввысь каменные обрывы. Сменяя друг друга, тянутся на горизонте их вершины в час заката, ломаной линией рассекая мир на две половины: нижнюю — черную, как ночь, и верхнюю — желто-красную, как червонное золото. Красивые берега... Но глаз человека скоро устает от этой угрюмой красоты и, обратившись к серой пустыне моря, ищет, за что бы зацепиться.

Изредка, словно в награду за терпение, вынырнет из воды огромный кит, выбросит в небо высокий фонтан и снова пропадет в море. Еще реже покажется далекий дымок, потом поднимутся над волнами мачты, а за ними надстройки встречного корабля...

Так и проходят в морской дороге дни, похожие друг на друга. Иной раз налетит шквал, иной раз снежный заряд бросится в атаку на корабль, иной раз туман белым молоком зальет море. А корабль идет сквозь шквалы, сквозь снег, сквозь туманы. Идет своей дорогой, милю за милей оставляет за кормой.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ДРУГ

Была середина октября. В эту пору рано смеркается в тех местах, и пассажиры, прослушав вечерние известия, разбрелись по каютам. И вдруг — это было уже в одиннадцатом часу — тревожный сигнал нарушил уютную тишину корабля. И сразу защелкали двери кают. Пассажиры, одетые и полуодетые, выглядывали, спрашивали, что случилось. А случилось вот что: в машинном отделении корабля вспыхнул пожар. Горит ли уголь в бункерах, горит ли груз в трюмах, горят ли палубные надстройки — пожар на море всегда страшен. Поэтому на всех кораблях на случай пожара каждому в команде отведено свое место и своя обязанность.

И на этот раз по сигналу пожарной тревоги члены экипажа «Двины» — кто с огнетушителем, кто с брандспойтом, кто с кошмой — бросились в бой с огнем. Другие расчехлили шлюпки на шлюпочных палубах. Пассажирам предложили спокойно одеться на всякий случай.

А положение было трудное. Жидкое топливо огненными ручьями разлилось по машинному отделению. Высокими языками пламя прорвалось к жилым палубам... Шторм бушевал в море, и надежда на шлюпки была плохая. И когда ясно стало, что предстоит долгий и трудный бой с огнем, что пассажирам, жизнь свою доверившим кораблю, грозит смертельная опасность, капитан корабля Юрий Владимирович Ивановский написал несколько строчек в блокноте и передал радисту.

Внизу бушевало пламя. Внизу люди, рискуя жизнью, пытались обуздать его, а наверху в своей маленькой рубке радист настроил станцию на аварийную волну и отстукал ключом: "Всем, всем, всем..."

Три точки, три тире, три точки... «СОС, СОС. Теплоход «Двина». Всем судам в Анадырском заливе, Беринговом проливе. Владивосток начальнику пароходства Малахову. СОС, СОС. 15 10 22 45 местного времени на широте 63 градуса норд и долготе 173 30 ост пожар в машине. Тушим всеми имеющимися средствами. Имею на борту пассажиров. Нужна немедленная помощь.

Капитан Ивановский».

Много кораблей было в тот день в Анадырском заливе и в Беринговом проливе. У каждого корабля было свое срочное, нужное дело. Но когда радисты, приняв радиограмму «Двины», подали ее текст капитанам, все капитаны, как один, склонились над ходовыми картами, про-

чертили остро очиненными штурманскими карандашами новые пути для своих кораблей и новые курсы дали рулевым.

Ближе всех к «Двине» был лесовоз «Клара Цеткин». Он стоял в бухте Угольной. Капитан лесовоза Георгий Селиванович Антидзе прочитал радиограмму «Двины». И на минуту вспомнились ему солнечные берега Черного моря, Батумская мореходка, где вместе с капитаном Ивановским учились они совсем недавно...

Зазвенели звонки машинного телеграфа, застучала машина. И вот уже «Клара Цеткин», разваливая в стороны распоротые пополам волны, полным ходом спешит к аварийному кораблю...

Два часа спустя Антидзе встал борт о борт с горящим кораблем. С «Клары Цеткин» на «Двину» подали шланги. Могучие струи воды, сбивая пламя, метр за метром отвоевывали у огня палубы и переборки. Но огонь не хотел сдаваться. Прорвавшись в междупалубное пространство, он начал захватывать жилые помещения.

Тогда на коротком военном совете два капитана решили перевести пассажиров с горящего теплохода на лесовоз. Казалось бы, чего проще сделать это! Но Берингово море — неспокойное море. Прибавил ветер, крупная зыбь пошла по воде. Корабли терлись бортами, то поднимаясь стальными громадами друг у друга над палубой, то проваливаясь в пропасти... Как репку из грядки, вырывали они друг у друга из палуб стальные тумбы — кнехты, за которые были закреплены швартовы. Рвались пожарные шланги. Ломались трапы и сходни. Стальные тросы лопались со звоном, как струны, высекая из палуб созвездия искр. И тогда, отдав швартовы, корабли разошлись и вновь сошлись, чтобы на ходу передать пассажиров с палубы на палубу. Нужно много смелости и много искусства, чтобы выполнить такое, казалось бы, простое дело. И смелости и искусства хватило у молодого капитана Антидзе. К семи часам утра перевели на лесовоз пассажиров «Двины» всех до одного и всех женщин из ее экипажа.

А пожар продолжался. В машине прибили огонь, но в междупалубных помещениях он бушевал с новой силой. Он прорывался на корму и здесь, найдя свежую пищу, располыхался так, что докрасна накалились стальные переборки.

Любой неосторожный шаг, любое неловкое движение грозили смертью. Трое геройски погибли в огне: механик Балеев, машинисты Безродный и Акимов. Но люди вели борьбу, забывая о себе, не теряя веры в победу. И, наверное, одолели бы они пожар, если бы не новая беда: столько воды набралось в трюмах «Двины», что корабль начал крениться. Пришлось ограничить работу пожарных помп, и огонь с новой силой пошел в наступление. Снова вспыхнуло в машине. Сильнее загорелось на корме, и казалось уже, что положение безнадежное. Но капитан не хотел признавать себя побежденным. Когда министр морского флота разрешил ему оставить горящий корабль, капитан Ивановский ответил:

«Буду до конца бороться с пожаром...»

И он продолжал борьбу.

«Клара Цеткин» ушла, увозя пассажиров. На помощь экипажу «Двины» пришли другие корабли.

Расправившись с остатками огня, моряки откачали воду из трюмов «Двины», взяли ее на буксир и отвели в бухту Провидения.

СЛУЧАЙ В ТАЙГЕ

В. СИТНИКОВ

Светлане Зыкиной восемь лет. Живет она в городе Мураши. Однажды отец Светланы, рабочий конторы «Заготскот», поехал в деревню Девятое и взял с собой дочку. Пока отец работал, Светлана познакомилась с ребятами, Алешей и Вовой, и отправилась с ними в лес.

Земляники в лесу столько, сколько Светлана никогда не видела. Жаль только, мальчики торопятся, нет, чтобы остановиться и пособирать ягоды как следует. Вот попалась полянка, усыпанная земляникой. Ну и пусть бегут мальчишки! Стала Светлана ягоды рвать. Ну, кажется, все!

— Алеша! — крикнула она и прислушалась.

«Ш-а-а!» — ответило эхо. Светлана немного подождала и снова крикнула. Опять отозвалось только эхо. «Ушли и оставили, вот какие!»

Что делать? Светлана побежала обратно. Нет, не та дорога! Снова на полянку, но и ее уже нет! Плача, бегала она по лесу и совсем выбилась из сил. Когда красное солнце закатилось за черные елки, стало в лесу совсем темно.

— У-у-ух! — заухал кто-то в темной чащобе.

Светлана согнулась на пеньке и закрыла лицо ладонями.

* * *

Весь день до позднего вечера вместе с косарями искал Зыкин свою дочь. Вместе с Алешей и Вовой побывал там, где они оставили Светлану, но напрасно. Он обошел не один десяток километров, охрип, сбил ноги, измучился и уже поздно ночью постучался в дверь квартиры начальника Мурашинского отделения милиции Ефима Яковлевича Шмакова.

В ту же ночь на поиски Светланы Зыкиной вышло пятьдесят рабочих, колхозников, работников милиции. Они искали и весь следующий день.

Поздно ночью в кабинете председателя райисполкома склонились над картой работники райисполкома, райкома КПСС, редакции. Они разрабатывали план дальнейших поисков Светланы Зыкиной.

В ночь по тревоге были подняты охотники. Они выходили в полном снаряжении, с собаками и отправлялись к райисполкому. Сюда же немного позднее собрались рабочие депо, еще не успевшие смыть с рук машинное масло. Машины дорожного отдела увозили их в лес. Забыв о еде, об усталости, цепью шли по тайге десятки людей, осматривали каждый куст, каждый овражек, но девочки нигде не было.

Утром и днем местное радио объявляло всем, кто услышит, что потерялась Светлана — девочка восьми лет, в розовом платьице, со светлыми косичками. Просьба: если кто-нибудь увидит, сообщить в райисполком.

Из Кирова были вызваны два самолета. Может быть, летчики заметят в лесных зарослях маленького восьмилетнего человека? Но летчики, искавшие Светлану, сбросили вымпел: девочка не обнаружена.

* * *

...Утром Светлану разбудил стук. Солнце еще только поднималось, а кто-то уже стучал в лесу. Дятел, красногрудый, большеносый, совсем не страшный. Светлана вдруг вспомнила, что ей хочется есть. В траве краснела земляника. Девочка жадно бросилась к ягодам.

Вот она, Светлана Зыкина, девочка, которую спасли от беды незнакомые люди.

Немножко утихомирив голод, она побрела, прихрамывая, дальше. Она шла и шла, падала, поднималась и снова шла...

* * *

Третий день велись поиски Светланы. Уже в другие районы тайги двинулись сотни лесорубов, охотников, колхозников.

На одной из заросших лесных дорожек заметили детский след и пошли по нему. И вдруг навстречу вылетел мотоциклист, он держал девочку в рваном розовом платьице.

— Светлана?

— Она!

— Давай ее сюда! Мы в Девятое идем. Быстрей домой попадет.

Мотоциклист передал девочку рабочему Кириллу Иванову.

На радостях все забыли спросить фамилию мотоциклиста, спасшего девочку. Только от Светланы узнали его имя — Геннадий. Так он и остался во всех записях неизвестным Геннадием.

Светлана удивлялась: почему-то мотоциклист, увидев ее, радостно схватил в охапку и закричал: «Нашли Светлану! Нашли!» Почему-то теперь ее несли на руках, и все встречные люди улыбались ей, а женщины утирали слезы. Почему-то все знали ее, окликали по имени, будто стала она за эти три дня близкой сотням людей.

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ДРУГ! Да, у нас, в социалистической стране, это так. Когда человек в беде, когда ему трудно, на помощь приходят друзья, земляки, а иногда и совсем незнакомые люди — все, кто узнал о беде.

Вот о таких людях, которые умеют заметить чужое горе, не остаются к нему равнодушными, о людях, которые ради других забывают о себе, о тех, кто готов на подвиг, мы рассказываем в этом отделе журнала.

И вы, ребята, тоже пишите нам о хороших людях, о случаях, когда человек приходит на помощь человеку!

Зима в Москве

Ирина СНЕГОВА   Рисунок В. Цельмера.

Ходит ночь, заглядывая в окна
Поздними огнями,
И шаги то скрипнут, то заглохнут
Где-то рядом с нами.

Снег ложится хлопьями большими,
Землю покрывая,
Мчатся запоздавшие машины,
Едут в парк трамваи.

Транспортеры подставляют спины,
Снег лопаты месят...
На высотном доме, тучу сдвинув,
Примостился месяц.

Ходит ночь. Давно заснули дети.
Город ровно дышит.
И, свернувшись, белый зимний ветер
Спит на белой крыше.

...Снег в Москве. Мороз окошки студит,
В белых шапках зданья...
Но теплей и легче в мире людям
От ее дыханья.

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 1 ЯНВАРЬ 1960 г.

По-ленински!

«Учиться, жить и работать по-ленински!» — под таким девизом проходит Всесоюзный смотр пионерских дружин.

Кто получит звание лучшей дружины района, города, области, края!

Это станет известно 22 апреля, в день рождения В. И. Ленина.

Но уже сейчас можно сказать: лучшей дружиной будет та, где растут настоящие ленинцы, где пионеры в делах выполняют заветы Ильича.

Имя Ленина носит наша пионерская организация. Ленинскими делами встретят пионеры день рождения Владимира Ильича.

ПХЕНЬЯН

Пионеры Коамской средней школы провинции Канвондо помогают рыбакам. Рыбаки выделили им два парусных судна и два закидных невода. Ежедневно один из отрядов школы на два часа уходит в море на промысел.

БЕРЛИН

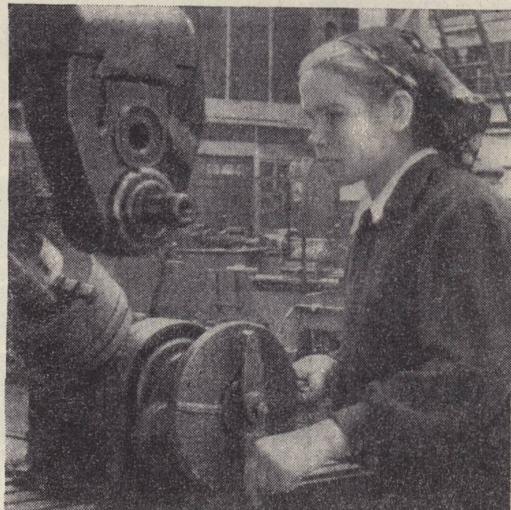
В ноябре в Фюрстенберге-на-Одере открылась пионерская ярмарка. Ребята из села Штайнсдорф продали шесть центнеров лука, капусту, брюкву, 15 кур и 15 кроликов. Пионерская бригада Штайнсдорфа считается одной из лучших в республике.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ

ТАШКЕНТ. Каждый пионер Узбекистана обязался посадить не менее пяти деревьев вдоль автомобильных дорог республики.

ТЮМЕНЬ. Во время похода туристы двадцать первой школы обнаружили залежи охры.

ВЛАДИВОСТОК. Пионерский ансамбль при клубе моряков дал концерты на кораблях «Приморье», «Русь», «Одесса», «Панфилов», «Ялта».

Валя Улякова из девятой коломенской школы на практике. Она работает на фрезерном станке.

НЕ РАСТЕРЯЛСЯ

Горели провода. Алеша кинулся в дом. Не теряя ни секунды, он разыскал электрощиток и, обжигаясь, вывернул предохранители, обесточил провода. Потом притащил ведро воды и залил огонь.

Так ученик 6-го класса «Б» школы № 72 города Ярославля Алеша Сергеев спас дом в поселке Березовая Роща.

На снимке: Алеша Сергеев.

Я. Бреусов,
начальник
пожарной охраны

СЛАВНЫХ ДЕЛ НЕ СЧЕСТЬ В ОТРЯДАХ!

Пионеры соревнуются с комсомольцами ◆ Есть четвертый разряд! ◆ Первые кирпичи пионерского дворца ◆ Тимуровцы.

ХОРОШИЙ ДОГОВОР!

Недавно на сбор дружины первой армавирской школы пришли комсомольцы электротехнического завода. Комсомольский секретарь Николай Рыбкин предложил: «Давайте соревноваться!» Ребята, конечно, согласились. Тут же выработали условия договора. «Мы будем учиться без троек»,— обещали школьники. «А мы — выполнять нормы на 150 процентов»,— ответили комсомольцы.

ДВОРЕЦ ЗАЛОЖЕН

В этот день со всего Бреста стекались пионеры к месту закладки Дворца пионеров. Ребята уложили в фундамент первые кирпичи. Пионеры поработают на стройке по нескольку часов.

КОМИССИЯ УДИВЛЕНА...

Мастерством они овладели быстро. Одно огорчало: станок не настоящий, а «пионерский». На школьном заводе большого станка нет.

И все-таки Володя Кочетков и Валя Долов попросили шефов в локомотивном депо проэкзаменовать их на токарей. Ребята удивили квалификационную комиссию: они обработали детали быстрее, чем положено по норме.

Ученикам 6-го и 7-го классов грозненской железнодорожной школы В. Кочеткову и В. Долову присвоен четвертый разряд.

СПАСИБО, ДРУЗЬЯ!

Письмо пришло в армавирскую школу № 2

«Наш коллектив выражает благодарность тимуровцам 4-го класса «А» за игрушки, сделанные с такой любовью, и за работу на огороде детского сада.

Заведующая детсадом № 5 К. В. Нехаева».

«ВОЛЕВОЙ» ЧЕЛОВЕК

Он прошел километров сорок. Прошел без отдыха. Теперь он лежал в постели и стонал от боли в ногах. Ему казалось, что ноги у него разбухли.

Саше хотелось плакать, но он был горд собой, он доказал себе, что не слабее других, и плакать ему было нельзя.

Несколько лет назад школе, где учился Саша, было присвоено имя бывшего ее ученика, Героя Советского Союза А. Орликова.

Каждый год 23 февраля лучшим пионерам вручались значки орликовцев. Орликовец — это тот, кто не имеет троек, у кого сильная воля и правдивое сердце. Орликовец дежурит у знамени, которое стоит рядом с бюстом героя.

Однажды Саша был очень близок к заветному званию. Он не имел троек.

Но в тот день, когда ему должны были вручить значок орликовца, он получил двойку по географии. Саша не пошел на торжественное собрание и учиться с тех пор стал небрежно. Тогда ребята сказали ему: «Никогда тебе не быть орликовцем. У тебя воли нет».

И вот он прошел сорок километров, просто так, взял и прошел. У него есть воля!

А как вы, ребята, думаете, есть ли у Саши воля?

Биологический кабинет Ясинской средней школы Закарпатской области превратился в настоящий музей. На снимке: Богдан Крецналюк и Василий Вербещук заканчивают чучело барсука.

В КОСМОС!

— Запуск! — раздается команда.

И мы представляем, что лаборатория уже на Луне. Наша космическая лаборатория маленькая, но совсем как настоящая; она заключена в прозрачную плексигласовую оболочку. Вверху — движущаяся радарная антенна, на корпусе — солнечные батареи, ракета-почтальон и ракета с вымпелом. Все это сделано руками ребят!

И. Дехтяр
г. Баламутов.

Автомат Валеры Новикова

Обыкновенный глобус медленно вращается вокруг своей оси, а вокруг него мчится блестящий шарик — точное подобие первого спутника. Через определенные интервалы «спутник» дает позывные «бип-бип-бип...» Эту модель сделал семиклассник 56-й школы г. Алма-Аты Валерий Новиков. Двигателем служит моторчик от электропроигрывателя. Валерий сам составил схемы передач — ременной и фрикционной — к оси глобуса и к проволочному держателю «спутника». Сейчас Валерий Новиков конструирует автоматические звонки на школьных часах.

ПЕРВЫЙ ПИОНЕРСКИЙ

ДНЕПРОПЕТРОВСК. Во Дворце культуры имени Ленина начал работать первый в городе пионерский кинотеатр «Салют». Создан совет кинотеатра. Его возглавляет семиклассница Валя Ситко. Избраны билетеры, пожарные. Появились и киномеханики.

Еженедельно в субботу и воскресенье школьники смотрят здесь детские фильмы.

СПОРТ

ПЛОВЦЫ, НА СТАРТ!

В подвальном помещении нашей школы было две комнаты. Мы решили соорудить здесь бассейн.

Работали все лето, а когда начались занятия — после уроков. День открытия бассейна стал нашим праздником.

И. Фадеев,
школа № 1
г. Гвардейск.

Смешинка

Смысл жизни был таков:
Копить побольше пятаков.

В результате вышло так:
Вырос у него «пятак».

РЕБЯТА!

Эту новую газету всю, от начала и до конца, делают школьники.

Корреспондентом «Пионерских известий» может стать каждый пионер.

Присылайте нам свои заметки о хороших делах, юмористические рисунки, коротенькие рассказы, стихи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Алеша Шестопал (редактор), Женя Берлянд, Валерий Иванов, Таня Копылова.

Марийка

Юрий ЗБАНАЦКИЙ

Рисунки О. Траскиной.

Марийка — самая тихая в шестом классе. Ее словно и не существует. Сидит себе где-то сзади, молча, незаметно. О ней вспоминают лишь тогда, когда учитель вызовет:

— Мария Березка, к доске!

Тихонько, словно украдкой, пройдет она между партами, глаз не подымая, а не то, гляди, кто-нибудь из мальчишек подставит ножку или за платье дернет! Встанет у доски — синеглазая, высокая, тоненькая, точно и в самом деле березка,— и ждет. Когда учитель продиктует задачу, она запишет условие на доске, подумает и молча решит.

— Объясни, как ты решила,— говорит учитель.

И Мария объясняет таким тихим голосом, точно чего-то боится, а сама при этом разрумянится — не то от волнения, не то от смущения.

— Садись, Березка,— скажет учитель, и Марийка осторожно пробирается на свое место; а через минуту все о ней забудут, точно и нет в классе Марии Березки.

На переменах мальчишки вихрем носятся возле школы, девочки играют в жмурки, прогуливаются или нашептывают друг другу свои тайны, а Березка одиноко стоит где-нибудь в сторонке и застенчиво поглядывает на подруг синими глазами.

— Почему никто из вас не дружит с Березкой? — спросила как-то вожатая девочек.

— Да она же такая... робкая очень...— заявила Люся Смык.— От нее слова не услышишь за целый день. С нею от скуки помереть можно.

— По-моему, Марийка — хорошая девочка,— сказала вожатая.

— А я и не говорю, что плохая. Но слишком уж тихая она,— стояла на своем Люся.

А Марийку не очень беспокоило, что у нее нет подруг. Ее друзьями были книги, кот Мурка, цветы в огороде и куклы в полутемном коридорчике.

* * *

Как-то к Марии подошла Люся Смык.

— Послушай, Марийка, что это ты всегда одна? Разве ты ни с кем не хочешь дружить?

Мария с удивлением посмотрела на одноклассницу. Глаза ее яснее всяких слов говорили: «Для чего ты меня об этом спрашиваешь?..»

— Скажи, Марийка, ты хотела бы дружить?

Марийка опустила голову.

— Хотела бы...

— Так почему ты от всех отдаляешься?

Марийка испуганно посмотрела на Люсю.

— Да разве я отдаляюсь? Нет... Но когда мальчишки дергают за косу, а девчонки смеются...

— А хочешь со мной дружить?

— Хочу,— едва слышно прошептала Марийка.

— Вот и прекрасно,— тоном старшей сказала Люся.— Я буду с тобой дружить. Но мы должны во всем советоваться друг с другом. И делать все как можно лучше. И тогда мальчишки не посмеют подставлять ножку, а девочки смеяться.

— Ладно,— не задумываясь, согласилась Марийка.

— Ты пересаживайся на мою парту,— сказала Люся.

На следующем уроке Марийка уже сидела рядом с Люсей.

Она была счастлива: подруга первая предложила ей свою дружбу.

И какая подруга! Люся! Люська Смык, которую не только уважали девочки, а и мальчишки подчас побаивались!.. Марийка почти не слушала того, что говорил учитель. Все время она тайком посматривала влюбленными глазами на соседку, и ее сердце билось часто и возбужденно...

А Люся говорила на переменке девочкам:

— Ох, эта мне дружба! Березка смотрит на меня, словно баран на новые ворота! И придумала же наша вожатая: подружись с Марийкой!

Девочки весело смеялись.

— Но вы у меня смотрите! — строго предупреждала Люся.— Обижать Марийку я теперь не позволю. Так и знайте. Пойду еще предупрежу мальчишек...

Люся мчится на улицу к мальчикам, а девочки удивленно переглядываются.

* * *

— Но я просто дружить не хочу,— сказала однажды Люся.— Я хочу так дружить, чтобы о нашей дружбе вся школа говорила... Чтобы все о нас знали!

Марийка восторженно смотрела на подругу, боясь громко вздохнуть, чтобы не спугнуть чудесные мысли, высказываемые Люсей.

— Мы должны сделать что-нибудь необычное,— напряженно хмурилась Люся.— Ну такое... героическое... чтобы, понимаешь, все о нас заговорили. А?

— Я тебе помогу выучить украинский язык, и у тебя не будет тройки,— пообещала Марийка.

Люська Смык, услышав это предложение, недовольно фыркнула:

— При чем тут тройка? Захочу, пятерку получу! В этом нет ничего героического!

— Тогда знаешь что? — встрепенулась Марийка.— Давай на пришкольном участке что-нибудь вырастим.

Люся снова презрительно поморщилась.

И тут Марийка стала вдруг другой, совсем не той Березкой, какой ее знали в школе.

— Почему ты думаешь, что в этом нет ничего героического? А Марк Озерный разве не за кукурузу получил звание Героя Социалистического Труда? А Степаниде Выштак разве не за свеклу дало правительство две Золотые звезды? А моей маме за картошку в Киеве орден Ленина вручили...

Люся слушала, раскрыв рот. Но в глазах ее было больше удивления, чем восторга.

«Смотрите-ка, Березка может волноваться! Оказывается, она разбирается в таких делах!..» — говорил этот взгляд.

— Так то Озерный! — вздохнула наконец Люся.— То Степанида Выштак! А кто мы с тобой?

— Кто мы?! — блеснула глазами Марийка.— В прошлом году я у себя в огороде кукурузу вырастила. Отец сказал, что за такую кукурузу взрослым большой почет.

В глазах Люси зажглись живые искорки.

— А знаешь что, Марийка? Давай мы с тобой на опытном участке кукурузу посеем. Давай?

— Давай.

— Но только не простую. Нам надо обязательно хороших семян достать.

— А мы Марку Озерному напишем,— заговорщически шептала Марийка.— Он обязательно вышлет нам семена.

— Чудесно! — хлопнула в ладоши Люся.— Пиши, Марийка, а завтра мы подпишем и отошлем.

* * *

Марийка сама написала письмо, сама купила конверт и марку, сама отправила его, а ответ пришел на имя... Люси! В письме Марк Озерный прислал кучку отборных зерен кукурузы и советы юным натуралистам, как ее выращивать.

Люся несколько дней носилась с этим письмом и семенами по школе и хвасталась:

— А мне сам Озерный прислал кукурузу! Мы с Березкой хотим рекорд поставить!

Наконец Люся наигралась кукурузными зернами и передала их Марийке.

— Береги их, Марийка: ты знаешь, как это делать, как температуру поддерживать. А я, боюсь, не сумею.

Марийка с удовольствием взяла золотые зернышки. Когда Люся носилась по школе с семенами, она молчала, хотя и была обеспокоена. Ее тревожило, что подружка может растерять драгоценные зерна. А Люся, и правда, где-то потеряла уже несколько зерен. Марийка только вздохнула, заметив потерю, но промолчала.

С семенами Марийке пришлось повозиться. До сева еще было далеко, и зерна надо было заботливо хранить. Девочка решила держать их в кладовке, не слишком теплой, но и не холодной. Даже термометр она выклянчила у отца. Марийка боялась, чтобы мыши не погрызли зерна. Но тут помогал ей кот Мурка. Переночевав несколько раз в кладовке, он так напугал мышей, что они не осмеливались там появляться.

* * *

Наступила пора работы на пришкольных участках. Юные натуралисты трудились на огороде. Одни сажали картошку, другие готовили грядки под огурцы, а Люся горела нетерпением высеять свою кукурузу.

— Чего же еще ждать? — волновалась она.— Все сеют, давай и мы посеем.

— Да нельзя еще,— рассудительно отвечала Марийка.

— Все у тебя нельзя! И зачем я только с тобой подружилась?!

Березка сразу поникла от этих слов. На глаза навернулись слезы, голос задрожал. Она очень дорожила дружбой с Люсей, но уступить ей не могла.

— Нельзя пока сеять кукурузу. Надо, чтобы почва хорошо прогрелась. Я слежу и уже термометр в землю поставила. Как только будет десять — двенадцать градусов, тогда и посеем. Ты же помнишь, что Озерный нам писал.

— Ну, делай, как знаешь! — недовольно заявила Люся.— Мне все равно, но имей в виду: позже у меня не будет времени.

И в самом деле времени у Люси оставалось в обрез. Когда вскапывали грядки, ее сестра была именинницей, и Люсе пришлось целый день провести в гостях. Когда пришло время сеять, Люсю пригласили удить рыбу. А ведь известно, что удить рыбу куда интереснее, чем возиться с семенами.

Так Марийка и посадила кукурузу одна. Но на другой день Люся проверила ее работу и осталась довольна.

* * *

Да, немало было у Марийки хлопот с кукурузой! Не успели еще прорасти зерна, как на грядки налетели грачи. Марийка знала,

что грачи и вороны — злейшие враги кукурузы, и она не дремала.

Она поставила на своем участке пугало, но этого ей казалось мало, и Марийка обратилась за помощью еще к одному своему верному другу — Серку; привязала собаку на ночь возле грядок, и на следующий день уже ни один грач не осмелился показаться на делянке с юннатской кукурузой.

Наконец из земли выглянули молодые зеленые побеги. Марийка себя не помнила от радости. Даже Люся, и та несколько дней подряд только и говорила о кукурузе. Она приводила на участок ребят.

— Глядите, какая у нас с Марийкой кукуруза! Вырастим урожай не хуже, чем у самого Марка Озерного!

* * *

Пришла пора полоть кукурузу.

— Ты прополешь сама, Марийка? — спросила Люся.— Я бы тебе помогла, но у меня мама больна. Мне сегодня придется обед готовить.

— Так я тебе помогу! — радостно отозвалась Марийка.— Я умею и борщ варить и кашу.

— А мы ни борща, ни каши не варим,— растерянно ответила Люся.— Я буду варить... омлет. Ты знаешь, что это такое?

— Да разве омлет варят?

— Это не тот омлет, что ты думаешь. Этот омлет надо полдня парить, а потом уже варить. Ты, пожалуйста, прополи кукурузу, а я повожусь с омлетом.

— Ладно,— согласилась Марийка.

И она весь день трудилась над своей кукурузой, а Люся с сестрой купались в речке. Не могла же она променять веселое купание на скучную работу в огороде!

* * *

С этого и началось.

— Люся, надо нам кукурузу полить,— говорила Марийка.

— Что ты выдумываешь? — сердилась Люся.— Кукуруза, как лес, а ты поливать! Пусть сама растет, как хочет!

И Марийка поливала одна.

— Люся, нужно кукурузу опылять, чтобы урожай увеличить,— говорила Марийка в другой раз.

— Еще чего не хватало! Пусть сама опыляется!

И Люся бежала смотреть новую кинокартину. А Марийка опыляла кукурузу.

— Люся, надо кукурузу подкормить минеральными удобрениями,— говорила Марийка.

— Ой, мне не до кукурузы сейчас! Подкармливай сама!

И Марийка подкармливала.

— Люся, надо кукурузу культивировать!

— А это еще для чего? — удивлялась Люся.

— Да ведь тогда кукуруза скорее созреет и урожай увеличится...

— Созреет и так, времени хватит,— небрежно бросала Люся и уходила на речку ловить раков.

А Марийка работала одна, непрерывно заботилась о кукурузе.

* * *

Пришло время собирать урожай. На участок пришли директор школы, учитель ботаники, пионервожатая. Марийка и Люся были уже в седьмом классе. Весь класс помогал им в уборке кукурузы. Огромные золотистые початки осторожно складывали в корзины, относили в школьный амбар и взвешивали.

— Молодец, Марийка! Ты вырастила высокий урожай и завоевала право быть участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Марийка смутилась и опустила голову.

— Да уж мы с Березкой старались! — сказала Люся.

Все с удивлением поглядели в ее сторону.

— Скажи, Березка, разве Люся Смык тоже работала на участке? — спросил учитель ботаники.

Марийка молчала. Два чувства боролись в ней: ей не хотелось обидеть подругу, но и сказать неправду она тоже не могла.

— Мы вместе работали! — с обидой в голосе крикнула Люся.— Почему же ты молчишь, Марийка?

Березка еще ниже опустила голову, словно нагнулась от порыва студеного ветра.

— А вот это мы сейчас проверим,— сказал учитель.— Скажи-ка нам, Смык, кукуруза — однодомное или двудомное растение?

— Как это однодомное или двудомное? — удивилась Люся.— В каждом доме может быть кукуруза. Надо только потрудиться.

Ребята захохотали. Марийка вся вспыхнула от стыда.

— А при какой температуре сохраняются семена кукурузы? — снова спросил Люсю учитель.

— Я не знаю. У Марийки спросите.

— Так, наверное, Марийка и вырастила кукурузу?

— Но мы же с ней вдвоем брали обязательство! И я с ней дружила... Вы же сами, Валентина Игнатьевна, велели, чтобы я с Березкой дружила!..— повернулась Люся к пионервожатой.

Марийка встрепенулась. Преодолевая смущение, она подняла голову и посмотрела на подружку. Люся дерзко уставилась в глаза пионервожатой. И Марийка все поняла. Нет, не дружила с ней Люся, а только выполняла поручение...

Горькие слезы хлынули из ее глаз. Она закрыла лицо ладонями и выбежала на улицу.

— Видите, видите, убежала! — торжествующе крикнула ей вслед Люся.— Стыдно было сказать правду!

— Тебе самой должно быть стыдно,— сказал кто-то из семиклассников, и все сразу зашумели, закричали, укоряя Люсю в неискренности.

* * *

На следующий день Марийка вошла в класс последней. Она стеснялась смотреть товарищам в глаза.

— Марийка, Марийка пришла! — радостно встретили ее ребята.

— Скорее, скорее! Садись! Садись! Сейчас учитель войдет! — заботливо шептали мальчишки.

— Сюда садись, со мной! — наперебой приглашали девочки.

Березка от неожиданности замерла у дверей.

Потом она медленно прошла между партами и села на свое прежнее место, рядом с Люсей. Вопросительно посмотрела она на подругу, и Люся вдруг сразу поникла под этим взглядом.

— Не сердись на меня, Марийка,— прошептала Люся уже перед самым концом урока.— Я хочу с тобой дружить по-настоящему.

Только глазами, синими и глубокими, улыбнулась Марийка подруге.

Перевел с украинского
А. Доценко.

Высота — 100 000 метров

БЫСТРЕЕ, ВЫШЕ, ДАЛЬШЕ

Как высоко может подняться реактивный самолет? С какой скоростью он может лететь? Вы, наверное, знаете, что советский летчик В. Ильюшин недавно достиг высоты 28 852 метра и что другой наш летчик, Г. Мосолов, пролетел почти вдвое быстрее звука: со скоростью 2 388 километров в час.

А можно ли летать еще быстрее, выше, дальше? Безусловно, можно. Конструкторы все время улучшают существующие машины и этим самым помогают постепенно улучшать рекорды. Но есть и другой путь: создать совершенно новую машину, которая сразу намного улучшит все рекорды.

Об этой машине и будет наш рассказ.

КАК ЛЕТАЕТ САМОЛЕТ!

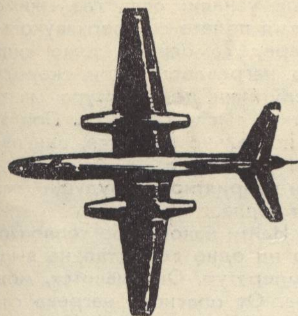
На самолет действуют четыре силы: сила притяжения земли, или сила веса; подъемная сила, возникающая на крыле самолета, она удерживает самолет на высоте; сила тяги, которую развивает двигатель самолета, она заставляет самолет двигаться вперед; и четвертая сила — сила сопротивления воздуха, она тормозит, замедляет движение самолета. Только сила веса постоянна, остальные три силы зависят от состояния воздуха: они тем меньше, чем разреженнее воздух. На больших высотах, где воздух сильно разрежен, казалось бы, самолету легче лететь, но подъемная сила крыльев уже не может преодолеть силу веса, и самолет теряет высоту, проваливается до более плотных слоев атмосферы.

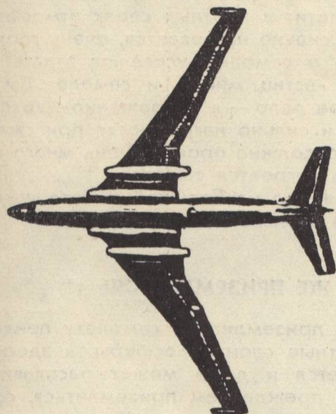

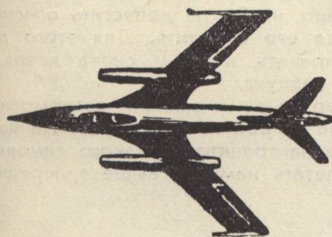
А почему же не падает спутник, который летает на такой большой высоте, где воздуха почти нет? У спутника ведь совсем нет крыльев, и сила тяжести действует на него так же, как на самолет! Но ей противостоит не подъемная, а центробежная сила.

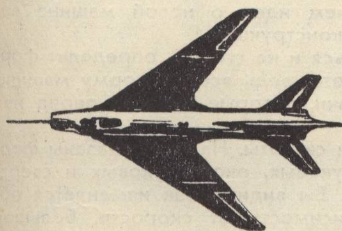
Центробежная сила всегда возникает при движении тела по окружности. Вы и сами частенько испытывали ее действие, например, на повороте в автобусе.

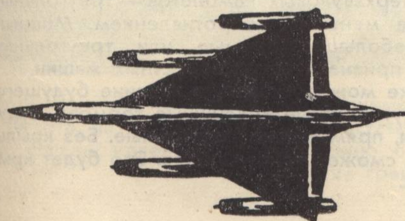
Для того чтобы спутник оставался на орбите, достаточно выполнить одно условие: сила веса должна равняться центробежной силе. Выведенный на орбиту спутник оставался бы на ней вечно, если бы траектория его движения проходила в абсолютной пу-

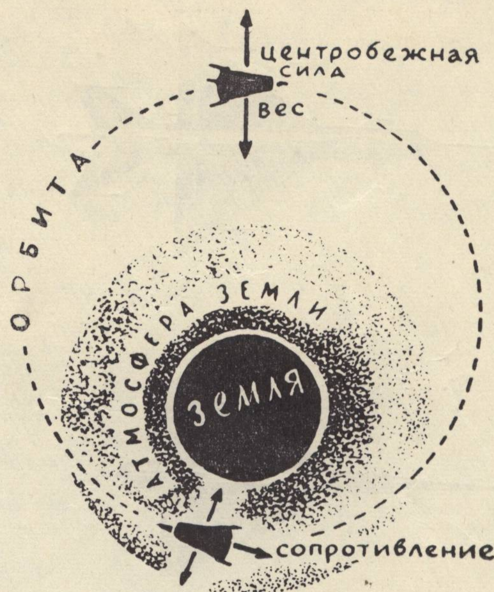

стоте. Однако в космическом пространстве, хотя и в ничтожных количествах, все же есть частицы воздуха. Чем ближе к земному шару, тем больше этих частиц. Поэтому на спутник всегда действует сила сопротивления. Эта сила очень мала, но все же она вызывает торможение спутника. От этого уменьшается центробежная сила (она зависит от скорости), и спутник постепенно снижается. Зная скорость спутника, его вес и размеры, а также состояние верхних слоев атмосферы, можно наперед рассчитать продолжительность его жизни.

Рассчитать мы можем, но управлять посадкой пока не научились.

КАК ВЫВЕСТИ САМОЛЕТ НА БОЛЬШУЮ ВЫСОТУ

Вот и получается: самолет хорошо управляется, но на больших высотах ему не хватает подъемной силы. Спутник летает там, куда не добраться самолету, но он неуправляем. А нельзя ли получить «гибрид», соединив полезные свойства самолета и спутника?

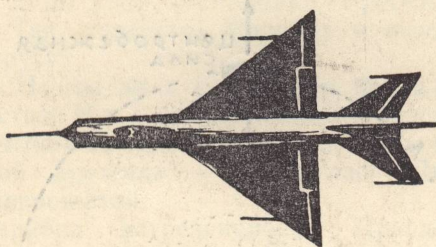
Такой самолет будет иметь, как и его теперешние собратья, крылья и рули и в то же время сможет использовать центробежную силу. Когда построят такой самолет, он будет подниматься выше чем на сто километров, летать со скоростями, близкими к скорости спутников, самолетом можно будет управлять.

Почему же сегодня не строят такие самолеты?

Об этом уже думают наши ученые и инженеры. Но прежде чем создать его, придется решить сложные задачи. Ведь на таких больших скоростях самолет ожидают новые опасности: он может сгореть, как сгорают метеориты. Тут встает новая преграда, ее называют тепловым барьером.

ЧТО ТАКОЕ ТЕПЛОВОЙ БАРЬЕР?

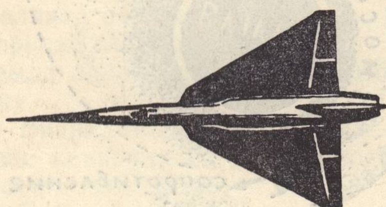
Кто из вас не накачивал велосипедную камеру или футбольный мяч? Когда вы делали это чересчур ретиво, насос нагревался. Не думайте, что он нагревался от трения поршня о стенки цилиндра. Нет, это воздух нагревался от сжатия, а от него нагревался и корпус насоса.

Давным-давно ученые узнали: если газ сжимать, он нагревается. Во время полета со сверхзвуковыми скоростями воздух перед самолетом тоже сильно сжимается и от этого нагревается. При скоростях, которыми обладают спутники, температура сжатого газа доходит до десятков тысяч градусов. При этой температуре металлы не только плавятся, они переходят в газообразное состояние.

Чтобы избежать этой неприятности, будущий самолет нужно защитить от тепла.

Как же это сделать? Найти какое-либо теплоизоляционное вещество? Но ни одно вещество не выдержит таких высоких температур. Оказывается, можно обойтись без вещества. От опасного нагрева самолет лучше всего может защитить пустота.

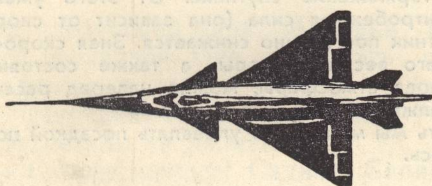

Когда самолет летит в плотных слоях атмосферы, воздух перед ним сильно нагревается, очень горячие частицы, ударяясь о самолет, успевают отдать ему свое тепло. Этих частиц много, и самолет быстро нагревается. Другое дело — в разреженном воздухе. Если его частицы и сильно нагреваются при сжатии, то их так мало, что должно пройти очень много времени, прежде чем нагреется самолет.

Вот и получается, что на большой высоте не опасен полет даже на очень больших скоростях.

КАК ЖЕ ПРИЗЕМЛИТЬСЯ!

Для того чтобы приземлиться, самолету придется пройти через плотные слои атмосферы, а здесь он неминуемо нагреется и даже может расплавиться и сгореть. Значит, прежде чем приземлиться, самолет должен погасить свою скорость. Как это сделать?

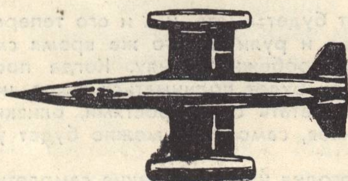

Когда самолет, войдя в плотные слои атмосферы, получит «порцию» торможения и вместе с ней «порцию» тепла, надо, чтобы не допустить опасного нагрева, постараться его охладить. Для этого летчику придется направить машину снова вверх, в разреженные слои воздуха.

Так, «прыгая» вверх и вниз, самолет затормозится и в то же время не нагреется чрезмерно. На цветной картинке показана траектория такого самолета. Видите, он будет летать намного выше теперешних самолетов!

САМОЛЕТ БУДУЩЕГО

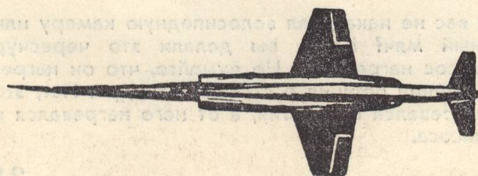
Сейчас еще трудно предугадать его форму. Нужно провести большое количество исследований и расчетов, прежде чем идеи о новой машине воплотятся в металле конструкции.

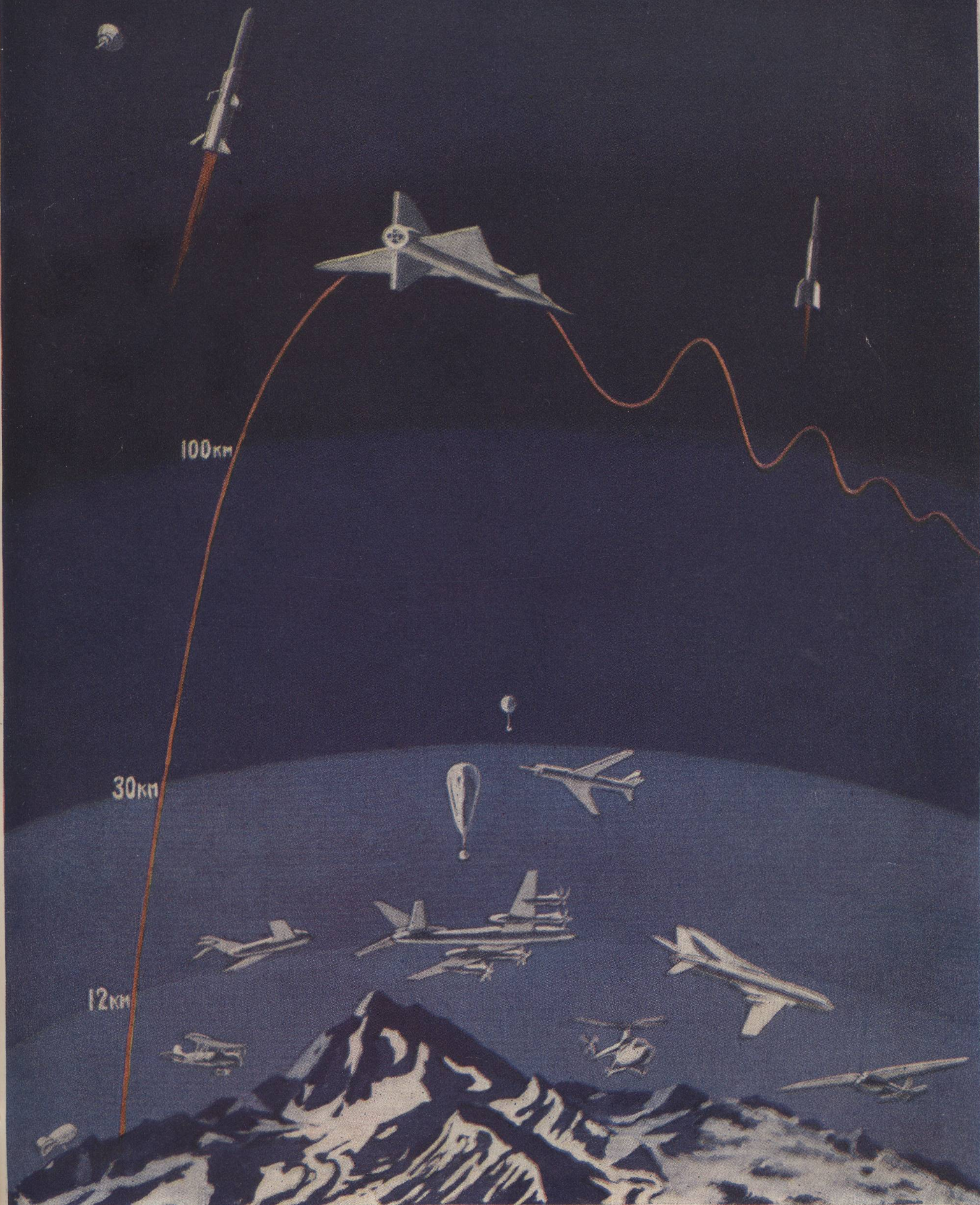
Задача приземлиться и не сгореть определит форму будущего самолета: ведь всегда форму машины определяют те задачи, которые человек перед ней ставит!

Посмотрите на эти силуэты. На них показаны формы самолетов дозвуковых, околозвуковых и сверхзвуковых скоростей. Вы видите, как изменяется облик машины в зависимости от скорости. Большое толстое прямое крыло — на дозвуковых скоростях, стреловидное крыло — на околозвуковых скоростях. Сопротивление этого крыла гораздо меньше, чем у прямого. У сверхзвуковых самолетов — треугольные крылья с еще меньшим сопротивлением. Мощные двигатели и небольшие прямые или треугольные крылья — вот признаки сверхскоростных машин.

И сейчас уже можно сказать о машине будущего, что у нее будут мощные воздушные тормоза, будут рули и крылья, прямые или треугольные. Без крыльев самолет не сможет приземлиться. Это будет крылатый спутник.

Инженер **А. Красильщиков**

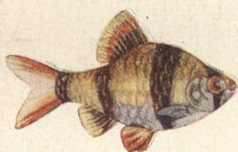

На этой картинке вы видите «воздушные ступеньки», по которым поднимается авиация. Высота, на которой летают аэростаты, маленькие трудолюбивые «ПО-2» и вертолеты, совсем невелика по сравнению с «потолком» реактивных богатырей — они летают на границе стратосферы.

Намного выше вы видите еще один самолет; его траектория обозначена красной линией. Это самолет будущего. О нем вы прочитаете сегодня в номере.

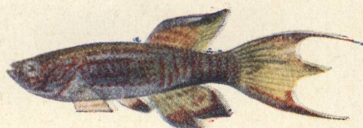
Рисунок А. Смолина.

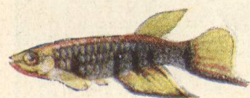
Гуппи — крошечные, изумительно красивые рыбки.

Почему у данио полоски продольные, а у барбуса поперечные?

Фундулус голубой и щучка шапери — довольно близкие родственники.

Приятно иметь в комнате такой уголок далекой Амазонки.

Ловко лавирует между подводными скалами дружная многоцветная стайка тетр.

Очень интересно познакомиться с белым макроподом.

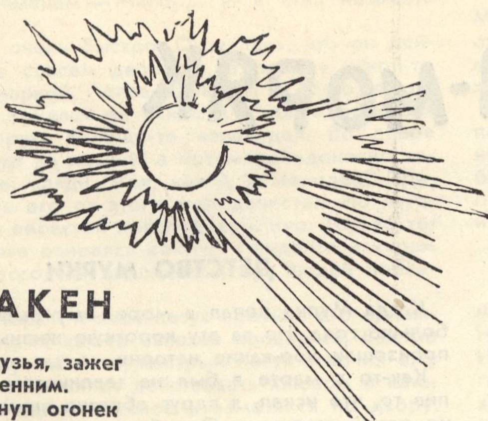
А знаешь ли ты что-либо о неоновой рыбке?

Фотографии В. Минкевича.

Мурат Бадриев, ученик Заманкульской школы из Северной Осетии, любит и хорошо знает мотор автомобиля. Водитель машины доверяет ему сделать небольшой ремонт.

Фото Г. Борисова.

Стихи Т. БЕЛОЗЕРОВА.

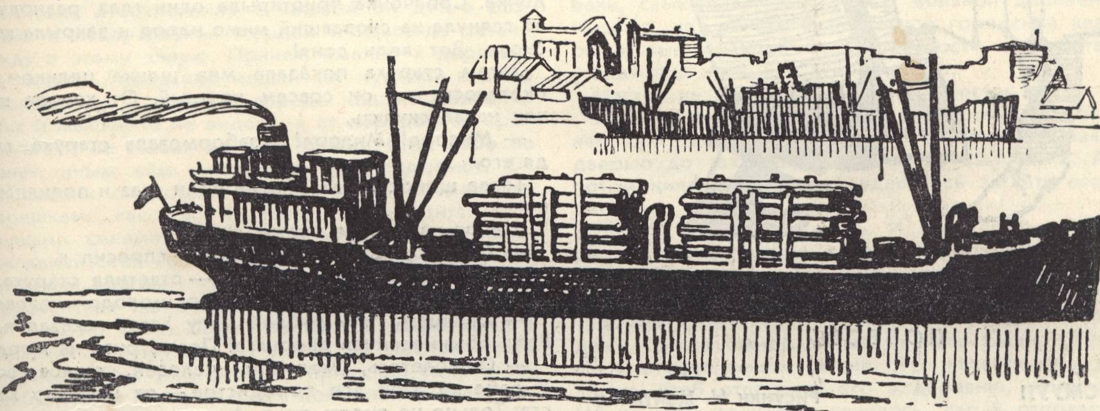
Рисунки В. Федяевской.

БАКЕН

Бакен я, друзья, зажег
Вечером осенним.
Ярко вспыхнул огонек
И отбросил темень.
Вот он стал на караул
На реке широкой,
Пароходу подмигнул
Из-за красных стекол.
Будет дождик моросить,
Ветер бить в оконце.
Только бакен погасить
В силах
Я
Да солнце!

ЛЕСОВОЗЫ

Скоро гавань,
В мокрых клюзах
Якоря настороже.
Гнутся палубы от груза
В сто поленниц-этажей.
Солнце жжет. Кора дымится.
С бревен капает смола.
Скачут бойкие синицы
У знакомого дупла.
Ароматом свежим бора
Дышит шумная река.
Входит в гавань целый город,
Не построенный пока.

ПИЛА

Лежала на полке сельмага пила,
Тупели от ржавчины зубы.
И, вот зазвенела она, ожила
В шершавых руках лесоруба.
Ей так надоели безделье и пыль
На полке, пропитанной краской!
Лесная,
Цветная,
Весенняя быль
Ей кажется радостной сказкой.
И голос кукушки и стук топора —
Все ей необычно и ново.
Сверкая на солнце, легка и остра,
Поет она в роще сосновой.
Поет, между зубьев катая кору,
Опилками брызжет проворно...
От песен ее в поредевшем бору
Стало светло
И просторно.

БЕРЕЗКА

В лесу
Среди шумных зеленых подруг
Березка увидела солнышко вдруг.
Глядело оно с голубой вышины,
На каждом листочке сверкало.
Но, скрытое темной вершиной сосны,
Мигнув на прощанье,
Пропало...
Березка лишилась веселья и сна:
— Ну как я без солнышка буду!
И стала упрямо тянуться она
К далекому
Яркому чуду...
Ей в бури бересту срывали стволы
Шершавой корою сосновой,
Она потемнела от капель смолы,
Но солнце увидела
Снова!

МУРКА-МОРЯК

ПОВЕСТЬ

Юхан СМУУЛ Рисунки Н. Цейтлина.

В 1955 году я получил командировку в Северную Атлантику. Мне предстояло отправиться на экспедиционный лов с первым у нас в Эстонии сельдяным траулером. Снарядить корабль, выходящий в такой рейс,— сложное дело. Чего только не требуется на этом судне! Одного продовольствия брали на два месяца, затем несколько сот сельдяных сетей, несколько десятков тонн дизельного топлива, больше трехсот гектолитров пресной воды, тысячу пустых бочек для сельди и двадцать тонн соли. Начни я тут перечислять да описывать все то, что называется судовым снаряжением, так получилась бы целая книга. В Северной Атлантике нет магазинов, сельделовы месяцами не видят полоски берегов. Так что на борту должно быть все, начиная от йода и кончая запасным винтом.

Но вот команда в сборе, снаряжение погружено, компасы проверены. Не хватало лишь судового пса. А без собаки в море скучно.

У меня был пес Мурка, которого я никуда не сумел пристроить. Его-то мы и взяли на корабль.

ДЕТСТВО МУРКИ

Когда Мурка попал в море, ему было немногим больше года. Но за эту короткую жизнь с ним уже произошли кое-какие истории.

Как-то в марте я был на таллинском рынке. Купив то, что искал, я вдруг обратил внимание на лицо одной старушки. Оно было совсем такое, какие в кошмарах снятся детям после того, как они начитаются вечером сказок о злых колдуньях.

Да, у старушки было лицо колдуньи. Подбородок выступал вперед. Нос был длинный и острый. Уголки узкого, как щелочка, рта были опущены вниз. А с морщинистого лица глядели на меня круглые хитрые глаза.

Колдунья заметила, что я смотрю на нее. Она нагнула голову, приподняла правой рукой угол старинной шали, и из-под нее выглянула щенячья мордочка. Собачонка приоткрыла один глаз, равнодушно глянула на сновавший мимо народ и закрыла глаз снова. Вот ведь соня!

Затем старуха показала мне щенка целиком, и оказалось, что он совсем круглый. От холода щенок начал скулить.

— Милорд! Милорд! — забормотала старуха, гладя его.

Тогда щенок снова открыл один глаз и поднял одно ухо.

Щенок начал мне нравиться.

— Сколько хотите за собаку? — спросил я.

— Двести пятьдесят рублей,— ответила старуха.— Даром чистокровного пса отдаю, молодой человек.

— Двадцать пять рублей могу дать,— сказал я.— Ведь обыкновенная дворняга! Посмотрите на морду!

— Ошибаетесь, молодой человек, ошибаетесь! У собачки этой все породистое — от носа до хвоста. Только не видать пока. А роду она знаменитого.

— В самом деле? — заинтересовался я.

— Ее отец — Лорд! — сказала колдунья и пытливо взглянула на меня.— А ее мать — Леди!

— Имя, какое хочешь, можно дать. Собака спорить не станет,— возразил я.

— Пес этот ведет свой род от барона Нолькена,— решила поразить меня старуха.

Я, однако, не испытывал никаких особых симпатий к барону Нолькену.

Мы торговались долго.

В конце концов я уплатил пятьдесят рублей.

И лишь после того, как Милорд очутился у меня за пазухой, а старуха исчезла, я понял, что совершил самую глупую покупку в своей жизни. Куда я дену щенка? Кто будет с ним возиться? Зачем мне вообще собака? И, кроме всего прочего, я, наверно, в самом деле купил обыкновенную дворняжку. Настоящих легавых никто не продает так дешево.

В первые же дни с Милордом было много неприятностей. Я положил его спать в коробку от ботинок, но оттуда он вылез.

Он скулил за дверью, его поведение ничем не отличалось от поведения самых обыкновенных щенков — короче говоря, ничто в нем не вязалось с его

изысканным именем — Милорд. И я стал называть его Муркой.

Мурка рос очень быстро. Оказалось, что он действительно не совсем дворняга, а помесь какой-то легавой с овчаркой. Попав однажды к морю, он до беспамятства гонялся за чайками и даже бросался в воду, которую вообще-то ненавидел. Во дворе он загонял кур на крышу, а потом победоносно являлся ко мне: гляди, мол, какой я молодец! Пришлось отучать его от этого молодечества. Но Мурка все же не перестал преследовать кур. Только теперь он сперва озирался вокруг и кидался к курам лишь после того, как убеждался, что людей поблизости нет.

Впрочем, старый и злой петух проучил его однажды. Когда Мурка как-то захотел проверить, быстро ли куры удерут от него, пестрый петух вскочил ему на загривок и принялся действовать клювом и шпорами. Щенок завыл в голос и заметался по двору. А петух весь взъерошился, перескочил с головы Мурки на спину и продолжал внушать ему, что приставать к курам — глупое занятие.

После этой «лекции» Мурка провалялся целые сутки под забором, не желая ни есть, ни лаять. Кур он больше не трогал.

В прибрежной деревне, в которой мы тогда жили, Мурке доводилось встречаться со всякими животными и проверять на собственном опыте, кому кого следует бояться: ему их или им его.

Лошадей он опасался. Уж очень они были большие. После столкновения с кошкой он долго разгуливал с исцарапанной мордой и навсегда затаил вражду к этому зверю. Причем именно к деревенской кошке. Городские кошки ни чуточки его не волновали. Да и какие в городе кошки? Половина из них и мышей-то не видела, а от порядочной крысы чуть ли не любая из них убежит. Спят себе на диванах, иным еще и подушки подкладывают. От такой жизни они становятся льстивыми подлизами и воришками, как и все те, кому не приходится собственными силами добывать свой насущный хлеб. Уважающей себя собаке просто противно иметь дело с таким врагом.

Деревенская же кошка — это кошка, которая гуляет сама по себе. Летом ее иногда встречаешь в нескольких километрах от дома, на лесной охоте за мышами. Она уже смолоду привыкла сама о себе заботиться. Такая за себя постоит! Пришла, когда захотела, ушла, когда захотела,— она сама себе госпожа, эта баронесса фон Мяу.

С этими-то деревенскими кошками и пришлось Мурке вести непрерывную войну, прежде чем стать отважным моряком. Он загонял их под амбары, на деревья, на крыши и, подстерегая внизу, лаял до хрипоты.

Как-то Мурка наткнулся на барана. Тот спокойно пасся около огорода на привязи. Мурка подполз к неизвестному зверю сбоку. В нескольких шагах от барана он замер на месте, оскалил зубы и зарычал. Баран повернул к щенку свою крутолобую головv и равнодушно посмотрел на него.

«Ав-ав! — крикнул Мурка.— Ты боишься меня?»

Баран мотнул головой.

Мурка попытался зайти к нему со спины. Он, видно, принял барана за большую шерстяную кошку. Но «шерстяная кошка» не выпускала щенка из виду. И едва Мурка подобрался ближе, как баран нагнул голову и — бац! — наподдал ему в бок. Мурка перевернулся, взвизгнул, а потом поднялся и стал потихоньку отступать. Баран за ним. Но гордость не позволяла Мурке пуститься бегом. Он лишь держался все время на расстоянии двух шагов от барана. Когда же натянутая веревка остановила барана, щенок тявкнул напоследок и отправился домой с солидной неторопливостью пожилой собаки. Лишь хвост его не торчал, как всегда, а висел. Впоследствии Мурка держался от баранов как можно дальше и делал вид, что эти жвачные животные для него вообще не существуют.

Лето прошло. Мы вернулись в город. А для собаки, свыкшейся за лето с вольной деревенской жизнью, нет ничего хуже тесной городской квартиры и вынужденной бездеятельности. Пес путается у всех под ногами и всем мешает.

Наступила зима. Мурка уже перестал расти.

Жилось ему по-прежнему очень скучно. Когда к нам приходили гости и его запирали, он лаял за дверью до тех пор, пока его не выпускали. А уж потом никакой силой не удавалось загнать его обратно.

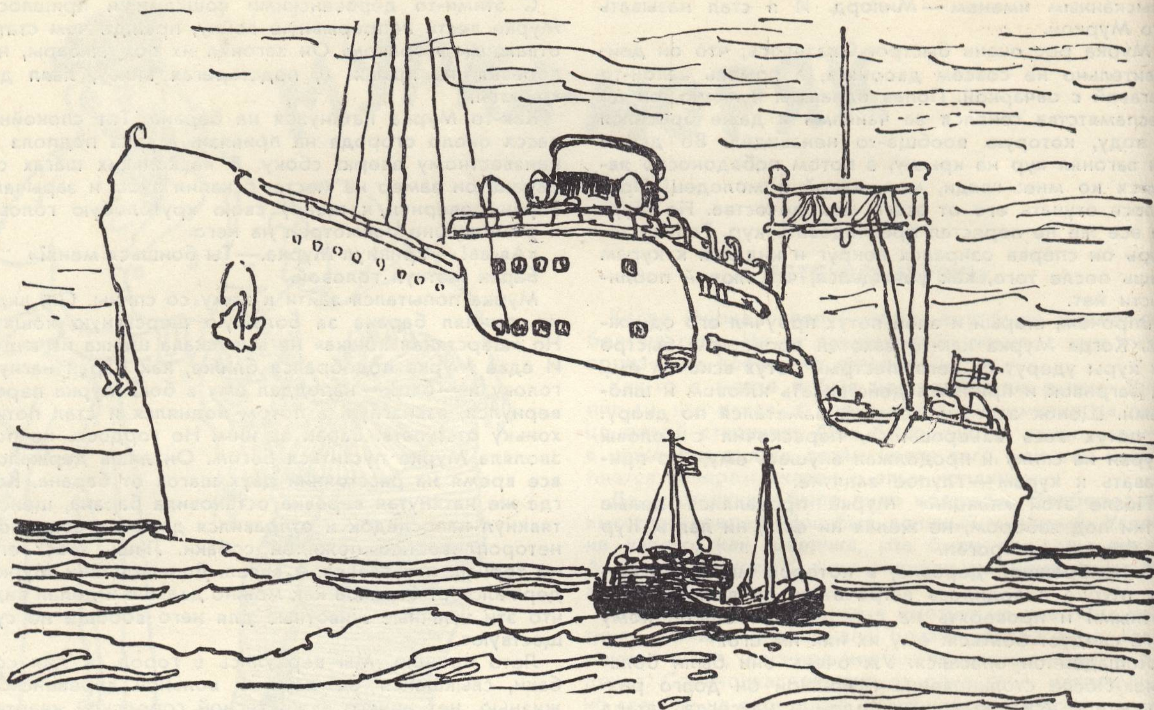
Весной он начал линять. И некоторые из наших друзей, приходившие к нам в новом костюме или платье, уходили от нас украшенные узором из Муркиной серо-бурой шерсти.

Большую часть дня Мурка спал. Он стал вялым и даже слегка ожирел. Глаза у него были грустные. Пес потерял смысл жизни. Я с нетерпением ждал весны, чтоб отправить его в деревню, на острова. Но как раз весной выяснилось, что я отправляюсь в Северную Атлантику.

Едва Мурка подобрался ближе, как баран нагнул голову и — бац! — наподдал ему в бок...

Когда траулер встречается с гигантскими торговыми судами, поневоле вспоминаешь его меткое прозвище «Морская блоха».

О СУДАХ И О СУДОВЫХ ПСАХ

Все мое детство было тесно связано с морем, с морским побережьем. И я до сих пор не могу себе представить, что у кого-то детство может быть иным. Когда я впервые попал на Большую землю, поступив учиться в сельскохозяйственную школу, меня сперва приводило в отчаяние то, что вокруг тянулась суша. Я шагал по осеннему полю, брел по осеннему лесу и думал, что стоит вот подняться на этот холм, пройти сквозь эту рощу, как сразу покажется осеннее море, большое, серое и холодное. Но море не показывалось. Кругом были поля, леса, болота, озера — земля, земля, земля... Мне было так тоскливо в первые недели, что я даже плохо учился. А по ночам видел во сне маленькую шаланду, Большой и Малый проливы и серый, в крапинку хвост соленой трески.

Какими глазами мы, мальчишки с побережья, смотрели на корабли! До сих пор хорошо помню крошечный пароходик «Ганс», поддерживавший сообщение между Таллином и островами. Помню его коренастого капитана, душную, как ад, кочегарку и чумазых кочегаров, вытирающих пот полотенцами. «Ганс» мне еще особенно памятен потому, что на нем я пережил свой первый серьезный шторм.

Но особенно нам нравились парусники. Они тоже были маленькими, но нам они казались большими и настоящими кораблями. Вообще, по нашему мнению, корабль отличался от лодки лишь тем, что у него был штурвал, компас и мачта. Мы многое знали о кораблях: знали, как их строят, как оснащают такелажем, как ставится «по килю» компас. Мы любили корабли, мечтали о них. Воображали себе, как мы поплывем на них (все, разумеется, капитанами), в каких гаванях будем грузиться и разгружаться, какие чудесные страны повидаем. Любовь к морю и кораблям разжигали во мне друзья моего отца, капитаны дальнего плавания. В долгие зимние вечера они часами рассказывали о своих странствиях, о штормах, об авариях и о кораблекрушениях, после которых приходилось спасаться вплавь. Меня очаровывали их истории, мне нравился их морской жаргон, их татуировка и запах трубочного табака. Мне нравилось, что они говорят о корабле, как о живом существе, как о друге: он налетел на берег, он потерял паруса, он перевернулся килем кверху, он выстоял, он хорошо послужил, он был неважно выстроен...

Вот как!

Может, и я стал бы матросом, но началась война, а после нее жизнь пошла по другой дороге. И хоть я за это время налетал на самолетах и наездил на машинах и поездах тысячи и тысячи километров, все же моя старая любовь к кораблям не остыла. Мне кажется, что в них больше всего вкладывается человеческого разума, человеческого труда и человеческой любви.

А теперь я попытаюсь описать корабль, на котором началась моряцкая жизнь Мурки. Это был сельдяной траулер, один из тех, какие можно видеть каждый день в таллинском порту, в рыбной или в торговой гавани. Этим судам вместо имени дается обычно номер, перед которым стоят буквы «СРТ». Это первые буквы слов, обозначающих данный тип судна: «Средний рыболовный траулер». Его длина — 34 метра, наибольшая ширина — 8 метров, предельная осадка в воде — 3,6 метра. На «СРТ-1» стоит дизель мощностью в 400 лошадиных сил. Его наивысшая скорость — 11 морских миль в час (морская миля равна 1 852 метрам). У этого судна две мачты, два грузовых трюма, две спасательные шлюп-

ки и два якоря. Оно снабжено радиоприемником, радиопередатчиком и множеством других сложных аппаратов: эхолотом — для промера глубины моря, моноскопом — для обнаружения косяков сельди и клинометром — для определения угла наклона корабля. На судне есть два секстанта: один — для штурманов, другой — для капитана. А для метеорологической службы имеются барометр и разные другие приборы. Раньше судовой офицер определял местоположение корабля в открытом море с помощью трех приспособлений: лага, секстанта и хронометра. Но от них была польза лишь в том случае, если стояла ясная погода и светило солнце или звезды. Туман тогда был жутким бедствием: корабль словно попадал в мешок. Сколько их тогда гибло в тумане! Сейчас даже в самом густом тумане местоположение корабля можно определить с помощью тонкого и хитроумного прибора — радиопеленгатора. Есть он и на «СРТ-1». А на «СРТ» более новой конструкции имеется даже радиолокатор: эти глаза видят и в темноте и в тумане, и даже метель им не помеха.

Если поглядеть на «СРТ» у низкого причала таллинской рыбной гавани, он покажется довольно солидным кораблем. Но в торговой гавани рядом с большими пароходами он уже выглядит суденышком. Когда же в датских проливах он встречается с норвежскими и английскими гигантами, то поневоле вспоминаешь его меткое прозвище — «Морская блоха». К тому же середина корпуса у «СРТ-1» очень низкая, и при полном грузе высота ее надводной части едва ли достигает метра. Так что в океане при сильном волнении кажется, что на поверхности остаются лишь высокая корма траулера и форштевень, а все остальное затоплено. Но, несмотря на свои размеры, «морская блоха» очень устойчива и надежна в бурю. Она обладает одним свойством, безусловно, необходимым рыболовному судну: большой маневренностью.

Команда «морской блохи» состоит из двадцати пяти человек: это капитан с тремя помощниками, три механика и моторист, радист, рыбмастер, отвечающий за посол сельди, старший мастер по добыче, отвечающий за лов, кок, юнга и матросы. На очень многих кораблях бывает еще двадцать шестой член команды, о котором больше всего заботятся и обязанности которого не записаны ни в одном из морских уставов. Это судовой пес.

Судовые псы — особое собачье сословие. Их права охраняются неписаными законами, которым неукоснительно подчиняются все моряки. Я никогда не видел, чтобы какой-нибудь моряк ударил судового пса.

На сельделовных судах и командование и матросы едят за одним столом. Хотя судно подолгу плавает в океане и потому еда часто бывает однообразной, а то и невкусной, никто на это не жалуется. Жаловаться разрешено только собаке. Ей дают то, что она любит, и столько, сколько она захочет. Собака сама выбирает себе для жилья кубрик или каюту. В большинстве случаев она поселяется в каюте капитана.

Во время работы собака всегда сидит на своем месте: либо на привязи у якорной лебедки, либо — во время штормов — в командной рубке.

Говорят, что собакам вредно жить на судах с железной палубой, что они от этого заболевают и умирают. Не знаю, так ли это. На сельдяном траулере палуба деревянная.

Старых и дряхлых судовых псов никогда не бросают. Если опасаются, что собаке не вынести предстоящего длительного рейса, то ее пристраивают на другой корабль в порту. Там о ней будут заботиться до самого отплытия, а потом переправят на судно, которое еще остается в гавани. Так иной старый пес без конца путешествует в порту с корабля на корабль до самой своей смерти.

У судовых псов свои повадки. Как только судно вернется в свой порт из длительного рейса, собака сразу спрыгивает на берег, отыскивает песчаное место и принимается копать. Это — удивительное зрелище. Целая туча песка взлетает из-под ее лап, которые действуют необычайно энергично и проворно. Через некоторое время она успевает зарыться в такую глубокую яму, что видишь лишь ее спину и торчащие уши. Видно, собака не забывает земли, видно, ей порядком надоедает гладкая, скользкая и жесткая палуба.

Затем судовые псы на несколько недель пропадают. Никто не знает, что они делают, куда отправляются,— вероятно, отыскивают своих друзей и резвятся с ними. Однако ежедневно собака является в порт, чтобы хоть издали поглядеть на свой корабль. Перед отплытием эти посещения учащаются. У собак хорошее чутье. По характеру работ на борту, по груде припасов на палубе, а то и по настроению людей они всегда предчувствуют близость отъезда. И в день отплытия или немного раньше пес — тут как тут! — всегда оказывается на своем месте. Он является обычно отощавшим и слегка запаршивевшим. Безусловно, слишком долгое пребывание на берегу успевает ему надоесть не меньше, чем любому порядочному моряку.

ОТПЛЫТИЕ

Наш корабль стоял в таллинской рыбной гавани. И вот в тот день, когда мы отплывали в длительный рейс, была дивная, почти безветренная погода. Таллинский залив сверкал и переливался на солнце. Два белых облачка тихо скользили по синему небу с востока на запад.

С самого утра корабль заполнили люди. Они сидели на палубных люках и в каютах. Моряков пришли провожать их жены. Нарядно одетые девушки, появлявшиеся то и дело на причале, просили, робея и краснея, вызвать то одного, то другого матроса, потому что перед тем, как расстаться на пять месяцев, людям бывает нужно выяснить и разрешить многое. Надо ведь напомнить моряку, что во время шторма следует спрятаться в уголок потише и думать о тех, кто остался на суше. Девушки, поговорив с матросами через борт, поднимались потом на палубу и начинали осматривать корабль.

Час отплытия приближался, и у многих женщин глаза уже стали мокрыми. Словом, все было, как на настоящем корабле, которому предстоит долгое плавание.

Моряки уже вымыли палубу и навели образцовый порядок, так что могли вволю болтать с провожающими. Лишь капитану было некогда. Он принимал начальство порта и представителей министерства, брал разные подписи и расписывался сам. При нем находились штурманы, механик и радист. Перед отплытием вся ответственность за подготовку к рейсу ложится на плечи капитана и его помощников.

Много было всяких забот да хлопот и у Мурки. Он просто сбился с ног. Утром, когда в трюм грузили сети, он помогал людям изо всех сил: ухватится зубами за тюк и несет его вместе со всеми. Во время задраивания люка он не отлучался от боцмана и помогал получше растянуть брезент. Он

Мурка помогал людям грузить в трюм сети.

носился по палубе со штырем от люка в зубах — все искал, кому бы его отдать.

Кое-кто не понимал, что Мурка хочет помочь, и сердито ругал его. Тогда он бежал к каюте капитана, скреб лапой по двери, а после того, как его впускали, клал морду к капитану на колени, жаловался на обидчика и скорей бежал обратно: ведь надо было еще проверить, надежны ли все канаты и хорошо ли завязаны узлы.

Словом, в первый свой день на корабле собаке пришлось нелегко. К тому же пекло солнце, так что ее красный язык вытягивался все больше и больше. А тут еще провожающие! И на каждого надо посмотреть, с каждым надо познакомиться! Правда, взрослые Мурку не интересовали. Но ребята, пришедшие посмотреть на корабль, который увезет их отцов в холодный океан, к штормам и китам,— эти ребята очень интересовали Мурку, а Мурка — их. С ребятами Мурка всегда ладил. Он был терпелив с ними и никогда не обижал. И в этот день он словно догадывался, что теперь ему долго не придется видеть своих маленьких друзей. И потому милостиво позволял дергать себя за хвост, охотно подавал лапу и ложился.

Дело шло к вечеру. Ветер совсем затих. Море сверкало, словно огромное зеркало. Провожающие начали прощаться. Кто целовался, кто плакал, кто смеялся. Потом с корабля сошли последние провожающие, капитан поднялся на мостик, рулевой встал у штурвала. Убрали трап, отдали концы. «Трильтраль»,— прозвенел телеграф, передавая в машинное отделение команду капитана: «Тихий вперед!» Корабль задрожал в такт биению винта и начал медленно отваливать от причала. Звонкие голоса запели:

Никто в моем доме очаг не зажжет,
Никого не останется там...
Собака тоскливо скулит у ворот,
Расставаться невесело нам...

Ребята кричали с пристани:

— Мурка! Мурка!

Но Мурку уже не трогали эти крики. Расставив лапы, он стоял на палубном люке и, не отрываясь, смотрел на командный мостик, где находился его капитан.

Все набавляя ход, «СРТ» скользил по Таллинскому заливу.

Долгое плавание началось.

МУРКА В МОРЕ

Вы видели, как мальчишки подражают походке моряков?

Это делается так. Надо шагать по гладкой и устойчивой земле, не сгибая широко расставленных ног. Впрочем, дело не в ногах, а в том, как раскачивается верхняя часть тела, как плечи наклоняются то влево, то вправо. Важно, чтобы шапка была сбита набок, а глаза сощурены, чтобы подбородок был выставлен вперед и чтобы выражение лица было моряцким. При этом, конечно, следует вообразить, что земля под ногами качается и что ухватиться не за что. В этом есть своя лихость, свой шик. Нет в этом, к несчастью, лишь одной мелочи — моряцкой походки. Моряк, особенно нынешний моряк с пароходов и теплоходов, конечно, ходит во время большого волнения, расставив ноги, но когда качка становится слишком уж свирепой и все, что не принайтовлено, съезжает с места, то он предпочитает за что-нибудь держаться. На палубах сельдяного траулера натягивают во время шторма стальные тросы. Держась за них, можно пробраться с кормы на нос. Моряк дожидается краткого спада между двумя волнами и тогда пускается бегом, не особенно думая о том, правильно ли у него раскачиваются плечи и какое выражение лица. Важнее пробраться через палубу сухим и невредимым, чем показать, что у тебя искусная морская походка. Из-за последней можно, чего доброго, и «к рыбам на обед отправиться».

Я говорю все это к тому, что на суше мы порой ложно представляем себе море и жизнь в море, представляем их себе либо слишком красивыми, либо слишком страшными.

Следовало бы тут сказать и о том, как сухопутные собаки, прежде чем стать судовыми собаками, представляют себе море и поведение судовых псов. Но из этого ничего не выйдет, так как они наверняка ничего себе не представляют. Даже и судовая собака остается для сухопутной всего-навсего собакой. Следовало бы сказать и о том, как собака впервые просыпается в море. Как она видит, что вокруг лишь вода, вода, вода. Как она вдруг испытывает страх. Как потом она начинает любить море, а вернувшись на берег, ходит по земле как заправский судовой пес. Но и из этого ничего не выйдет. Потому что собаки не боятся моря. Во время шторма их не выпускают на палубу, а сами они туда не рвутся. И, наконец, собака относится с величайшим равнодушием и к морю, и к океану, и к тем, кто живет в его глубинах или на поверхности, если не считать чаек. Собака привязывается к кораблю и к его команде, но не к морю...

Мурка проснулся в шесть утра. Его разбудил сигнал подъема, донесшийся из коридора. Мурка

рассердился. Вчера он очень устал, и ему хотелось поспать еще. И потому он принялся лаять.

Капитан, лишь недавно вернувшийся с ночной вахты, недовольно крикнул:

— Замолчи, пират!

Тут Мурка вспомнил, что капитан стащил его ночью с постели и положил на рогожку у двери, а в кровать улегся сам. И они потом долго препирались: капитан — шутливо, Мурка — довольно злобно.

Мурку раздражал незнакомый пронзительный звук в коридоре, похожий на дверной звонок, раздражала непривычная обстановка и то, что пол в этой комнате все время слабо дрожал. Да и вся комната покачивалась.

Видно, пса беспокоили и запахи корабля. Например, запахи машинного отделения, проникавшие в каюту. Впрочем, некоторые запахи, а именно те, что доносились из камбуза, где готовился завтрак, были очень приятны.

Кроме того, с палубы доносились шаги и голоса поднявшихся моряков. Собака ужом вилась между диваном и дверью. Она выла, она грозно лаяла, она хотела любой ценой выбраться из каюты.

Я спал в той же каюте на диване. Пришлось мне одеться и отправиться с Муркой на палубу. Что тут началось! Собака носилась от человека к человеку, хваталась зубами за канаты, кружилась волчком. Но скоро ей стало скучно на палубе. Она была голодна. Больше, чем море и матросы, ее привлекали запахи камбуза. Надо было во что бы то ни стало подружиться с коком.

Занятно было наблюдать, как Мурка подбирался к камбузу. Виляющий хвост свился колечком. Морда стала хитрой и ласковой, взгляд — заискивающим.

— Ах, явился, старый жулик! — сказал Мурке кок в белом кителе. На том корабле, где он служил прежде, жила очень вороватая собака.

Но Мурка ничего не собирался красть. Он открыто посмотрел коку в глаза и отрывисто тявкнул. А когда перед ним поставили миску с едой, завилял хвостом и начал есть.

Начиная с этого дня между Муркой и коком установились странные отношения. Вроде бы и дружеские, а вроде бы и нет. Когда кок появлялся днем на палубе, Мурка смотрел на него так же безучастно, как на пустую бочку. И крайне неохотно разрешал коку себя погладить. Но трижды в день он прикидывался преданнейшим другом кока: в полседьмого — во время завтрака, в двенадцать — в обед и в восемь — во время ужина. Есть-то ведь надо, а накормить его мог только кок. Поэтому-то и возникла эта дружба по расписанию.

Но кок не входил в число истинных друзей Мурки. К ним принадлежали на первых порах капитан, второй механик, два матроса и я. Потом к нам присоединились радист и мастер лова. С этими людьми Мурка затевал ссоры, ходил за ними по пятам и слушался каждого их слова, даже в том неприятном случае, если на него сердились. Кость, полученная от капитана, была ему дороже, чем обед из двух блюд, полученный от кока. Вот и пойми тут душу собаки, ее понятия о верности и благодарности!

Итак, Мурка впервые позавтракал в море. Увидев, что миска уже пуста, он залаял. Не дружелюбно и не заискивающе, а требовательно. Ему наложили еще. Но пес и не притронулся к еде. И снова залаял, на этот раз жалобно.

Потом мы научились понимать значение этого лая. Псу хочется пить, хочется пресной воды. А самому ее на корабле не добыть. Если в море забудешь накормить собаку, это не беда: она что-нибудь украдет. Но о пресной воде забывать нельзя — это закон.

И Мурке дали воды. Пил он жадно. А попив, словно забыл о коке и побрел тут же на палубу.

Было чудесное солнечное утро. Море сверкало. Килевая струя блистала, будто золотой ручей. Волн почти не было. А вокруг, насколько хватал взгляд, простирался под ясным, синим небом синий простор. Со всех четырех сторон нигде не было видно ни островка, ни полоски берегов.

Собака хотела любой ценой выбраться на палубу. Пришлось мне встать и одеться.

Мурка положил передние лапы на поручни и посмотрел на море. Глаза у него стали сонными, веки неудержимо смыкались. Он протяжно зевнул. Ему стало скучно. В жизни он не видел ничего более неинтересного, чем эта безбрежная равнина! Ни деревца, ни дома, ни сада. Лишь вдали летит одинокая чайка. Лишь катились и катились волны — маленькие серые холмы. Даже запах моря казался скучным чуткому собачьему носу.

В конце концов Мурка положил голову на лапы и заснул.

Чуть погодя его увидел капитан, поднявшийся на командный мостик.

— Спишь, пират! — крикнул он псу.

Мурка тотчас вскочил, встряхнулся и кинулся на голос своего друга. Он мигом промчался сквозь коридор на корме и, добежав до капитанской каюты, начал скулить под дверью. Но никто ему не ответил. Мурка вертелся туда и сюда, принюхивался, искал и кончил тем, что протяжно и жалобно завыл, по-собачьи заплакал.

Голос капитана послышался сверху. Но наверх, на мостик, вела почти отвесная железная лестница. Мурка пытался взобраться по ней, но сколько ни разбегался, неизменно сваливался вниз, добравшись лишь до середины. Такие трапы не рассчитаны на собак.

Через несколько минут после того, как Мурка перестал выть и скулить, я отправился на мостик. Первым, кого я там увидел, был Мурка. Кроме того, я нашел капитана, вахтенного штурмана, двух рулевых и второго механика. Я решительно не мог понять, как собаке удалось взобраться по такому отвесному трапу, и спросил:

— Как Мурка очутился на мостике?

Никто не ответил.

— Да уж он словно дитя плакал,— сказал наконец со стыдливой улыбкой второй механик.— Вот я и сгреб его под мышку да втащил наверх.

Мне это не понравилось: скверная привычка Мурки — таскать в зубах всякие вещи — могла тут привести к неприятностям. И я сказал об этом. Но механик лишь повторял упрямо:

— Словно дитя плакал!

— Он может унести бинокль,— сказал я,— может пробраться в штурманскую рубку, где карты, и тогда будет худо.

Штурман, не отнимая от глаз бинокля, возразил:

— Ну, что он унесет? Собака тоже человек.

Мурка же, вдруг почуявший во мне врага, свернулся клубком у ног капитана и насмешливо взглянул на меня:

«Говори, сколько хочешь! Только ты тут не хозяин».

По правому борту показался еле видный берег Готланда.

ДАТСКИЕ ПРОЛИВЫ

Неподалеку от Готланда на нашем курсе появился маленький шведский пароход «Михель Свенден». Он шел с севера, наверно, из Туру. Вез он лес. В течение многих часов мы шли рядом, всего в нескольких десятках метров один от другого.

Мы с любопытством наблюдали за молчаливой деловой жизнью на чужом корабле. Как раз, когда я следил за сменой рулевых на командном мостике, наш матрос крикнул:

— Смотрите, ребята, черная свинья!

И он показал рукой на волны. Я направил в ту сторону бинокль. «Черной свиньей» называют дельфина. Его жирная темная спина показалась около самого корабля, а потом, исчезнув, появилась чуть впереди. Дельфин плыл быстрее нас.

Мурка, снова прибежавший на палубу порезвиться, тоже уставился на дельфина. Но он не мог сообразить, какому зверю принадлежит эта черная спина, и потому, тявкнув дважды из чувства долга, замолк.

Мы подходили к датским проливам, к Зунду. И чем дальше, тем меньше нас интересовал «Михель Свенден», хоть его киль и оставлял на воде линию, совершенно параллельную нашему следу.

Для моряков, выросших на Балтийском море, прохождение через датские проливы — большое событие. Ведь порой при выходе из них начинается поистине большое плавание: пройдя сквозь Каттегат и Скагеррак, можно направиться в Ла-Манш, поплыть во Францию, в Италию, в Северную Африку. Или повернуть на север и пойти к портам на берегу Норвегии или в Мурманск и Архангельск. Одним словом, плыви куда хочешь. Датские проливы — это ворота Балтийского моря, через них можно попасть в любой океан.

Потому-то именно здесь моряков еще с незапамятных времен и «крестят» в соленой воде. Судя по рассказам старых матросов и по описаниям мореплаваний, когда-то это «крещение» было очень суровым, даже свирепым обрядом. В старину, как сообщают, моряков пропускали на канате под килем, и при этом некоторые из них тонули. Еще в конце прошлого века и начале нынешнего людей привязывали к тросу, трижды окунали их в море, а потом некоторое время волочили за кораблем по воде.

Обряд «крещения» существует и поныне. По-прежнему в Зунде появляется на палубе Нептун с бородой из пакли, с трезубцем, с деревянной бритвой и с толстенной книгой уставов. Его сопровождают два адъютанта. И хоть морской бог смягчил свои законы и теперь моряка, впервые проплывающего сквозь Зунд, больше не окунают в море, все же Нептун по-прежнему произносит свои мудреные и замысловатые поучения, перед «бритьем» намыливает новичка дегтярной водой, а потом происходит купание в ушате с холодной морской водой. Затем празднуются «крестины».

Мне для начала прочли длинную проповедь, затем посадили на доску, положенную поперек ушата, и побрили деревянной бритвой длиной с полметра. Пока адъютант Нептуна скоблил мне левую щеку, из-под меня выбили доску. Я совсем этого не ожидал и потому, упав в ушат, наглотался соленой воды. Не успел я откашляться, как Нептун с адъютантами уже исчезли.

Почему-то после «крестин» состояние духа у меня было удивительно приятное и бодрое. Таким оно и оставалось все время, пока в Северном море мы не попали в шторм.

Датские проливы замечательны! То и дело слева и справа возникают из моря силуэты кораблей. Они приближаются к нам и все увеличиваются, подходят вплотную и проплывают мимо. Какие только суда и флаги тут не увидишь: и датские, и шведские, и английские, и норвежские, и польские, и финские, и португальские, и немецкие. Всех и не перечтешь!

На палубах кипит жизнь: там танцуют, машут нам руками и кричат. Доносится незнакомая музыка: «Бим-бом, трам-тарарам!» Проплывают серые торговые пароходы, английские и норвежские с множеством надстроек, грузовых люков и командным мостиком посреди палубы. Это настоящие гиганты. И тут начинаешь понимать, как в самом деле мал

наш «СРТ». И перед глазами возникают призраки атлантических штормов.

Но вот перед нами появляется трехсотлетнее прошлое флота: века открытий, безумно смелых плаваний, века великих путешественников и великих искателей, трагических кораблекрушений, навсегда оставшихся тайной. К нам все ближе и ближе подходил великолепный парусник, большой и белый. Он плыл на всех парусах и походил на лебедя. В наши дни, когда больше ни в одном торговом флоте не осталось никаких парусников, они особенно поражают своей редкой, неповторимой красотой. Это был учебный корабль польской мореходной школы, на котором будущие офицеры флота изучали на практике вождение парусных судов. Курсанты взбирались на реи, словно белки; от их ловкости и бесстрашия захватывало дух. Я долго смотрел вслед паруснику и думал: «Вот бы когда-нибудь проплыть хоть несколько миль на этом судне наших отцов и прадедов, на этой красе морей!»

Пока адъютант Нептуна скоблил мне деревянной бритвой левую щеку, из-под меня выбили доску.

Все, что я видел, было так интересно, что я совсем забыл о Мурке. Он раза два повертелся у моих ног, потом его лай донесся откуда-то издалека, затем он решил проверить, прочны ли брезентовые брюки у одного матроса, но, пока мы проходили Зунд, всем было не до собаки. Даже мастер лова не обращал на нее внимания. И в отместку Мурка схватил трубку мастера лова, которую тот ненадолго положил на люк. Гордо задрав хвост, Мурка, петляя, удирал по палубе от чертыхающегося мастера. Но не успел тот настичь воришку, как Мурка чихнул, выронил из зубов трубку и, сконфуженный, улизнул на корму.

После этого Мурка надолго исчез. Наверно, сидел и чихал в кают-компании. А я стоял на носу и глядел на проходящие корабли, на прибрежные дома с красными крышами. Но, наконец, долгое отсутствие Мурки меня встревожило. Я ведь его знал: поди догадайся, какое новое озорство взбрело в его собачью голову.

И в самом деле Мурка успел кое-что сделать за это время. Прежде всего он отправился искать капитана. Не найдя своего друга в каюте, он принялся брать штурмом крутой трап, ведущий на командный

мостик. Несколько раз он падал вниз, ушибался, но не скулил. Раз от разу он забирался все выше, пока не научился цепляться за прутья и не добрался до двери штурманской рубки. Лишь через нее можно было попасть на мостик.

Уж тут-то он устроил концерт. Собаки ведь умеют разжалобить человека! И штурман дал Мурке пройти сквозь рубку на мостик. Пес улегся на свое место у ног капитана и принялся устало и довольно отдуваться. Придя в себя, он начал изучать мостик. Дверь, ведущая из штурманской рубки на мостик, осталась открытой. Следовало заглянуть в нее и посмотреть, не найдется ли в рубке чего-нибудь погрызть.

Поднявшись на мостик, я не увидел Мурки.

— Где собака?

— Только что была тут.

— Тут? — переспросил я, предчувствуя недоброе.

В этот момент из штурманской рубки донесся шорох и послышалось, как собачьи лапы ступают по линолеуму. А затем во всем своем великолепии появился сам Мурка — этот шкода, этот король дворняг. В зубах он держал крупномасштабную карту Зунда. Сразу бросалась в глаза красная линия нашего курса, проходившая мимо береговых и плавучих маяков, мимо Мальме, между Хельсинки и Эльсинором.

Я побледнел.

— Дай сюда! — хрипло сказал я.

Мурка радостно вильнул хвостом.

— Дай, дьявол хвостатый! — гаркнул я нечеловеческим голосом.

Мурка выронил карту. Я отнес ее на место и, вернувшись, плотно закрыл дверь рубки.

С минуту все на мостике молчали. Потом свободный рулевой взял Мурку на руки и снес его вниз. Но едва матрос поднялся наверх, как Мурка снова взял штурмом трап и поднял вой у двери штурманской рубки. Но я не дал себя разжалобить, а сказал:

— Скули себе на здоровье!

— Пес не виноват,— сказал капитан.— Просто надо держать дверь рубки закрытой, и все.

— А все-таки здорово он, леший, лазает! —с уважением сказал свободный рулевой.

— Только не своим курсом! — сердито возразил штурман.— Собачье дело — за кошками да зайцами гоняться, а не карты искать!

И в Каттегате и в Скагерраке Мурка с невероятным упорством продолжал взбираться по трапу и атаковать дверь штурманской рубки. Но сколько он ни выл, на мостик его больше не пускали. У собаки, конечно, тоже есть свой курс, но чтоб она еще проверяла его по карте — это уж чересчур!

Лишь в Норвежском море Мурку снова пустили на мостик. Но к тому времени он уже стал побаиваться закрытой двери штурманской рубки и старался проскользнуть мимо нее как можно скорее.

МЫ ПОПАДАЕМ В СЕВЕРНОМ МОРЕ В АД

Каттегат мы прошли в хорошую погоду. И даже после того, как мы миновали мыс Скаген, за которым начинается более широкий пролив — Скагеррак, Нептун оставался все столь же милостивым. Лишь слабая волна слегка морщинила темно-синее лицо Скагеррака. Датский берег уже исчез, береговые скалы южной Норвегии еще не показывались, и вокруг была лишь вода, вода, вода. Нас даже охватило обманчивое ощущение, что разговоры о сильном волнении, о штормах, о морской болезни ведут лишь для того, чтобы запугивать ребятишек.

В Скагерраке корабли встречались гораздо реже, чем в Зунде. Однообразие водной равнины постепенно заглушало в душе то праздничное чувство, которое охватило всех в первые дни плавания. Мы уже отчетливо сознавали, что нас ждет будничная и монотонная трудовая жизнь моряков. У рыбаков, отправляющихся на дальний лов, нелегкий хлеб.

Проходил час за часом, миля за милей. По правому борту нас сопровождали скалистые берега южной Норвегии. Был вечер. Уже стемнело. Море едва поблескивало. Где-то впереди мелькали сигнальные огни встречных судов, на берегу мигали маяки.

После полуночи мы легли спать: капитан — на свою койку, я — на диван. А Мурке почему-то разонравилось спать у двери каюты на рогожке. Попытавшись всякими хитростями сперва занять капитанское место, потом мое, он, рыча, взобрался на кресло у письменного стола и свернулся клубком. Видно, он почувствовал себя спокойно между ручками кресла и потому вскоре тихо захрапел. А нам не спалось.

— Завтра будем в Северном море,— сказал капитан.— Барометр падает.

— Потреплет ветром.

— Не иначе,— сказал капитан и, помолчав, добавил: — Надо бы привинтить к полу кресло.

На кораблях стулья привинчиваются железными болтами к полу каюты. Но Мурка спал так сладко, что мы отложили это дело на утро. И оба разом заснули, словно в яму провалились.

Мне снился странный сон. Будто я веду машину по Военно-Грузинской дороге. Вдруг руль перестал меня слушаться, и машина полетела в пропасть. Однако не успел я упасть, как у радиатора выросли крылышки, и машина взлетела вверх. А потом опять начала падать. Так меня болтало до тех пор, пока я с ужасным грохотом не рухнул на дно пропасти и не проснулся.

Корабль сильно качало. О переборку каюты, гремя, стукалась отвязавшаяся пустая бочка. Мурка рычал во сне и беспокойно ворочался. Но ничего особенного не случилось. Волна была встречная, и траулер опускался и поднимался через равные промежутки.

Капитан позвонил на мостик:

— Привяжите бочку!

С мостика ответили, что этим уже занимаются.

— Какой ветер?

С мостика ответили, что западный, в шесть баллов.

— Все,— сказал капитан и повесил трубку.

Траулер шел прежним курсом против волны.

Прежде чем снова заснуть, я вспомнил все то немногое, что знал о Северном море. Оно большое, но для своих огромных размеров слишком мелкое. Средняя глубина Северного моря — 94 метра. Лишь вдоль берега Норвегии тянется впадина глубиной до 700 метров.

В старину моряки называли Северное море морем смерти. Наверно, потому, что над мелководьем волны гораздо более свирепы, чем над глубокими местами. Они тут более крутые, высокие и яростные, а провалы меж волн — более узкие. С такими волнами хорошо знакомы рыбаки Чудского озера и каспийские моряки. Волны Северного моря — плохие волны. Мне вспомнились близкие и далекие знакомые, вспомнились эстонские моряки, чьих отцов и дедов когда-то поглотили эти волны. Я видел лишь фотографии этих людей и знал о них всего-навсего

то, что их кости занесены морским песком и что под их головы не положено, как полагается, горстки эстонской земли.

Корабль все качало и качало. Непривычного человека такая качка сначала одурманивает, потом усыпляет. Я слышал шаги штурмана над головой, размеренное биение мотора внизу и плеск волн, разбивающихся о нос корабля. А потом опять заснул беспокойным и изнурительным сном.

Еще во сне я почувствовал, будто что-то изменилось. Но что именно, я понял лишь в тот момент, когда вместе с одеялом и матрацем слетел на пол и больно стукнулся головой. С большим трудом я встал на ноги. Но устоять было почти невозможно, и я вцепился в стол, за который мне пришлось держаться изо всех сил, так как корабль очень сильно наклонился.

Значит, мы вошли в Северное море. Траулер шел на норд-вест, и волна била сбоку.

Через палубу непрерывно перекатывались черные, как ночь, потоки воды. Все, что не успели закрепить, двигалось и скрипело.

Тут с Муркой приключилась история. Кресло, на котором он спал, медленно скользило по линолеуму: то вперед, то назад, то вперед, то назад. Спящий Мурка ощетинился и даже тявкал порой. Но вот на нас накатилась целая гора воды. Волна со всего разгона ударилась о поручни, ее пятнистый гребень обрушился на палубу, и траулер отклонился на несколько градусов от курса. Кресло заскользило быстрее и всем своим и собственным и собачьим весом ударило в дверь. Что-то сломалось, и сиденье кресла провалилось. Сонный, оглушенный ударом Мурка с визгом катался по полу, не находя, за что уцепиться. А корабль тут же перевалился на другой борт, и Мурка полетел под стол, прямо на стальной сейф, в котором хранятся судовые документы. Пес очень ушибся. И все-таки принял все происшедшее за игру. Мурка решил, что эту игру с тумаками затеяли мы с капитаном, пришел в неистовую ярость и решил нам отомстить. Он оскалил зубы и зарычал.

— Цыц, глупый пират! Не скаль зубы! — сказал капитан и начал гладить собаку.

И тут Мурка все понял. Сиплый вой шторма, свист в вантах, резкие выкрики на командном мостике — все это не было игрой. И то, что корабль так сильно качало, что каюта, уже ставшая для Мурки родным домом, потеряла, словно пьяная, всякую устойчивость,— это тоже не было игрой. Пес поглядел на иллюминаторы, но их все время заливало водой. Казалось, что море хочет силой ворваться в каюту.

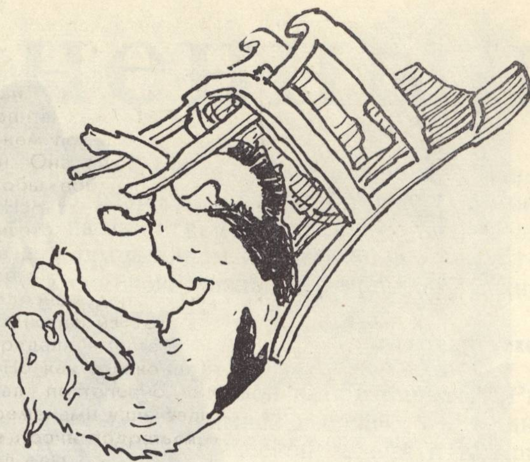
И тогда Мурке стало страшно. До того страшно, что он весь задрожал. Он пробрался к стене, прижался спиной к ногам капитана, уперся лапами в перегородку и заплакал, заплакал на этот раз, как настоящий ребенок, оказавшийся лицом к лицу с чем-то непонятным и жутким.

— Ну, что ты плачешь, пират? Это ведь только начало, худшее еще впереди,— утешил его капитан.

И пока Мурка, непрерывно дрожа, униженно лизал руку капитана, тот объяснял ему, что настоящий судовой пес не должен бояться моря, что он обязан быть смелым, как лев, и хладнокровным, как тюлень.

— Ты у нас еще научишься по мачтам лазать,— пообещал он Мурке.

Буря не унималась, а все нарастала. Северное море показывало свои зубы. Корабль очень мотало.

Оглушенный ударом, Мурка с визгом катался по полу.

Утром у Мурки началась морская болезнь. Мы уже успели поставить кресло на место и привинтить его. Под ним-то и устроился больной Мурка. Он обхватил лапами ножку кресла, уперся спиной в железный прут, и, как бы сильно ни качало корабль, ему все-таки удавалось удержаться на месте. Железный прут и четыре ножки кресла — лишь в них была единственная надежная защита от шторма.

Нет ничего более жалкого, чем собака, страдающая морской болезнью. В глазах ее такая печаль и такая мольба о помощи! Хвост у нее безнадежно обвис, и ни один звук не заставит ее насторожить уши. Она не ест. Лишь усталым тявканьем просит попить. Разговаривать она не может, и потому ей не с кем поделиться своими горестями и переживаниями. Она лишь хочет, чтобы ее не оставляли одну, чтобы поблизости кто-то находился.

Нас трепало в Северном море два дня. Волны, высотой с дом, молотили маленький траулер, державший твердый курс к Норвежскому морю, на север, туда, где нас ожидала сельдь и бесконечный полярный день.

Многие из тех, кто впервые плыл в Атлантику, страдали вместе с Муркой.

Но как только шторм начал успокаиваться, Мурка стал постепенно оживать. Он уже настораживал временами уши, задирал хвост крючком и был даже не прочь подраться. А затем вдруг шумно потребовал еды.

Когда он впервые после болезни вышел на палубу, то посмотрел на огромное, безбрежное и солнечное море пристально и почтительно. Ведь оно как-никак нагнало страху даже на него, смелого и бесшабашного пса.

Впоследствии нам доставалось и посильнее. Но Мурка больше не страдал морской болезнью. При сильном ветре и при буре он лишь предпочитал не выходить на палубу, а спать в каюте. И правильно делал. На палубе сразу можно было получить по загривку. А собаки, как и ребята, не любят, чтоб их колотили, да еще обливали при этом холодной и соленой-пресоленой водой!

Перевел с эстонского **Леон Тоом.**

(Окончание в следующем номере)

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Эта фотография сделана в Ялте в 1902 году. Видите, как ласково смотрит Антон Павлович на своих четвероногих друзей! Это Тузик и Каштан, о котором вы прочитаете дальше. Чехов очень любил собак и часто давал им забавные клички... В Мелихове у него были две таксы: Хина и Бром.

Несравненный человек

Конечно, вы знаете «Каштанку». И рассказ «Мальчики», где говорится о двух гимназистах, начитавшихся Купера и Майн-Рида, вам тоже знаком. А некоторые из вас, возможно, читали повесть о том, как мальчик Егорушка едет по степи,— повесть, от которой веет степным ветром и запахами трав.

Если даже вы читали всего только один из этих рассказов, вы все равно уже успели полюбить Чехова. Это такой писатель, которого нельзя не полюбить.

Разумеется, ваша дружба с Чеховым еще впереди. Пройдут годы, и творчество Чехова прочно войдет в вашу жизнь. Чехов никогда не обращался к читателю с назиданиями, но без его тонких, глубоких, полных горького юмора рассказов мы все были бы немного иными...

Здесь вы прочитаете отрывки из воспоминаний. Таким запомнился Антон Павлович Чехов своим друзьям и современникам. Это только отдельные черточки, но, может быть, с их помощью вы хотя бы отчасти представите себе живого Чехова. Сто лет прошло со дня рождения писателя, но вот он стоит перед нами, милый и близкий, и мы глубоко чувствуем его любовь к людям и отвращение ко всему показному, мишурному, его чуткость и нежность, его твердость и мужество... Прав был один из друзей Чехова, написавший о нем: «Придет время, когда поймут и то, что это был не только «несравненный» художник, не только изумительный мастер слова, но и несравненный человек».

«Антоша — ученик 1-го класса Таганрогской гимназии — недавно пообедал и только что уселся за приготовление уроков к завтрашнему дню... Урок по латыни трудный...

Антоша обмакнул перо в чернильницу и приготовился писать перевод. Отворяется дверь, и в комнату входит отец Антоши, Павел Егорович...

— Того... — говорит Павел Егорович.— Я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько.

У мальчика навертываются слезы...

— В лавке холодно, — возражает он, — а я и так озяб, пока шел из гимназии.

— Ничего...

— На завтра уроков много...

— Уроки выучишь в лавке... Ступай да смотри там хорошенько. Скорее! Не копайся!

...Едва ли многим из читателей и почитателей покойного Антона Павловича Чехова известно, что судьба в ранние годы его жизни заставила его играть за прилавком роль мальчика-лавочника в бакалейной лавке среднего разряда... Антон Павлович прошел из-под палки эту беспощадную подневольную школу целиком и вспоминал о ней с горечью всю свою жизнь. Ребенком он был несчастный человек».

Александр Чехов

«Мы оба были зимой на французской Ривьере. Мы шли «зимней весной» в летних пальто, среди тропической зелени и говорили о молодости, юности, детстве, и вот что я услыхал:

— Знаешь, я никогда не мог простить отцу, что он меня в детстве сек.

Антоша Чехов — таганрогский гимназист.

А к матери у него было самое нежное отношение. Его заботливость доходила до того, что, куда бы он ни уезжал, он писал ей каждый день хоть две строчки».

Вл. И. Немирович-Данченко

«В те годы семья Чеховых жила на Садовой, в Кудрине, в небольшом красном уютном домике... Внизу меня встретили сестра

Чехова и младший брат, Михаил Павлович, тогда еще студент. А через несколько минут по лестнице сверху спустился и Антон Павлович.

Передо мною был молодой и еще более моложавый на вид человек, несколько выше среднего роста, с продолговатым, правильным и чистым лицом, не утратившим еще характерных юношеских очертаний... В лице Чехова, несмотря на его несомненную интеллигентность, была какая-то складка, напоминавшая простодушного деревенского парня. И это было особенно привлекательно. Даже глаза Чехова, голубые, лучистые и глубокие, светились одновременно мыслью и какой-то почти детской непосредственностью. Простота всех движений, приемов и речи была господствующей чертой во всей его фигуре, как и в его писаниях. Вообще в это первое свидание Чехов произвел на меня впечатление человека глубоко жизнерадостного. Казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья... И вместе угадывалось что-то более глубокое, чему еще предстоит развернуться, и развернуться в хорошую сторону».

В. Г. Короленко

Вид окрестностей Таганрога. Рисунок младшего брата писателя, Михаила Павловича Чехова.

«...Я отправилась навестить мою бывшую кормилицу, жившую в деревне близ станции Лопасня. Она оказалась больна, как тогда говорили, чахоткою. Я очень встревожилась и стала допрашивать, есть ли там доктор...

Она ответила мне:

— Не бойся, родимая, дохтур у нас тут такой, что и в Москве не сыщешь лучше... Антон Павлович. Уж такой желанный. Такой желанный — он и лекарства мне все сам дает».

Т. Л. Щепкина-Куперник

«Один только раз я видел, как он рассердился, покраснел даже. Это было, когда мы играли в «Эрмитаже». По окончании спектакля у выхода стояла толпа студентов и хотела устроить ему овацию. Это привело его в страшный гнев».

В. И. Качалов

«...Одну собаку звали Тузик, а другую Каштан, в честь прежней, мелиховской Каштанки... Ничем, кроме глупости и лености, этот Каштан, впрочем, не отличался. Антон Павлович легонько отстранял его палкой, когда он лез с нежностями, и говорил с притворной суровостью:

— Уйди, уйди, дурак... Не приставай.

И прибавлял, обращаясь к собеседнику, с досадой, но со смеющимися глазами:

— Не хотите ли, подарю пса? Вы не поверите, до чего он глуп.

Но однажды случилось, что Каштан по свойственной ему глупости и неповоротливости, попал под колеса фаэтона, который раздавил ему ногу... Антон Павлович тотчас же промыл рану теплой водой с сулемой, присыпал ее иодоформом и перевязал марлевым бинтом. И надо было видеть, с какой нежностью, как ловко и осторожно прикасались его большие милые пальцы к ободранной ноге собаки и с какой сострадательной укоризной бранил он и уговаривал визжавшего Каштана:

— Ах ты, глупый, глупый... Ну, как тебя угораздило?.. Да тише ты... легче будет... дурачок...»

А. И. Куприн

«Я первый раз выступал в настоящем театре, перед настоящей публикой и был очень занят собой.

Не без умысла оставил я верхнее платье не за кулисами, как полагается актерам, а в коридоре партера. Я рассчитывал надеть его здесь, среди любопытных взоров той публики, которую я собирался поразить.

В действительности случилось иначе. Мне пришлось торопиться, чтобы уйти незамеченным.

В эту-то критическую минуту и произошла встреча с Антоном Павловичем. Он прямо подошел ко мне и приветливо обратился со следующими словами:

— Вы же, говорят, чудесно играете мою пьесу «Медведь». Послушайте, сыграйте же. Я приду смотреть, а потом напишу рецензию.

Помолчав, он добавил:

— И авторские получу.

Кабинет Чехова в Мелихове. Зимой окна здесь до половины заносило снегом, и зайцы, став на задние лапки, заглядывали в комнату.

Помолчав еще, он заключил:

— Один рубль двадцать пять копеек.

Признаться, я обиделся тогда, зачем он не похвалил меня за только что исполненную роль.

Теперь я вспоминаю эти слова с умилением.

Вероятно, А. П. хотел ободрить меня своей шуткой после только что испытанной мною неудачи.

Обстановка третьей и последней уцелевшей в моей памяти встречи первого периода знакомства с А. П. Чеховым такова: маленький, тесный кабинет редактора известного журнала.

Много незнакомых людей.

Накурено.

Известный в то время архитектор и друг А. П. Чехова демонстрировал план здания для народного дома, чайной и театра. Я робко возражал ему по своей специальности.

Все глубокомысленно слушали, а А. П. ходил по комнате, всех смешил и, откровенно говоря, всем мешал. В тот вечер он казался особенно жизнерадостным: большой, полный, румяный и улыбающийся.

Тогда я не понимал, что его так радовало.

Теперь я знаю.

Он радовался новому и хорошему делу в Москве. Он был счастлив тем, что к темным людям проникнет маленький луч света. И после всю жизнь его радовало все, что красит человеческую жизнь.

— Послушайте! — это же чудесно, — говорил он в таких случаях, и детски чистая улыбка молодила его».

К. С. Станиславский

«Однажды он позвал меня к себе в деревню Кучук-Кой, где у него был маленький клочок земли и белый двухэтажный домик. Там, показывая мне свое «имение», он оживленно заговорил:

— Если бы у меня было много денег, я устроил бы здесь санаторий для больных сельских учителей. Знаете, я выстроил бы этакое светлое здание — очень светлое, с большими окнами и с высокими потолками. У меня была бы прекрасная библиотека, разные музыкальные инструменты, пчельник, огород, фруктовый сад; можно бы читать лекции по агрономии, метеорологии, учителю нужно все знать, батенька, все!

Он вдруг замолчал, кашлянул, посмотрел на меня сбоку и улыбнулся своей мягкой, милой улыбкой, которая всегда так неотразимо влекла к нему и возбуждала особенное, острое внимание к его словам.

— Вам скучно слушать мои фантазии? А я люблю говорить об этом. Если б вы знали, как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель!

...Мне кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой, и я не раз наблюдал, как люди сбрасывали с себя пестрые наряды книжных фраз, модных слов и все прочие дешевенькие штучки, которыми русский человек, желая изобразить европейца, украшает себя, как дикарь раковинами и рыбьими зубами. Антон Павлович не любил рыбьи зубы и петушиные перья; все пестрое, гремящее и чужое, надетое человеком на себя для «пущей важности», вызывало в нем смущение, и я замечал, что каждый раз, когда он видел перед собой разряженного человека, им овладевало желание освободить его от всей этой тягостной и ненужной мишуры, искажавшей настоящее лицо и живую душу собеседника.

...В его серых, грустных глазах почти всегда мягко искрилась тонкая насмешка, но порою эти глаза становились холодны, остры и жестки; в такие минуты его гибкий, задушевный голос звучал тверже, и тогда — мне казалось, что этот скромный, мягкий человек, если он найдет нужным, может встать против враждебной ему силы крепко, твердо и не уступить ей.

...В юности пошлость кажется только забавной и ничтожной, но понемногу она окружает человека, своим серым туманом пропитывает мозг и кровь его, как яд и угар, и человек становится похож на старую вывеску, изъеденную ржавчиной: что-то изображено на ней, а что? — не разберешь.

Антон Чехов уже в первых рассказах своих умел открыть в тусклом море пошлости ее трагически мрачные шутки; стоит только внимательно прочитать его «юмористические» рассказы, чтобы убедиться, как много за смешными словами и положениями — жестокого и противного скорбно видел и стыдливо скрывал автор.

Он был как-то целомудренно скромен, он не позволял себе громко и открыто сказать людям: «да будьте же вы... порядочнее!» — тщетно надеясь, что они сами догадаются о настоятельной необходимости для них быть порядочнее. Ненавидя все пошлое и грязное, он описывал мерзости жизни благородным языком поэта, с мягкой усмешкой юмориста, и за прекрасной внешностью его рассказов мало заметен полный горького упрека их внутренний смысл.

...Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины.

Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, ее он осмеивал и ее изображал бесстрастным, острым пером, умея найти плесень пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, удобно, даже — с блеском...

...Читая рассказы Антона Чехова, чувствуешь себя точно в грустный день поздней осени, когда воздух так прозрачен и в нем резко очерчены голые деревья, тесные дома, серенькие люди. Все так странно — одиноко, неподвижно и бессильно. Углубленные синие дали — пустынны и, сливаясь с бледным небом, дышат тоскливым холодом на землю, покрытую мерзлой грязью. Ум автора, как осеннее солнце, с жестокой ясностью освещает избитые дороги, кривые улицы,

Антон Павлович Чехов всеми силами помогал крестьянам, в особенности крестьянским ребятам. На его средства построены школы в Талеже, Новоселках и Мелихове. На фотографии — школа в Новоселках.

Чехов и Горький в Ялте.

ный дым в его комнате был для него ядом, он не мог и не решался сказать никому, кто дымил у него папиросой: «Бросьте. Не отравляйте меня»... Он ограничился только тем, что повесил на стене... записку: «...Просят не курить» и терпеливо молчал, когда некоторые посетители все-таки курили...

...Избранный в почетные академики, Чехов написал, как известно, резкий отказ от этого почетного звания, когда узнал, что Горький, также избранный в почетные академики, в этом звании не утвержден царским правительством по приказу самого царя Николая. Только Чехов и Короленко имели мужество поступить так. Иные академики смиренно промолчали и продолжали пользоваться почетом».

Н. Д. Телешов

тесные и грязные дома, в которых задыхаются от скуки и лени маленькие жалкие люди, наполняя дома свои неосмысленной, полусонной суетой.

...Проходит перед глазами бесчисленная вереница рабов и рабынь своей любви, своей глупости и лени, своей жадности к благам земли; идут рабы темного страха перед жизнью, идут в смутной тревоге и наполняют жизнь бессвязными речами о будущем, чувствуя, что в настоящем — нет им места...

Многие из них красиво мечтают о том, как хороша будет жизнь через двести лет, и никому не приходит в голову простой вопрос: да кто же сделает ее хорошей, если мы будем только мечтать?

Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадежной тоской на лице и в груди, красивым искренним голосом сказал:

— Скверно вы живете, господа!»

М. Горький

«Это был обаятельный человек: скромный, милый». Так отзывался о Чехове Л. Н. Толстой. И действительно, это был человек безусловно милый, очень скромный и сдержанный, даже строгий к самому себе. Так, например, когда он был очень болен и табач-

«...Удивительный это был человек по отзывчивости и жизнерадостности. Он давно недомогал, хрипел. Но всего этого он как-то не замечал. Все его интересовало, кроме болезни.

Пытливость, масса юмора и веры в жизнь».

Н. Г. Гарин

«...Даже за несколько часов до своей смерти он заставил меня смеяться, выдумывая один рассказ. Это было в Баденвейлере. После трех тяжелых, тревожных дней ему стало легче к вечеру. Он послал меня пробежаться по парку, так как я не отлучалась от него эти дни, и, когда я пришла, он все беспокоился, почему я не иду ужинать, на что я ответила, что гонг еще не прозвонил. Гонг, как оказалось после, мы просто прослушали, а Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая необычайно модный курорт, где много сытых, жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть... И вот все они... собираются с мечтой хорошо и сытно поесть... И тут вдруг оказывается, что повар сбежал и ужина никакого нет, — и вот как этот удар по желудку отразился на всех этих

избалованных людях... Я сидела, прикорнув на диване после тревоги последних дней, и от души смеялась. И в голову не могло прийти, что через несколько часов я буду стоять перед мертвым телом Чехова!..»

О. Л. Книппер-Чехова

«Антон Павлович был самым большим оптимистом будущего, какого мне только приходилось видеть. Он бодро, всегда оживленно, с верой рисовал красивое будущее нашей русской жизни».

К. Станиславский

Из записных книжек А. П. Чехова

...Тому, который не имеет слуха, кажется, что музыканты дерут и что он один это замечает.

●

От зависти становится косым.

У дьяконова сына собака называлась Синтаксис.

●

...У него всегда при всех обстоятельствах одинаково безразличное настроение, как у моллюска.

●

— Дай-ка порцию главного мастера клеветы и злословия с картофельным пюре.

Половой не понял и смутился за свою недогадливость и хотел что-то возразить, но начальник строго посмотрел на него и сказал: Кроме!

Немного погодя половой принес языка с пюре — значит, понял.

●

Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой.

●

Один действительный статский советник взглянул на красивый ландшафт и сказал: — Какое чудесное отправление природы!

●

Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой.

●

Шел по улице такс, и ему было стыдно, что у него кривые лапы.

●

Сотни верст пустынной, однообразной выгоревшей степи не могут нагнать такой скуки, как один человек.

●

Воробьихе кажется, что ее воробей не чирикает, а поет очень хорошо.

●

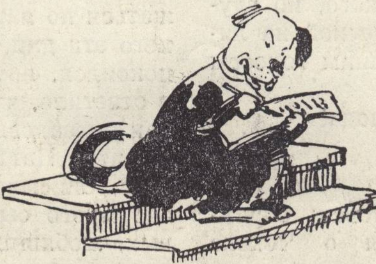
Один старик богач, почувствовав приближение смерти, приказал подать тарелку меду и вместе с медом съел свои деньги.

●

— Человеку нужно только 3 аршина земли.
— Не человеку, а трупу. Человеку нужен весь земной шар.

●

Праздновали юбилей скромного человека. Придрались к случаю, чтобы себя показать, похвалить друг друга. И только к концу обеда хватились: юбиляр не был приглашен, забыли.

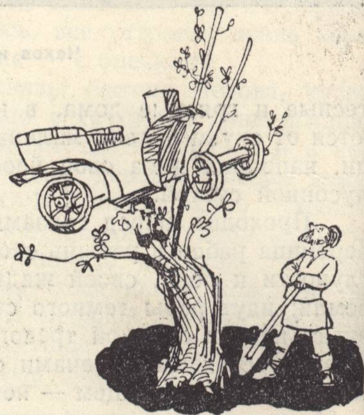

Из записок старой собаки: «Люди не едят помоев и костей, которые выбрасывает кухарка. Глупцы!»

На лице у нее не хватало кожи: чтобы открыть глаза, надо было закрыть рот — и наоборот.

●

Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай.

Почва такая хорошая, что если посадить в землю оглоблю, то через год вырастет тарантас.

●

— Мама, из чего сделана молния?

●

В счете, поданном хозяином гостиницы, было между прочим: клопы 15 копеек.

●

— По этой части он съел собаку.
— Ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива.

●

Он ехал на извозчике и думал, глядя на уходящего сына: — «Быть может, он принадлежит к людям, которые уже не будут трепыхаться на паршивых извозчиках, как я, а летать на шарах в поднебесье».

Рисунки А. Каневского.

На вершину Эльбруса

До сих пор лишь особо тренированным людям, альпинистам, доступно было наслаждение необыкновенной красотой горных высот. Подняться, скажем, на купол Эльбруса, самой высокой точки Кавказа,— об этом не всякий мог и мечтать! Но все будет по-иному, когда построят подвесную канатную дорогу к ледяным вершинам этого горного великана.

Здесь художник изобразил, как будет выглядеть это сооружение. Дорога делится на две части; легкие кресла, непрерывной цепью двигающиеся с тросом, будут поднимать путешественников на склоны Азау, откуда хорошо виден весь Эльбрус. Кресельная дорога не длинна: всего полтора километра,— а высота подъема — 600 метров. Но именно здесь, от высшей точки этой дороги, будет проложена зимняя лыжная трасса для скоростного спуска.

Вторая дорога, на самый Эльбрус, состоит из трех частей, этапов. Ее длина будет около 7 километров, начало — на высоте 2 300 метров, конец — на высоте 4 100, у «Приюта одиннадцати».

По ней лыжников и туристов понесут вверх не кресла, а вагончики, подвешенные на толстых стальных тросах. Когда один вагончик поднимается вверх, другой спускается вниз. Так они и будут сновать челноками. От «Приюта одиннадцати» протянется самая верхняя дорога, буксирующая лыжников еще на целый километр выше. Тут будет «тренировочный рай» для лыжников: снежная зима даже в разгар лета.

Лен УИНКОТТ

ЖЕНЩИНЫ В ЧЕРНОМ

Рисунки В. Минаева.

Англия — страна традиций. И если я не расскажу вам об английских традициях, вы не все поймете в истории о «женщинах в черном».

Многие из этих нерушимых традиций в нашу эпоху межпланетных ракет выглядят, мягко выражаясь, нелепо. Вот, например, во время сессии парламента каждый день ровно в девять вечера в зал заседаний входит человек в старинных одеждах... В одной руке у него фонарь с зажженной свечой, в другой — дубинка внушительных размеров. Некоторое время он молчит, затем вопрошает преимущественно глухим басом: «Кому домой?» Никто не обращает на него ни малейшего внимания, и он, так и не получив ответа, удаляется. Это традиция. Лет двести — триста назад ходить по улицам Лондона после девяти часов вечера было небезопасно, поэтому назначался человек, который разводил членов парламента по домам. Нынче заседания парламента продолжаются иной раз до полуночи, и все спокойно разъезжаются, не боясь разбойников. Но традиция сохранялась вплоть до самого недавнего времени. Зачем? Бог ее знает. А может быть, Англия без традиций, что автомобиль без горючего, далеко не уйдет?..

Хочется рассказать вам и о другой нелепости, имеющей непосредственное отношение к истории о «женщинах в черном». Даунинг-стрит — улица, на которой находится резиденция английского премьер-министра,— представляет собой тупик, или, как говорят в народе, «мешок из-под пудинга». Дом под номером десять занимает премьер-министр, дом номер одиннадцать — канцлер казначейства, других домов на этой улице, выходящей на широкую правительственную магистраль, известную под названием Уайтхолл, вам не найти и днем с огнем. Куда девались остальные девять домов и существовали ли они вообще, никто не знает.

По тупику всегда разгуливает полисмен, он следит за всеми, кто сюда сворачивает. Традиция запрещает слоняться без дела или устраивать демонстрации близ этого «священного» места. За всю историю английского рабочего движения и борьбы за мир на Даунинг-стрит не бывало митингов и демонстраций. Не бывало до тех пор, пока «женщины в черном» не решили сломать эту традицию.

«Женщины в черном» — это матери, сестры и вдовы тех, кто погиб в борьбе с фашизмом. Их всегда шестнадцать, этих женщин, одетых в глубокий траур. Они ходят по улицам Лондона, говорят с людьми о мире, о том, что его нужно отстаивать. На улицах, в коридорах парламента, в частных домах — везде звучат их слова. Они не шествуют с флагами, не выкрикивают лозунгов, не собирают митингов; если человек, к которому они обратились, оказывается неисправимым реакционером, они просто отходят от него и идут дальше в поисках людей, с которыми

можно говорить о самом насущном — о борьбе за мир. Их уже знают по всей стране, их деятельность привлекает внимание миллионов защитников мира.

Но самим «женщинам в черном» не казались значительными результаты их работы, им хотелось сделать больше. И вот однажды их руководительница, смелая и решительная женщина, сказала: «Почему бы не организовать демонстрацию у дома премьер-министра?» В ответ остальные пятнадцать высоко подняли брови и сложили губы так, будто собирались свистнуть. Предложение руководительницы показалось им смелым и неожиданным, но отнюдь не фантастическим.

Они прекрасно понимали всю бесполезность попытки подойти к Даунинг-стрит с флагами и лозунгами: как только станет ясно, куда они направляются, отряд конной полиции преградит им дорогу. И «женщины в черном» решили действовать иначе. Поодиночке подошли они к повороту на Даунинг-стрит, а когда все были в сборе, руководительница приблизилась к полицейскому и доверительно взяла его за рукав. Дежурный «бобби» — так зовут в Лондоне полисменов — имел за плечами такой стаж работы, что больше посматривал в календарь, чем вокруг себя, мечтая лишь о том дне, когда выйдет на пенсию. Кроме того, хотя за долгие годы службы ему и приходилось видеть всякое — от шумливых пьяниц до молчаливых убийц, но женщину в трауре, улыбающуюся такой обезоруживающей улыбкой, он не мог причислить ни к одной из этих категорий. Обычные слова: «Проходите, не задерживайтесь» — застряли у него в горле. Он сам не заметил, как вступил в разговор, продолжая прохаживаться вдоль улицы. Женщина пошла рядом с ним. А за ними молча потянулась процессия — пятнадцать «женщин в черном». Многочисленные прохожие, снующие по Уайтхоллу, начали обращать внимание на странную демонстрацию, марширующую взад-вперед по Даунинг-стрит. Вскоре собралась огромная толпа и запрудила весь тупик. Люди поняли, что означает молчаливая процессия. Секретари, слуги и дворецкие дома номер десять уже обрывали телефоны Скотланд-Ярда[1]. Но к тому времени, когда прибыли полицейские машины, толпа рассеялась, ушли и «женщи-

[1] Полицейское управление.

ны в черном», поблагодарив полисмена за хороший прием. Все, что осталось полиции на память о демонстрации, — это крупные заголовки и фотографии в прогрессивных газетах, вышедших на следующее утро.

Наступил день обсуждения в парламенте вопроса об атомной бомбе. В стенах парламента, как и на Даунинг-стрит, тоже не дозволены всякого рода демонстрации. Но «женщины в черном» решили и здесь покончить с этой традицией, и, когда открылись дебаты, две из них уже сидели на галерее для публики. Как раз под ними находилось внушительное кресло спикера [1], длинный стол тянулся по центру зала, а на столе лежал жезл — символ государственной власти. Скамьи по обеим сторонам стола заполняли члены парламента. Все это можно было разглядеть сквозь железные прутья балкона, обрамлявшего галерею.

Обсуждение началось. Выступал один из представителей партии тори [2], доказывавший необходимость атомного вооружения, как вдруг его речь перебил звонкий женский голос:

— Долой атомную бомбу!

Говоривший бросил быстрый взгляд в сторону галереи, откуда раздался крик, и хотел было продолжать свою речь. Не успел он произнести и десятка слов, как снова был прерван. На этот раз оратор замолчал, и взоры всех присутствующих обратились к галерее.

В третий раз прозвучал оттуда женский голос...

Гвардейцы в мундирах времен Генриха VIII и полицейские ринулись наверх. В зале воцарилась полная тишина, и снова женский голос крикнул:

— Долой атомную бомбу!

Когда полицейские ворвались на галерею, они увидели там двух женщин, невозмутимо сидевших на своих местах.

— Оставьте зал!

— Не можем, даже если бы хотели.

Лондонские стражи порядка научены действовать по пословице «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Они решили выяснить, что мешает женщинам тронуться с места. И они выяснили: женщины были прикованы тяжелой цепью к прутьям балкона, так что вывести их из зала можно было, только распилив цепь или вырвав ее вместе с частью решетки. Репортеры метались по зданию парламента в поисках телефонов, чтобы сообщить в редакции газет о новой демонстрации «женщин в черном», а более рассудительный полицейский инспектор сказал тем временем одному из гвардейцев:

— Сбегай-ка быстрее за кузнецом!

Заседание было прервано, и вскоре, к ужасу всех собравшихся, с галереи послышались тяжелые удары молота по зубилу, разносящиеся эхом под сводами величественного здания. Когда цепи удалось разбить, полицейские вытолкнули женщин с галереи, но в вестибюле парламента они увидели еще двух «женщин в черном», приковавших себя к колонне. Я не стану уверять читателей, что полицейский инспектор упал в обморок при виде этой картины, но дара речи он определенно лишился. Опять пошли в ход молоток и зубило.

Итак, четыре женщины, с запястий которых свешивались цепи, звеневшие при каждом шаге, были под охраной выпровождены за ограду здания парламента, где полицейские увидели огромную толпу. Она окружала еще двух «женщин в черном», приковавших себя к этой самой ограде. Пока с них снимали цепи, они продолжали беседовать с собравшимися, убеждая их бороться против угрозы войны, за запрещение атомной бомбы.

Шесть «женщин в черном» были отправлены в тюрьму.

А на следующий день полицейский инспектор опять увидел «женщин в черном» в коридорах парламента. Их было шестнадцать. Инспектор не поверил своим глазам, он сосчитал снова. Да, шестнадцать. Не в силах превозмочь удивления, он подошел к одной из них и спросил: «Как же это так? До вчерашнего дня вас было шестнадцать,

---

[1] Председатель.
[2] Консервативная партия.

шестерых мы отправили в тюрьму, а сегодня вас опять шестнадцать?!».

«Женщина в черном» громко ответила:

— Вы помните детскую загадку о реке? «Сколько ни бери — меньше не становится». Можете сегодня упрятать в тюрьму всех шестнадцать — завтра на улицах Лондона вы снова увидите шестнадцать «женщин в черном». Вам не пересажать нас, матерей, сестер и вдов, тех, кто хочет только одного — мира!

Перевел с английского

Юрий Хазанов.

Их называют чернорабочими нашего движения. Простые люди, глубоко понимающие жизнь со всеми ее невзгодами, они порой плохо разбираются в революционной теории, но классовое чутье рабочего человека помогает им безошибочно отличить правду от лжи, справедливость от произвола, они твердо знают: мир должен быть изменен. И потому они всегда готовы к любой работе, какой бы маленькой она ни казалась. Они верят: «Капли камень долбят».

Когда нужно вымыть пол в помещении комитета, распространить листовки или партийную газету, они всегда тут как тут. В дождь и в жару они проходят многие мили, собирая подписи под воззванием сторонников мира. Их всегда увидишь там, где битва наиболее жестока. Они помогают защищать двери дома от судебных исполнителей, когда рабочую семью выселяют за неуплату ренты. На демонстрациях они идут во главе колонны. Они пронесут знамя до конца, не выронят и под полицейскими дубинками. А после демонстрации, когда надо подбодрить тех, кто впервые был в сражении, у них всегда хватает присутствия духа, чтобы пошутить по поводу собственных синяков и ранений. В каждой нашей группе можно найти одного — двух таких неутомимых и бесстрашных героев. Они никогда не думают о себе. Они могут лечь спать без ужина. И даже не вспомнят о деньгах, собранных рабочими для нужд движения. В их карманах эти деньги спрятаны так же надежно, как в сейфах Английского банка.

Такой была «Наша Молли»... Собственно, это мы назвали ее так. Где-то в списках значилось ее настоящее имя, но никто о нем не думал. Для нас она была Молли, и не просто Молли, а Наша Молли.

Люди, знавшие ее раньше, говорили, что она была хрупкой и тихой, безобидной учительницей музыки, которая давала уроки на фортепьяно по шиллингу за час. Но тем, кто работал с ней бок о бок, трудно было в это поверить. Наша Молли несла бремя, которое под силу лишь немногим. Ее муж вернулся с войны слепым и без руки. Может быть, сопротивление страшной беде, свалившейся на ее семью, помогло Молли воспитать в себе это невероятное спокойствие, энергию и неустрашимость, так удивлявшие нас?

Когда я впервые увидел Молли, она стояла на куче мусора и призывала собравшуюся вокруг нее толпу организовать сопротивление полиции и помешать выселению семей безработных. В ней не было ничего агрессивного, она говорила тоненьким проникновенным голосом, который, казалось, проникал в сердца слушателей. Ее речь была совсем простой и убедительной, без прикрас и ораторских приемов. Она объясняла людям, по-

чему сегодня им нужно объединиться в защиту соседей: завтра наступит и их черед. Поодаль стояли четверо мужчин, они смотрели на Молли так, будто она сама богиня возмездия, посланная с небес специально, чтобы проклясть их. Это были судебные исполнители. Рослые и толстые, с обязательными котелками на головах, они выглядели, как отставные полицейские, нашедшие наконец-то работу по вкусу. Молли старалась не задевать их, хотя один раз и указала пальцем в их сторону. По возгласам и взглядам слушателей Молли было ясно, что она завладела толпой. А когда она призвала всех пойти к дому, откуда через час должно было начаться выселение, только двое потихоньку, стыдясь собственной трусости, ускользнули из толпы.

Во главе толпы Молли шагала по улице. Через десять минут она уже расставила посты снаружи и внутри дома. У них был такой грозный вид, что судебные исполнители отложили выселение до следующего дня, надеясь на подкрепление из полиции. До поздней ночи Молли ходила по району, собирая медяки среди рабочих, а утром она возглавила делегацию женщин к домовладельцу, уплатила ему долги безработных и вынудила его отменить приказ о выселении. Для Молли это была повседневная работа. Устав и измучившись, она возвращалась в свою каморку, где ее с нетерпением ожидал муж-инвалид. Каморка к ее приходу была уже прибрана, обед сварен. И это тоже был результат ее терпеливых усилий. Молли настойчиво учила мужа преодолевать беспомощность. Он научился даже работать одной рукой на пишущей машинке и часто печатал под ее диктовку листовки.

Мы решили использовать для агитации за мир большой авиационный праздник, который должен был проходить в нашем городе.

Молли по ночам писала на асфальте лозунги буквами больше своего роста. За несколько ночей все дороги, ведущие к месту авиационного праздника, покрылись лозунгами с призывами бороться за мир.

Однажды глубокой ночью, когда Молли только что написала последнюю букву в лозунге, пересекавшем улицу, неожиданно появились двое полицейских в штатском. Схватив ведерко с краской и кисть, Молли быстро нырнула в ворота какого-то склада. Но полицейские разделились и стали обходить здание с двух сторон. Один из них прошел мимо, не заметив Молли, прижавшуюся к стене. Она пустилась бежать в другую сторону и вдруг увидела, что бежит прямо в

объятия второго полицейского. Полицейский захохотал, торжествуя победу: «Попалась!» Но Молли не хотела сдаваться. Легким и быстрым движением она подняла ведро, наполовину наполненное краской, и нахлобучила его на голову полицейского. Он не успел и вскрикнуть, как ведро уже было на голове и толстый слой краски потек по его лицу и плечам.

На следующий день Молли явилась в комитет с новым ведром, наполненным белой краской. Мы спросили, откуда оно взялось, это новое ведро. Оказалось, Молли купила его на свои собственные деньги, считая себя виновной в утере ведра и краски, принадлежащих организации. Спорить с ней было бесполезно, и она снова ушла, чтобы закончить работу на той самой улице, где чуть было не попала в лапы полиции.

В день авиационного праздника Молли примчалась в помещение, где мы упаковывали листовки, которые хотели распространить среди зрителей на аэродроме. Она вы-

ждала, пока ушли распространители листовок, и изложила свой план. На празднике будут организованы для зрителей полеты над аэродромом. Молли хотела купить билет на самолет и с него сбросить листовки. План был хорош, но как доставить листовки на самолет? Мы знали, что это будет маленький биплан с двумя открытыми кабинами — для летчика и для пассажира. Молли все предусмотрела. Без лишних слов она стала запихивать листовки под блузку, в рукава жакетки, под жакет — куда только можно — и вскоре стала похожа на надутый мяч для пушбола. При каждом ее движении слышался шелест, будто в комнату въехала тележка продавца газет. В ее внешности было что-то настолько комичное, что все мы расхохотались, хотя и понимали, что на этот раз Молли не удастся ускользнуть от полиции.

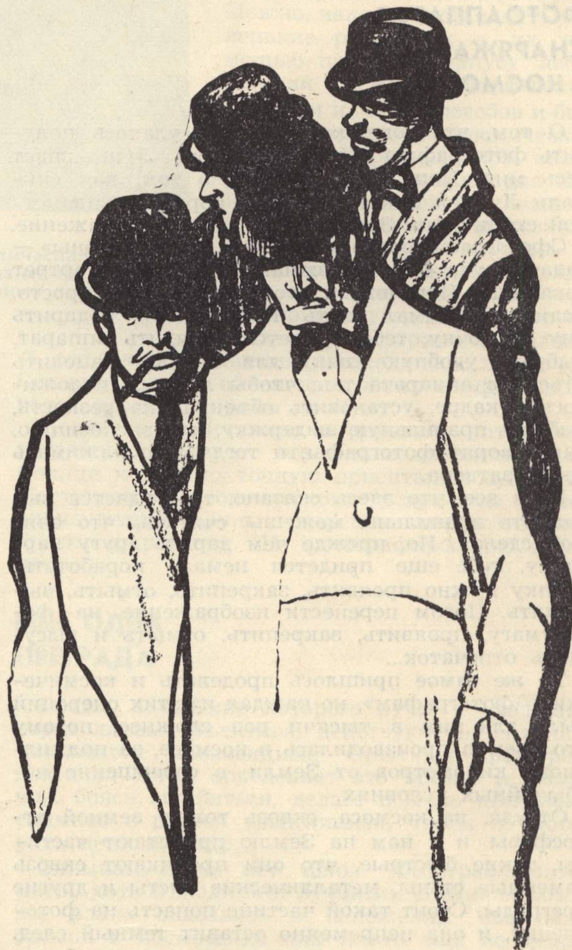
Когда она подошла к самолету, пилот — любитель из местного аэроклуба — удивленно спросил, что с ней такое. Молли объяснила, что ошпарилась кипятком и поэтому ее всю забинтовали, но она не желает упускать случая и обязательно полетит, так как никогда еще не летала. Пилот поверил и даже помог ей сесть во вторую кабину. Когда самолет набрал высоту, Молли расстегнула жакет и стала обеими руками разбрасывать листовки. Летчик, увидев ее в зеркале пилотской кабины, заорал: «Ах ты, красная скотина!» — и нажал на педаль. Самолет неожиданно сильно накренился. Молли догадалась о намерениях пилота и тут обнаружила, что не пристегнулась ремнями. Она судорожно вцепилась руками и уперлась ногами в металлические крепления кабины как раз в тот момент, когда самолет пошел вверх, чтобы сделать мертвую петлю. Не ухватись Молли за крепления, она была бы выброшена из кабины. Когда пилот выровнял машину, готовясь к новой фигуре, Молли освободила одну руку и сбросила еще пачку листовок. Пилот опять нажал на педаль, но Молли теперь держалась еще крепче, думая лишь о том, что надо обязательно бросить зрителям последние листовки... Когда в мертвой петле самолет шел вверх колесами или когда он бешено вертелся в штопоре, Молли становилось дурно и казалось, что ее покидают последние силы. Но она молчала и пощады у пилота не просила. Пилот, видно, понял, что ему не выбросить Молли, выровнял машину и повел на посадку. Молли выползла из кабины чуть живой.

Ей было плохо. Ее тошнило. И все же... Все же она снова стоит на твердой земле... Листовки разбросаны... Сотни людей уже читают их.

Молли взяла себя в руки и шагнула навстречу приближающимся полицейским.

Пилот снова закричал: «Красная скотина!» Вся ненависть Молли перешла в ее взгляд и вся сила тела — в руку. Удар пришелся прямо в подбородок, и пилот рухнул на землю, будто получил чистейший нокаут от чемпиона мира в тяжелом весе.

Полицейские окружили Молли, но не решались приблизиться к этой хрупкой, маленькой женщине, на бледном лице которой показалась улыбка: она хорошо выполнила взятую на себя работу.

Вы хотите знать, что случилось дальше? Молли посадили в тюрьму, а мы заботились о ее слепом муже, пока она не вернулась из заключения. Это был все тот же неустрашимый, готовый к любой работе «чернорабочий», рядовой боец — словом, Наша Молли.

Перевел с английского В. Гузов.

Как снимали Луну

ФОТОАППАРАТ СНАРЯЖАЕТСЯ В КОСМОС

О том, что советским ученым удалось получить фотографию обратной стороны Луны, знает весь мир. Наш рассказ будет о том, как снимали Луну и как передали с борта межпланетной станции на Землю полученное изображение.

Сфотографировать Луну «с той стороны» — задача куда более сложная, чем снять портрет товарища. Впрочем, и это не так уж просто. Если ты задумал снять товарища и подарить ему карточку, тебе придется зарядить аппарат, выбрать удобную точку для съемки, нацелить объектив аппарата так, чтобы лицо расположилось в кадре, установить объектив на резкость, выбрать правильную выдержку, или экспозицию, как говорят фотографы, и тогда уже нажимать спуск затвора.

Если все, что здесь сказано, тебе удастся выполнить правильно, можешь считать, что снимок сделан. Но, прежде чем дарить другу карточку, тебе еще придется немало поработать: пленку нужно проявить, закрепить, отмыть, высушить. Потом перенести изображение на фотобумагу, проявить, закрепить, отмыть и высушить отпечаток...

То же самое пришлось проделать и космическим «фотографам», но каждая из этих операций была для них в тысячи раз сложнее, потому что съемка производилась в космосе, за полмиллиона километров от Земли, в совершенно необычайных условиях.

Оттуда, из космоса, сквозь толщу земной атмосферы и к нам на Землю прилетают частицы, такие быстрые, что они проникают сквозь каменные стены, металлические листы и другие преграды. Стоит такой частице попасть на фотопленку, и она непременно оставит темный след. А там, в межпланетных просторах, целые потоки космических частиц падали на летающую лабораторию. Поэтому, прежде чем заряжать аппарат, пришлось подумать о том, как защитить кассету от этих лучей, и выбрать такую пленку, которой эти лучи не вредят.

Все было рассчитано, продумано заранее, однако никто не мог поручиться, что все расчеты оправдаются. В таком путешествии можно было ожидать «сюрпризов».

Могли совсем не получиться снимки, могли испортиться при проявлении, могли исказиться при передаче. Чтобы с уверенностью можно было сказать, что все удалось, как задумано, и Луна на «портрете» получилась похожей, в разных местах пленки, приготовленной для космической съемки, еще на Земле сделали контрольные снимки. Часть из них оставили непроявленными, часть проявили. А потом, когда изображение, заснятое на пленку, приняли на Земле, приняли и эти контрольные снимки. Все они получились четкими и правильными. Значит, и все, что было заснято на Луне, было правильно.

СНИМАТЬ ЛУНУ, ЦЕЛИТЬСЯ НА СОЛНЦЕ

Другая трудность заключалась вот в чем: отделившись от ракеты, межпланетная станция превратилась в самостоятельное небесное тело и, как всякое небесное тело, стала вращаться вокруг своего центра тяжести.

И если бы заранее не предусмотрели этого, могло бы получиться так, что аппараты, закрепленные в головной части лаборатории, в момент съемки смотрели бы не на Луну, а на Солнце или вовсе в сторону.

Этого, конечно, нельзя было допустить, и к тому времени, когда пора было начинать съемку, удалось так расположить межпланетную станцию, что оба ее объектива смотрели прямо на Луну.

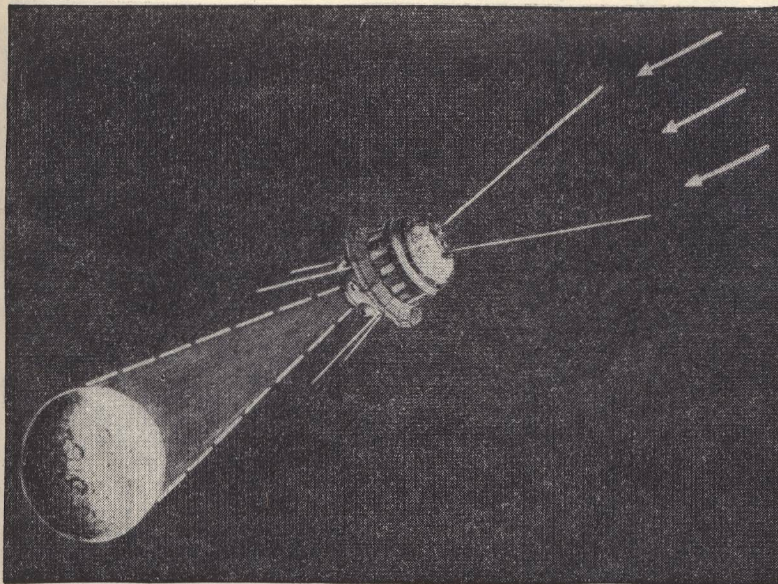
Для этого на межпланетной станции была устроена специальная система нацеливания — «автоматическая система ориентации», как назвали ее наши ученые.

Работала эта система совсем не так, как работает фотограф, когда нацеливает аппарат на объект съемки.

На обычном аппарате есть видоискатель. Фотограф вправо, влево, вверх и вниз поворачивает корпус аппарата до тех пор, пока то, что он снимает, не расположится в центре рамки видоискателя.

На межпланетной станции — мы уже говорили об этом — аппарат был закреплен в головной части корпуса. Это само по себе не составляет неудобства. Когда летчики учатся ведению воздушного боя, они тоже «стреляют» друг в друга из... фотоаппаратов, закрепленных на месте пушки, направляя на «противника» всю машину. Но там, на самолете, есть живой человек, летчик. А на межпланетной станции человека не было. Его работу пришлось поручить автоматам.

Когда штурман хочет направить свой корабль, он пользуется компасом или маяком. Магнит-

Удобнее всего было снимать Луну тогда, когда автоматическая межпланетная станция оказалась вот в таком положении: как раз между Солнцем и Луной. Стрелки показывают направление солнечных лучей.

ный компас в космосе не будет работать. А вот маяк был к услугам автоматического штурмана. Маяком на этот раз служило Солнце.

Еще до запуска ракеты решили, что удобнее всего начинать съемку тогда, когда станция окажется как раз между Солнцем и Луной. Значит, чтобы нацелить головную часть станции на Луну, достаточно было направить ее «кормовую» часть на Солнце...

Это тоже не легкая задача.

«ШТУРМАН» И «РУЛЕВОЙ»

Прежде всего нужно было дать межпланетной станции «глаза», чтобы они все время следили за Солнцем.

В наше время существует много разных приборов, которые могут преобразовать световые лучи в электрический ток. В зависимости от силы, направления и даже цвета светового пучка, падающего на такой чувствительный прибор, он посылает в провода тот или иной электрический сигнал. Вот так и был устроен автоматический «штурман» станции: приборы все время следили за Солнцем, а когда межпланетная станция вышла в район съемки, они стали посылать электрические команды приборам управления.

На кораблях штурман дает курс рулевому. Тут тоже был рулевой, не живой, конечно, а автоматический. Но только тут рулевому пришлось куда труднее, чем на корабле. На корабле, который движется, достаточно повернуть перо руля, и встречный поток воды как нужно повернет корму, а вместе с ней и весь корпус корабля. А межпланетная станция двигалась в пространстве, где не за что зацепиться, там нет ничего такого, от чего можно было бы оттолкнуться. Казалось бы, положение безвыходное.

Но все же есть несколько способов для того, чтобы установить лабораторию в нужном направлении. Для этого можно, например, разместить внутри нее маховик и привести его во вращение. Тогда корпус ракеты будет вращаться в обратном направлении. Можно поставить в лаборатории волчок-гироскоп. Его ось упрямо будет занимать определенное направление, а этого уже достаточно, чтобы ориентировать лабораторию. Можно, наконец, установить маленькие ракеты и с их помощью придать корпусу лаборатории нужное направление.

Одним из этих способов и был устроен «рулевой» космической станции. Перед началом съемки «штурман»-автомат дал ему команду. «Рулевой», выполняя электрические приказания «штурмана», начал работать — поворачивать станцию то так, то этак, пока «штурман» не успокоился, убедившись, что его глаза смотрят прямо на Солнце. А если корма станции нацелилась прямо на Солнце, значит, объективы обоих ее фотоаппаратов смотрели прямо на Луну.

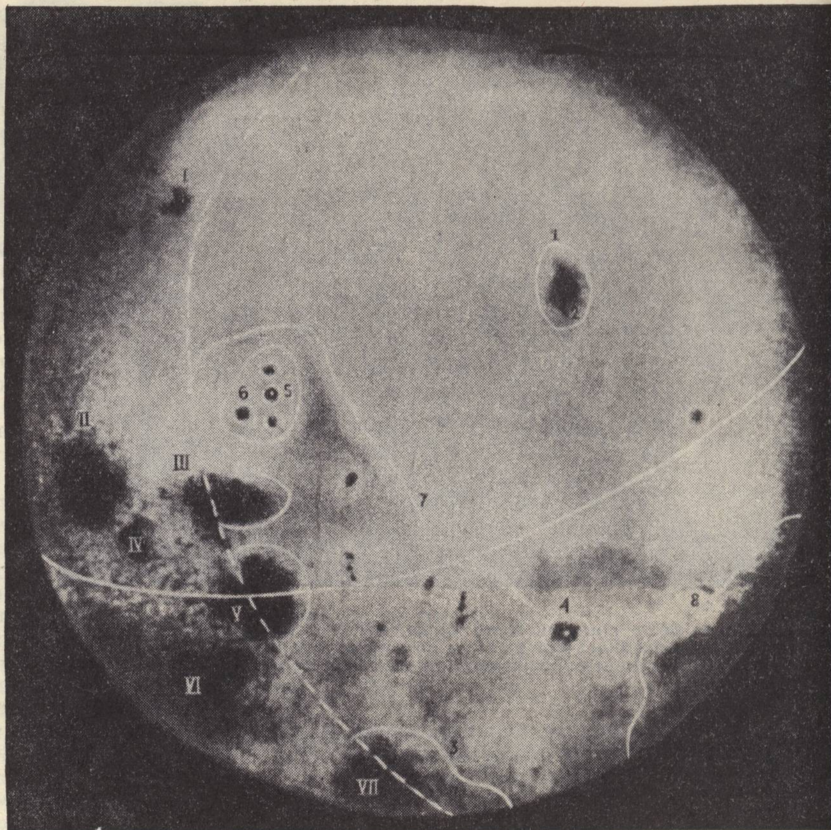
После этого вступило в действие оптическое устройство, которое отключило ориентацию на Солнце и начало точную ориентацию на Луну. Поступавший с оптического устройства сигнал «присутствия» Луны разрешал автоматическое фотографирование. И фотографирование началось.

ЕЩЕ ОДНА ПРЕГРАДА

Время, в течение которого лучи, проходящие через линзы объектива, действуют на пленку, называется экспозицией. Опытный фотограф довольно легко определяет это время. А новичок, боясь ошибиться, делает обычно несколько снимков с разной экспозицией, чтобы не потерять ценный кадр.

Снимкам Луны нет цены. Фотографы-автоматы, хоть и были они лучшими специалистами, все равно оказались в положении новичков: съемок в космосе до них никто еще не делал. И, чтобы не погубить бесценные кадры, они поступили так, как поступают начинающие фотолюбители: они сделали снимки с разными экспозициями.

Пожалуй, самой простой задачей в этом деле была обработка пленки. Есть и на Земле немало автоматических аппаратов, которые исправно проявляют, закрепляют, промывают и сушат негативы и отпечатки. Тут, правда, дело осложнялось тем, что проявляющая и закрепляющая жидкости оказались в невесомом состоянии. Но с этой бедой справились без больших трудностей. А вот над тем, как передать на Землю полученные изображения, пришлось поработать немало.

Вот она, фотография невидимой с Земли стороны Луны. 1. **Большое кратерное море диаметром 300 километров — море Москвы;** 2. **Залив Астронавтов в море Москвы;** 3. **Продолжение Южного моря на обратной стороне Луны;** 4. **Кратер с центральной горкой — Циолковский;** 5. **Кратер с центральной горкой — Ломоносов;** 6. **Кратер Жолио Кюри;** 7. **Горный хребет Советский;** 8. **Море Мечты. Белая линия обозначает лунный экватор. Пунктирная линия — граница видимой и невидимой частей Луны. Сплошной линией обведены лунные моря и кратеры, достоверно установленные при предварительной обработке фотоизображений Луны; пунктирной линией обведены моря и кратеры, форму которых еще надо уточнить; классификация того, что изображено точками, уточняется; в остальной части производится дальнейшая обработка полученных фотографий. Римскими цифрами обозначены уже знакомые астрономам моря видимой части Луны: I — море Гумбольдта; II — море Кризисов; III — море Краевое; IV — море Волн; V — море Смита; VI — море Плодородия; VII — море Южное. Как видите, три моря: Краевое, Смита и Южное — продолжаются на «оборотной» стороне Луны.**

Казалось бы, проще всего передать изображение по телевизору.

Но дело в том, что телевизор — очень капризный прибор. Надежно и исправно он работает только в том случае, когда ему никто не мешает. Чем дальше ведется телевизионная передача, тем слабее становятся сигналы, которые посылает телестанция. А чем слабее сигналы, тем труднее избавиться от помех, от тех стихийных сигналов, которые миллиардами гуляют и в нашей земной атмосфере, и в космическом пространстве, и в самом приемнике.

Сигналы, с помощью которых посылали на Землю фотографии Луны, были примерно в сто миллионов раз слабее тех сигналов, которые принимают наши обычные телевизоры. При таких условиях самая незначительная помеха дала бы себя почувствовать, и, конечно, при обычном телевизионном способе передачи трудно было рассчитывать на то, что удастся получить точное изображение.

ПОЛОЖЕНИЕ СПАСАЕТ «ЗАИКА»

Чтобы понять, как удалось ученым обойти эту трудность, нужно хотя бы очень приблизительно представить себе, как работают телевизионные устройства.

Представьте себе страницу, напечатанную на машинке. Пусть эта страница приколота на стенку, а у стенки стоит человек и внимательно читает текст. Его глаза перебегают от начала до конца строчки слева направо, потом перескакивают на следующую строчку, пробегают по ней и снова перескакивают ниже.

Дадим этому человеку микрофон, и пусть каждую прочитанную букву он произносит в микрофон.

Где-то в другом месте сидит за машинкой машинистка с наушниками-телефонами. В машинку заложен чистый лист бумаги. Услышав букву, машинистка сейчас же пишет ее, располагая буквы слева направо, строчка под строчкой.

В конечном счете, если оба будут работать без ошибок, страница, напечатанная машинисткой с наушниками, будет очень похожа на страницу, прочитанную человеком с микрофоном.

Вот так же работает телевизор. Иконоскоп — прибор, об устройстве которого говорить здесь слишком долго,— «разглядывает» изображения, например, фотографии. На фотографии нет ни строчек, ни букв. Но если расчертить ее горизонтальными линиями, получатся строчки, на которых беспорядочно чередуются светлые и темные полосы. Если каждую строчку вертикальными линиями разбить на множество маленьких квадратиков, окажется, что одни из них совсем белые, другие потемнее, третьи черные.

Вот эти-то квадратики и «читает» иконоскоп. Он пробегает по фотографии своим «глазом» слева направо до конца строки, перескакивает на новую строку, пробегает ее и так далее.

При этом, разглядев каждый квадратик, иконоскоп посылает в передатчик ток определенной силы: чем светлее, чем белее квадратик, тем сильнее будет и ток.

Этот ток преобразуется в радиоволны, которые и достигают приемного устройства. Сердцем телевизионного приемника является другой прибор — кинескоп. В кинескопе, в соответствии с полученными сигналами, рождается световой лучик переменной силы. Строчка за строчкой пробегая по экрану, лучик «пишет» изображение, освещая где поярче, где потемнее каждую точку экрана.

На экране освещенные точки складываются в строки; дописав одну строчку, лучик перескакивает на следующую.

А так как иконоскоп «читает» очень быстро: шестьсот двадцать пять строчек кадра он прочитывает за одну двадцать пятую долю секунды, а кинескоп с такой же скоростью пишет, — из светлых и темных точек складывается видимое изображение.

Но при такой скорости передачи любая помеха, по силе равная силе сигнала, а по времени, скажем, секунде, на целую секунду сотрет все изображение с экрана. Таких длительных и сильных помех почти не бывает, но зато слабых, коротких — сколько угодно.

При обычной телевизионной передаче они не очень мешают: сигналы телестанций неизмеримо сильнее. Но если тем же способом передавать на Землю изображение Луны, помехи будут врываться в передачу космической лаборатории, и ничего путного из такой передачи не выйдет. Если бы рядом с нашим чтецом стали палить из ружей, машинистка тоже не расслышала бы половину букв.

Но представьте на минуту, что вместо нормального человека читать страничку мы поставим безнадежного заику, который вместо «мама» говорит «ммммммааааамммммааааа», да не по пять, не по десять, а по десять тысяч раз повторяет каждую букву. Тут могут свистеть паровозы, рваться снаряды, лаять собаки — все равно посторонние звуки не помешают машинистке правильно разобраться в тексте. Ведь ей вовсе не обязательно записывать вслед за чтецом-заикой все десять тысяч «м» и все десять тысяч «а».

Вот так примерно передавалось изображение Луны. Иконоскоп, установленный на межпланетной станции, «читал» снимки Луны со скоростью, в десять тысяч раз меньшей, чем обычная скорость телепередачи.

На борту межпланетной станции проявленные и просушенные пленки оказались перед камерой телевизора.

Но эта камера в отличие от обычных камер, которые передают нам репортаж с футбольного поля или спектакль из театра, «читала» изображение очень медленно, в десять тысяч раз медленнее, чем обычная.

Светлые и темные точки, из которых составилась фотография Луны, прочитанные иконоскопом, превратились в электрический ток переменной силы. Этот ток тут же, на борту лаборатории, другие приборы преобразовали в электромагнитные колебания, в радиоволны, а радиоволны, преодолев пространство в полмиллиона километров, через космос, через стратосферу и атмосферу Земли дошли до антенн приемных устройств.

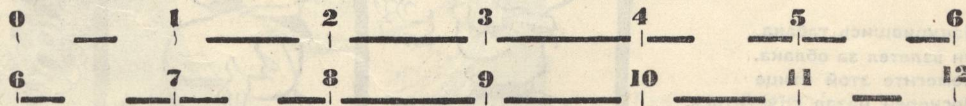
Прежние спутники и ракеты с начала полета «кричали» о своем существовании до тех пор, пока у них хватало голоса, или, если говорить точнее, емкости батарей. Межпланетная станция оказалась «скромнее», она молчала о себе до тех пор, пока Земля не подавала ей команду начать передачу. По команде с Земли передала она и сигналы телевизионной камеры, разглядывающей фотографию.

И вот пришли эти слабые, едва различимые сигналы... Точка за точкой, строчка за строчкой иконоскоп читал фотографию, а на Земле точка за точкой, строчка за строчкой записывали полученные сигналы на пленку так, как записывают человеческую речь или музыку. Если бы на слух принять эти сигналы, получилось бы что-то вроде комариного писка. Если бы снова превратить записанные на ленту сигналы в точки разной освещенности, получилась бы длинная нитка, составленная из светлых и темных точек. Эта ниточка, конечно, ничуть не похожа на изображение Луны. Но стоит разбить эту ниточку на строки и расположить строчки одна под другой, так, как располагаются они на экране телевизора, и сразу, словно чудом, встает перед глазами людей ясное изображение той стороны Луны, которую пока что никто из людей своими глазами не видел.

А. Куприянович,
А. Некрасов

Эти черточки сами по себе ничего не изображают. Но если разбить их на равные части — строки и поместить эти части одну под другой, получится довольно ясное изображение кольца.

Вот так же сделали и с фотографией Луны: сигналы, посланные с межпланетной станции, записали на пленку, разбили на строки и поместили строки одну под другой.

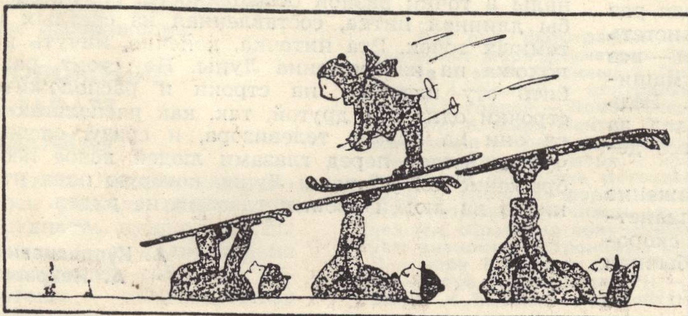
Перед вами в первый раз
Невидимка-Остроглаз.
Он зовет вас на страницы
Вместе с ним повеселиться,
И задуматься, и, может,
Стать к себе и к другу строже.
Невидимка-Остроглаз
Начинает свой показ.

Ура! Дружище, ты, звеня,
От двойки выручил меня.

Нет в степи у детворы
Для катания горы.

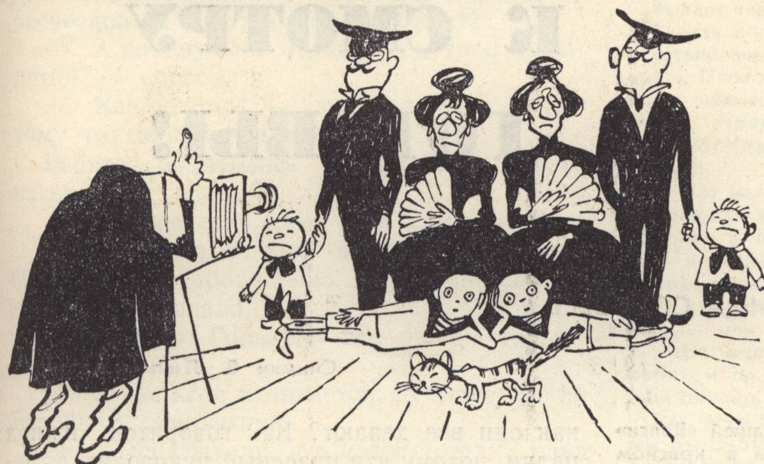
— А на что смекалка? —
Возражает Галка.

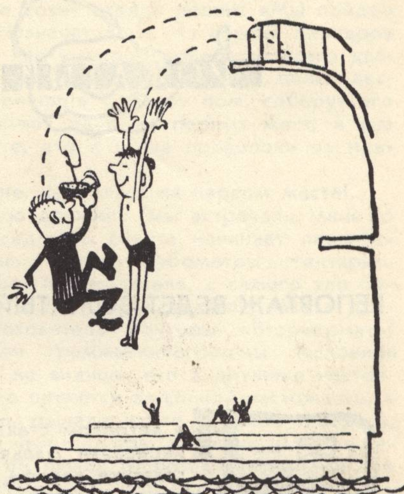

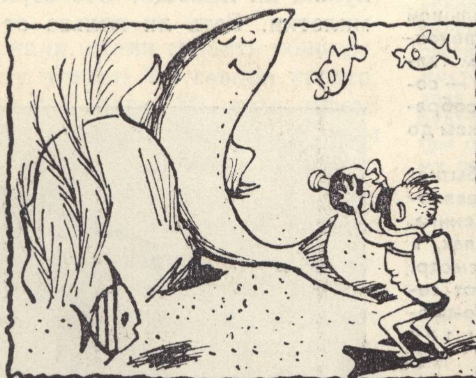
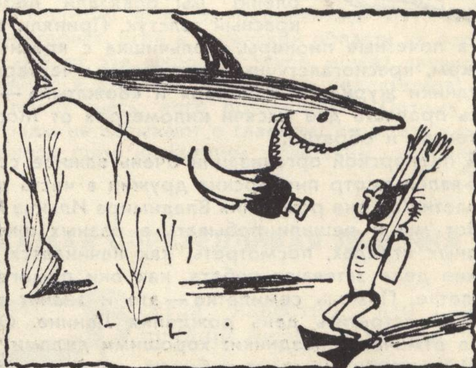

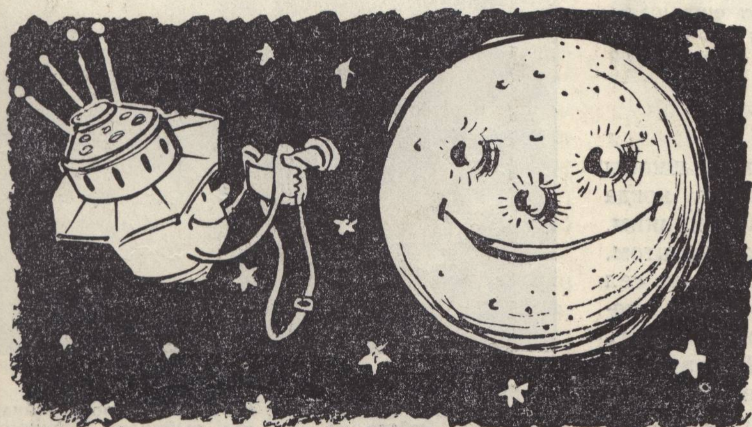
Накурившись табака,
Он взлетел за облака.
Помогите этой птице
Поскорей назад спуститься.

Спокойно, снимаю! (ИЗ ИСТОРИИ ФОТОГРАФИИ)

Не моргать! Не дышать! Еще полчаса-с.

Одну секундочку!

На память о встрече.

Луна, улыбнитесь!

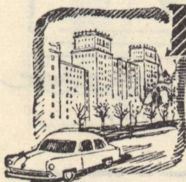
Рисунки В. Чижикова.

ДРУЖИНЫ К СМОТРУ ГОТОВЫ!

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ ВОЖАТЫЙ СИМА СОЛОВЬЕВ

Снимки В. Липницкого.

На ветровом стекле нашей «Волги» нарисован мальчишка в красном галстуке верхом на скакуне и наклеены надписи: «Пионер» и «Вожатый». А оленю — знаете фигурку оленя на радиаторе «Волги»? — оленю мы повязали небольшой красный галстук. Приняли олененка в почетные пионеры. Мальчишка с красным галстуком, красногалстучный олень и мы четверо — сотрудники журналов «Пионер» и «Вожатый» — собрались проехать две тысячи километров от Москвы до Луганска и обратно.

В пионерской организации очень важное событие: объявлен смотр пионерских дружин в честь девяностолетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Вот мы и решили побывать в разных школах, в разных отрядах, посмотреть, как начинается смотр, какие дела затевают ребята, как они помогают семилетке. Помочь семилетке — это и значит по-пионерски встретить день рождения Ленина. Он так учил отмечать праздники: хорошими делами.

Мы решили: не стоит выбирать дружины получше. Будем заезжать во все школы подряд. До 22 апреля (срок, когда подведут итоги смотра) почти четыре месяца. Даже самые отстающие имеют еще шансы на победу, если по-настоящему захотят добиться ее.

Первая школа, где мы побывали, в Луганске.

«МЫ ДОСТОЙНЫ»

Седьмой «В» седьмой школы смотрел настороженно, когда мы с Виктором Липницким, нашим фотокорреспондентом, вошли в класс. Виктор сел на заднюю парту, я стоял перед ребятами. Вот тридцать пять человек. Что это за люди? Дружные они? Настоящие пионеры? Дел у них хороших много, это я слышал, но как они все делают? Как говорится, из-под палки, потому что классный руководитель заставляет (бывает ведь и так!), или с душой, потому что знают, что стране действительно нужна их помощь? Это отряд — спутник семилетки. Есть ли польза от них семилетке?

ЛУГАНСК. Начинается игра: путешествие по стройкам семилетки. Ребята из 7-го «В» выбирают маршрут.

— Вы про нас писать будете? — вздохнул кто-то сзади.

— Конечно, если вы достойны.

— Мы достойны, — баском сказал Вова Токарев, невысокий черноглазый паренек, который сидел у окна, удобно положив локоть на подоконник. Вова оглянулся на увешанного фотоаппаратурой Виктора и полез за расческой. А вдруг и снимать будут?

— А почему ваш отряд — спутник семилетки? — спросил я.

— Как почему? — удивился Вова. — Потому что эмблема на дверях!

Ребята посмеялись и начали рассказывать:

— Мы четырнадцать тонн лома собрали.

— В совхоз ездили помидоры убирать. Знаете, как здорово было: в грузовик солому постелили и ехали!

— В парке Горького ямы рыли, чтоб деревья сажать!

— У нас игра начинается: путешествие по стройкам семилетки!

Все рассказывали, кто когда хотел, а одна девочка подняла руку. Я попросил ребят быть потише. Девочка начала так:

— Главный долг пионера — учиться и работать...

Ребята зафыркали, стали строить рожицы. Прямо как газету читает! Ты говори просто, при чем тут «главный долг»? Мы и так знаем, какой у кого долг, только говорить об этом на каждом шагу незачем. Девочка покраснела, смутилась и добавила:

— А мы еще в кино все вместе ходили!

...Я не буду пересказывать все, о чем говорили семиклассники. У них действительно дружный, хороший класс. Они помогают двоечникам, много сделали по пионерским ступенькам. В эти дни в дружину как раз пришли «Личные книжки пионера» — «Особисти кныжкы», как говорят по-украински, — и в них стали появляться первые записи о выполненных требованиях. Мы прощались с ребятами, и я вспомнил шутку Вовы Токарева: «Мы достойны». А что, может, и вправду достойны? Сколько ребят сейчас, когда идет смотр работы, ищут, что бы это такое придумать, чтоб отличиться. Хочется, видно, им чего-то необыкновенного. А эти ничего особенного не выдумали. Если в отряде дружба, — все интересно: и на соломе трястись в кузове грузовика, и мозоли натирать, копая ямы, и заниматься английским языком с Сашей Гавриловым. Вот все это и есть тот самый долг, о котором говорить не стоит, но помнить о котором нужно.

* * *

— Ну что ж, вот достойный кандидат на первое место, — говорили мы в машине, отправляясь дальше. И сами себе возражали: во-первых, может, в Луганске есть дружины, которые делают больше, а во-вторых, количество посаженных деревьев и собранного лома само по себе еще ни о чем не говорит...

Бывает так, что совет отряда решит: «Мы пойдем собирать лом». Назначат день. Из сорока пионеров в установленный час у школы соберутся всего двадцать. Плохо? А председатель рад: «Ого, целых двадцать человек пришло!» Соберут лом, соберут его много, отряд займет одно из первых мест, и все хвастают (даже те, кто и куска проволоки не притащил):

— Вот мы какие, наш класс на первом месте!..

Придешь в иную дружину (мы встречали такие по дороге), а председатель совета начинает перечислять килограммы... тонны... кубометры... гектары...

Слушаешь такого председателя, а самого зло берет, думаешь: «Ты кто? Председатель совета дружины или заготовитель конторы «Вторчермет»? У тебя все твои граммы-килограммы заслонили ребят, и ты уже не видишь, кто в дружине настоящий пионер, а кто прячется за спиной настоящего...»

Нет, если бы мы решали, какая дружина победила, мы бы смотрели не на цифры, а вот на что: где ребята активнее? Где лучше борются за то, чтоб все стали ленинцами?

А то ведь может получиться, что дружина завоюет первое место, а посылать в Артек (как положено по условиям) будет некого: никто особенно и не отличился... Поэтому нам так понравилась Лутугинская школа-интернат. Если в Луганской области на первое место выйдет эта школа (а такое может случиться, хотя сейчас в дружине еще много недостатков), там будут точно знать, кого премировать. Потому что там отряды не забывают о главном: помогать каждому пионеру стать настоящим советским человеком.

САМАЯ СПРАВЕДЛИВАЯ ДЕВОЧКА

Всегда известно, кто самый лучший бегун в школе, кто дальше всех прыгает и кто быстрее всех ходит на лыжах. Чемпиону выдают грамоты, и они хранятся у мамы чемпиона среди других важных семейных документов.

Но почему никогда еще не выдали грамоты самому храброму человеку в школе? Самому прямому? Самому справедливому? Наверно, потому, что силу характера, качества души не измерить ни метром, ни секундомером и никакими приборами. Эти качества человека проверяются в таком соревновании, которое никогда не кончается, — вот так, чтобы судья с красной повязкой махнул флажком: «Есть!» — и теперь тебе уже не надо быть ни справедливым, ни храбрым; можешь пойти и отдышаться.

И все-таки спросите ребят Лутугинского интерната, кто у них самый справедливый человек, и они вам сразу скажут:

— Неля Котилевская, из седьмого класса.

Я только мельком видел Нелю Котилевскую, потому что в тот вечер, когда мы были в Лутугинском интернате, Неля была занята. В эту неделю седьмой класс дежурил по интернату, и вечером семиклассников можно было увидеть только за работой: одни таскали по паркету вестибюля жужжащий электрополотер, другие проверяли классы, готовы ли они к утру, к урокам. Неля вместе с двумя девочками мыла пол в столовой. Время было позднее, столовая большая, за день пол здорово затоптали, и девочкам некогда было разговаривать: они торопились кончить работу до отбоя. Неля так неохотно оторвалась от дела, что стало стыдно мешать занятому человеку, и я ее ни о чем не расспрашивал.

Но вот что рассказывают о Неле.

Кто когда-нибудь был санитаром в школе или в пионерском лагере, тот помнит, как нелегко быть одинаково придирчивым и в своем отряде и в отряде-сопернике, как трудно удержаться и не «подсудить» своим. А вот Неля Котилевская умеет быть одинаковой ко всем. Больше того, к «своим» она строже. Сколько раз ругали ее семиклассники, когда

ЛУТУГИНО. Эту шахтерскую лампочку пионеры получили в подарок после концерта на шахте.

она снижала им отметку! «Что тебе, — говорят, — больше всех надо? Чего ты в эту тумбочку полезла?» «Ты, — говорят, — плохой товарищ, ты за свой класс не болеешь!» «Дать бы тебе разок за такие дела, тогда б узнала!» — говорили ей. А Неля, тихая Неля Котилевская, отмалчивается. И не спорит даже. Повернется и уйдет. А назавтра опять по всем тумбочкам и шкафам лазит, выискивает грязь.

— Да ну ее, — стали говорить ребята, — от нее и слова не добьешься!

Но однажды Неля сказала свое слово.

Валера Снегирев, паренек из их класса, пережег дорогой прибор на заводе, куда они ходили на практику. Больше двухсот рублей стоит. Ребята видели, как он вертел его в руках, пытался включить. Ему говорили:

— Не трогай, ведь не знаешь, испортишь!

Валерка сказал:

— Не маленький, не учите!

И включил низковольтный прибор прямо в сеть, без трансформатора. Прибор, конечно, сгорел.

Собрались ребята решать, что делать.

«Пионер бережет народное добро» — таков пионерский закон. В интернате, где все добро народное, закон этот особенно уважают. Кто-то предложил:

— Что же делать? Давайте вместе купим прибор. Всего по семь рублей на каждого придется. У мам выпросим.

Всем это понравилось, всем было приятно думать про себя: вот, мол, какие они хорошие товарищи!

Но тут встала Неля Котилевская и сказала:

— Я у мамы денег просить не буду. Это легко быть добрым за мамин счет! Хотим помочь, так давайте платный концерт в РТС дадим, вот и заработаем на прибор. А Валерка не маленький, прощать его нечего, его предупреждали. Пускай летом в совхозе поработает и отдаст отряду эти деньги, мы еще что-нибудь купим.

Сказала и села. И отвернулась к стенке лицом. Все-таки нелегко, видно, быть такой суровой! Долго спорили ребята, но в конце концов вынуждены были признать: Неля права.

С той поры за Нелей Котилевской окончательно утвердилась слава самой справедливой пионерки. И вот что интересно: она до того довела семиклассников придирками во время санитарного обхода, что они на самом деле стали лучше всех убирать классы и спальни.

СЛАВЯНСК. Ключ от электровоза, построенного из пионерского металла.

Фото Б. Аксельрода.

* * *

«Волга» мчит вперед, концы красного галстука на олененке вытянулись и трепещут на ветру.

А в машине продолжают спорить:

— Платный концерт? Хорошо ли это?

— Так это у них особый случай, они концерты все время дают, и, конечно, без всякой платы. Просто им нужно перевоспитать товарища, а это всегда трудно.

Сколько хороших ребят встречали мы по дороге! Девочек из семилетней школы в селе Долина, Сталинской области, которые помогают выпускать колхозную стенгазету; пятиклассника Колю Потапова из 27-й железнодорожной школы города Мценска, который руководит всеми тимуровскими командами дружины (и даже старшие ребята слушаются его!); ребят из города Славянска, которые вручали машинистам ключ от электровоза, построенного из пионерского металла...

Чудесных ребят очень много. Но бывает, что совет отряда видит только этих хороших ребят, а тех, кто мешает, старается не замечать. Тридцать пять человек числится у вас в отряде. А все ли тридцать пять настоящие пионеры?

Может, только тридцать четыре, тридцать три, а один — два лишь по недоразумению носят красные галстуки?

Могут сказать: подумаешь, какая беда: один — два! Остальные-то хорошие ребята!

Но ведь это не арифметика, где все просто: тридцать три пишем, два в уме... Не в уме они, эти двое, а тут же, на тех же партах сидят. И, по-моему, если отряд «недосчитывает» хотя бы одного — двух человек,— значит, весь отряд никуда не годится, он того и гляди развалится — вот так, как это происходит в 4-й школе города Изюма.

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ

Тю, второгодник!

— Отвернись, второгодник!

— Иди отсюда, второгодник!

Так пятый класс «А» встретил осенью новичка Павлика Гуленко. Неуклюжий, длинный Гуленко все время ухмыляется, даже когда его дразнят. Так что всем скоро надоело дразнить его. Да и парень он оказался свойский. Добряк.

— У нас, знаешь, отряд — спутник семилетки,— сказала ему в первый день Люда Федорченко.— У нас второгодников нет.

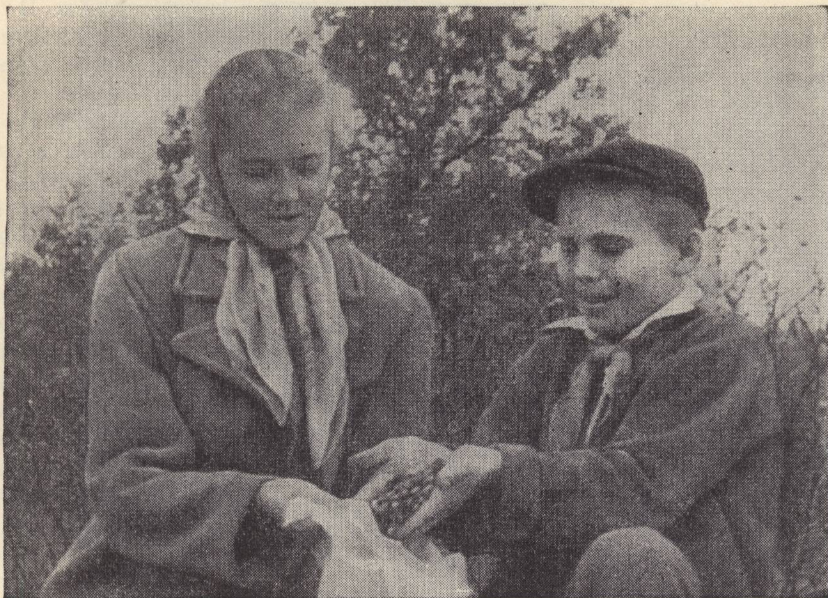
Павлик куда-то торопился. Он не заметил прямого взгляда Люды, которого другие не могли выдержать, если чувствовали себя виноватыми. Он только ухмыльнулся:

— А что я?

— Да ничего, просто так. Смотри.

Скоро Гуленко получил несколько двоек. Люда и другие ребята остались после уроков.

— Вот, видал, обсуждать будут,— с жалковатой улыбкой сказал Павлик Володе Олей-

ИЗЮМ. Этот шиповник пошлют на целину. Люда Федорченко и ее товарищи обобрали все кусты в соседней рощице.

нику, с которым они уже немножко подружились.

— Та пусть, тебе-то что? Пошли домой!

В прошлом году Володю не раз обсуждали. Его и старостой сделали «для исправления», он это знал.

— Пусть обсуждают, — согласился Гуленко, и они пошли домой.

На следующий день учительница английского языка попросила у Павлика его тетрадь.

— Тю! — на весь класс произнес Гуленко и широко, радостно ухмыльнулся.

Это было неожиданно, и все засмеялись. Учительница рассердилась. Но как только она отвернулась к доске, Гуленко вытащил из-под парты палку с крючком и помахал ею.

— Давай, давай! — громко подбодрил его староста Володя Олейник.

Все посмотрели на Гуленко, увидели, как он ловко успел спрятать свою палку, когда учительница повернулась к классу, и опять засмеялись.

Урок был сорван.

Такая история повторилась несколько раз. «Таланты» Гуленко развертывались. Учителя стали говорить, что в пятом «А» нет порядка.

— Это Олейник влияет на Гуленко, — говорили некоторые ребята.

— Нет, это Гуленко влияет на Олейника. Ведь без него у нас хороший отряд был, — спорили другие.

— Да, хороший! Теперь видно, какой хороший! — горько сказала однажды Люда Федорченко, председатель совета отряда.

«Почему так получается?» — думала она.

— Так ведь он не наш ученик, этот Гуленко, — сказала примирительно Люда Боярская. Она тоже смеялась на уроках и тоже чувствовала себя виноватой. — Мы за него не отвечаем, — добавила она неуверенно.

«Почему так получается? Что нам делать?» — думала Люда Федорченко.

...Вот о каких грустных событиях рассказали ребята из отряда пятого класса «А» в четвертой школе Изюма — о том, как один неумный человек побеждает целый отряд, да еще какой — отряд-спутник! Отряд, который и кроликов растит, и пьесу ставит, и шиповник собирает для посылок на целину, отряд, который действительно хочет помочь нашей семилетке. Сейчас ребята собирают лом для строительства очень крупной Змиевской теплоэлектростанции под Харьковом. И все, кажется, у них хорошо. Но начинается урок, пионер Павлик Гуленко произносит свое знаменитое «Тю!» — и опять смеется класс, и нередко урок срывается.

Мы долго вместе думали, как же быть. Кое-что мы придумали сами, а главное, решили: рассказать эту историю в «Пионере», и пусть каждый, кто прочитает ее и сможет дать дельный совет, напишет в журнал, что же делать ребятам. Ведь должны же мы все вместе помочь этому отряду, ведь все вместе мы обязательно одолеем Гуленко!

А может, и Павлик Гуленко напишет нам, что он думает делать? Не все же ему в дурачках ходить!

* * *

Нет, ребята обязательно должны справиться. Не могут они уронить такое звание: «Спутник семилетки»!

Семилетка и ее спутники... Эти слова мы очень хорошо поняли за время нашего путешествия. Вот щит

у дороги: «Дадим стране больше мяса!» — и тут же мы встречаем ребят, которые выращивают по десять — пятнадцать кроликов и читают нам настоящую лекцию о том, как кормить их («листьями акации можно, а листьями косточковых деревьев нельзя; люцерну давать, но понемногу...»). Вот мы проезжаем мимо комсомольской стройки и сразу же узнаем о ребятах, которые тоже объявили ударную стройку: они возводят школьные мастерские...

В поселок Мироновка, где всего пять тысяч жителей, мы приехали поздно вечером и сразу увидели самые красивые, современного вида здания; они нарядно сверкали огнями больших окон. Это была новая, только что открытая школа-интернат — целый городок для ребят (строительство таких интернатов для двух с половиной миллионов школьников — важный пункт семилетки). А первые жители Мироновки, которых мы встретили утром, имели очень озабоченный вид и втроем толкали старую железную тачку, груженную ломом. Красные галстуки у них съехали набок, школьные гимнастерки топорщились из-под сбившихся ремней. Это были четвероклассники 1-й мироновской школы. Они тоже помогали взрослым.

Вот семилетка — в стройках, в работе, и вот ее спутники — в маленьких, но важных делах...

И, наверно, становится как-то не по себе, если ты почему-либо оказываешься в стороне от того главного, чем живет страна.

Только зачем же быть в стороне? Все в твоих руках, если ты настоящий пионер! Мы в этом еще раз убедились, когда познакомились с ребятами из 1-й мценской школы.

«РАБОТЫ У НАС НЕТ»

Слава Захаров смело постучался в дверь к директору. За ним толпились еще несколько пятиклассников.

— Елизавета Ефимовна...

— Что тебе, Захаров?

— Елизавета Ефимовна, мы вот тут... — Слава оглянулся. В кабинет директора вошел он один. — Елизавета Ефимовна, мы вот тут... Мы просим вас... Что ж у нас вожатой нет? И никакой работы пионерской.

Елизавета Ефимовна помолчала. Ей уже немножко надоело объяснять. Конечно, без старшей вожатой плохо, но раз уж они такие хорошие, что жить не могут без пионерской работы, так пусть и работают. А вожатый будет. В горкоме комсомола обещали найти. Можно и самим много дел сделать, если настоящие пионеры.

Вот это все и растолковала Елизавета Ефимовна Славе Захарову. Слава вышел за дверь и сказал:

— Скоро будет вожатая.

— Да-а, будет, — протянул кто-то. — Все обещает...

— Ну шел бы и разговаривал с ней! — обиделся Слава. — А то стоят тут под дверью. И вообще, самим можно работать.

...Когда мы приехали в Мценск, старшая вожатая в школе № 1 уже была, но появилась она недавно, всего неделю назад.

— Так что пионерской работы у нас пока нет, — вздохнула Елизавета Ефимовна, директор. Глаза ее хитровато улыбнулись, и она нарочно скучным голосом стала рассказывать:

— Ну что у нас? Шестой класс «В» готовит пьесу «12 месяцев». Четырнадцать ребят стали киномеханиками. В школе введено самообслуживание. Да, и еще вот что, — добавила Елизавета Ефимовна. — На участке шоссе Москва — Симферополь, с 314-го километра по 322-й, ребята посадили около полутора тысяч деревьев. Хотите, справку от дорожного управления покажу?

Мы не стали смотреть справку. Мы сели в нашу «Волгу» и поехали до 314-го километра.

Это совершенно открытый участок шоссе. Справа поле и слева поле. Только вдоль самой дороги на протяжении всех шести километров справа и слева торчат из земли редкие прутики — посадки пионеров 1-й мценской школы. Честно говоря, они выглядели жалкими. Может, на прутиках когда-то и были листья, но они давно облетели. Иногда в ровной линейке встречались разрывы в одно — два деревца. Наверно, саженцы погибли. Но остальные, значит, живут. И когда-нибудь здесь будут — наверняка будут! — большие, настоящие яблони.

Значит, пионеры из этой мценской школы тоже нашли свое «рабочее место» в семилетке, хоть им и было трудно, хоть у них и не было вожатой.

И что ж, говорили мы, что дела ребят выглядят сейчас, вот как эти прутики, небольшими и неприметными? Они ведь и сами только ребята, а не великаны какие-нибудь!

Ничего, пройдет время, и прутики станут защитой дороги, а ребята — у, ребята вырастут великолепными людьми!

* * *

Сколько пионерских дружин в стране, столько кандидатов на первые места в смотре.

И если ты вправду хочешь, чтоб твоя дружина заняла первое место в городе или области, ты вполне можешь этого добиться. Даже если ты и не председатель совета дружины и не звеньевой, а просто пионер.

Что же для этого делать?

Подумай-ка теперь сам...

Дождь под землей

Я. КОРШ

Знаете ли вы о подземном дожде? Нет?

Мы тоже не знали, но нам дали адрес ученого, одного из создателей подземного дождя. Он работает в научно-исследовательском институте. Мы поехали туда.

Профессор Николай Дмитриевич Холин — немолодой уже человек с приятным энергичным лицом, приветливый, гостеприимный. Конечно, он с удовольствием побеседует о подземном дожде.

— Но сперва поговорим...— Улыбка чуть тронула губы профессора.— Сперва поговорим хотя бы о морозных узорах на окнах. Иначе вы не поймете, как под землей идет дождь.

Из лаборатории мы вышли в коридор. Профессор подвел нас к окну.

— Видите иней? Знаете, как он возник?

Не дожидаясь ответа на этот простой вопрос, профессор продолжал:

— Мы перестаем замечать воду, когда она перестала быть жидкостью или твердой ледяшкой и, превратившись в пар, перешла в воздух.

Следовательно, воздух — своего рода сосуд. Но этот сосуд особенный. В графин наливают определенное количество воды, например, два литра, и больше ничего в нем не поместится. А в воздухе помещается разное количество водяного пара, в зависимости от температуры и давления. Теплый воздух содержит много водяного пара. Если же воздух охладить, часть водяного пара в виде капель осядет на холодных предметах.

Профессор подошел к висящему на стене термометру.

— Двадцать градусов тепла. При такой температуре воздух коридора содержит, содержит...

Вынув блокнот, Николай Дмитриевич быстро вписал какие-то цифры и стал считать.

— Воздух этого коридора содержит пять литров воды в виде пара!

Теперь поговорим об окне. Рамы не промазали и не проклеили. Значит, из коридора теплый воздух, носитель влаги, через мельчайшие щели проходил к наружному стеклу, очень холодному, потому что сегодня сильный мороз.

Прикасаясь к поверхности стекла, воздух резко охладился, и из него выделилась «лишняя» влага. Она осела и замерзла на холодном стекле, превратившись в ледяные кристаллы. Такова «тайна» морозных узоров.

Николай Дмитриевич рассказывал, что в воздухе нашей страны текут реки-невидимки. Они струятся повсюду: над степями и лесами, над лугами и горами и даже над пустынями.

Охладится воздух — и «реки» частично оседают на землю, без дождя, без облаков.

Влага выпадает из воздуха всегда, в любое время года. Летом ее называют росой. К вечеру, когда скроется солнце и станет холоднее, она капельками собирается на остриях травинок, на ворсистых листочках. Утром солнце пригреет, влага испарится, перейдет в воздушные «водоемы», а ночью снова вернется на землю.

Летом внесешь в комнату кувшин с холодной водой, а на наружных его стенках появляются капельки. Опять-таки из воздуха.

Голубой океан атмосферы хранит баснословно много воды, а человеку она не дается, его воле не подчиняется. Обидно, не правда ли?..

Николай Дмитриевич рассказал, что лет двадцать

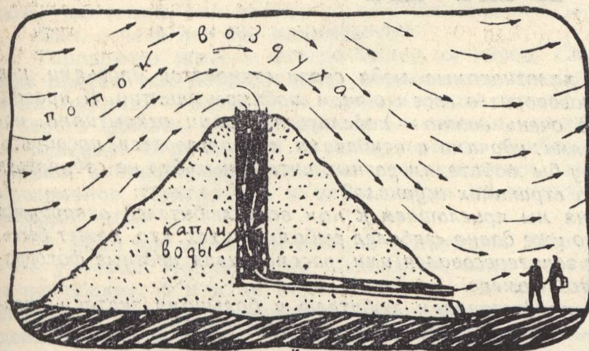
назад в Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева работал профессор В. В. Тугаринов — человек настойчивый, инициативный, наблюдательный.

Стремясь подчинить невидимые реки, Тугаринов начал с малого: он построил воздушный колодец. Вот он.— Профессор достал рисунок.— Смотрите!

На желтоватой кальке был изображен холм.

— Простите, Николай Дмитриевич, но ведь тут никакого колодца нет!

— А холм? Да это и есть колодец. В него попадает атмосферная вода в виде пара. А из подножия холма вытекает светлый, прозрачный ручеек.

Только холм этот не сплошной. В нем проходит круглая, как труба, штольня. В ней гораздо прохладнее, чем на поверхности, нагретой солнцем.

Итак, летний теплый воздух входит в штольню, охлаждается, а все остальное, как на запотевшем стекле: с холодных стенок капельки воды падают на дно трубы, и из трубы наружу вытекает ручеек. И чем жарче на улице, тем быстрее воздух проходит через штольню, тем больше влаги собирается на дне воздушного колодца и более полноводным становится ручеек.

Насыпал холм, просверлил его сверху донизу, проложил внизу трубу — и вот тебе чистая, свежая вода. Обошлись без дождя.

Оказывается, об этом знали наши предки, которые жили сотни лет назад, хотя они и не подозревали, что в воздухе текут невидимые реки. В Крыму, в районе Феодосии, найдены древние бассейны, засыпанные камнем. Камень в древних водоемах играл ту же роль, что и холодные стенки штольни в нашем воздушном колодце.

Но воздушный колодец — это еще не решение задачи. Не много он дает воды, разве что для небольшого стада овец. Конечно, можно насыпать ряд холмиков, а в пустыне даже использовать полуготовые сооружения — песчаные барханы.

А нельзя ли энергичнее приземлить небесные полноводные реки, чтобы они не растекались по земле, а орошали поля? И особенно сильно в засуху?

Эта мысль не давала покоя профессору Николаю Дмитриевичу Холину и его помощнику Георгию Львовичу Шендрикову. В результате многолетних трудов появилась ловушка-автомат, удивительно остроумная и еще более простая, чем нехитрый холм.

Однажды во время засухи ученые провели интересный опыт. Длинный металлический шприц с заостренным концом, названный гидробуром, они присоединили к цистерне, откуда вода подавалась под небольшим напором. На шприц слегка нажали, чтобы острый конец вошел в почву. Все остальное сделала вода. Вылетая с большой скоростью, она размыла почву, пробила проходы, образовала сеть чрезвычайно узких, широко разветвленных каналов, и гидробур сам шел вниз, как нож в масло.

Шприцем-гидробуром проделали десятки отверстий. В каждую ямку налили по три литра воды.

Выждав день, ученые должны были решить простейшую, казалось бы, задачу: сколько воды осталось в ямке?

Вы скажете: три литра минус то количество, которое впитали корни растений и испарил зной.

Вот и ошибаетесь!

В ямке оказалось вдвое больше воды — шесть литров. На второй день — восемь литров. К концу третьего — одиннадцать... Это шел подземный дождь!

Каждая ямка, собственно говоря, тот же воздушный колодец, но гораздо меньший по размеру. Теплый, влажный воздух входил в ямку, оставляя в глубине, в зоне корней, драгоценную воду.

В Крыму в то лето, когда испытывался шприц-гидробур, стояла палящая жара и посевам винограда угрожала гибель.

Из Крыма пришла тревожная весть:

«Молодые, недавно посаженные виноградники на краю гибели!»

Вот когда пригодились гидробуры! Они вонзились в землю. Три литра воды вливали в каждую ямку. И в то время, когда на безоблачном небе неумолимо сверкало солнце, под землей шел обильный дождь. Воздушная река спускалась на землю.

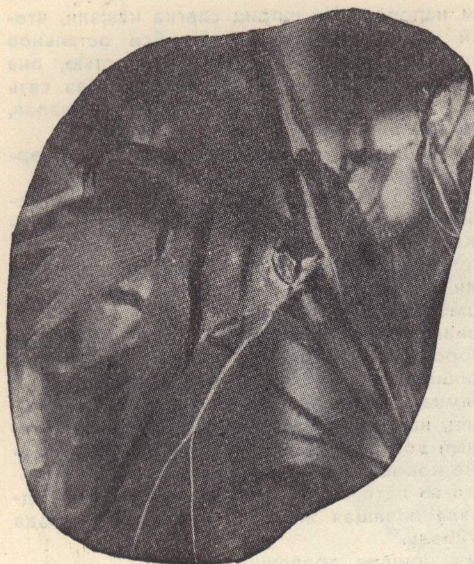
Добытая из воздуха, она оросила не сто гектаров и даже не тысячу, а пятнадцать тысяч гектаров. Растения ожили!

Так гидробур получил путевку в сельское хозяйство. Он вызывает не только подземный дождь. С его помощью можно копать ямки для саженцев, подкармливать растения, уничтожать вредных насекомых.

Вскоре была создана машина, на валу которой насажены триста шестьдесят гидробуров. В этом году ее будут испытывать. Трактор поведет за собой машину, и гидробуры проколют землю, подготовят проходы для знойного воздуха.

Но как быть с посевами пшеницы, кукурузы, хлопчатника, сахарной свеклы, капусты, огурцами, помидорами? И для них создадут машины. Сегодня таких машин еще нет, но завтра они будут. Самое главное решено: советские ученые нашли способ победить засуху, страшную и, к сожалению, нередкую гостью наших полей.

ВЗГЛЯНИ СКВОЗЬ СТЕКЛЯННЫЙ БЕРЕГ

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

Даже малознакомые люди сразу становятся друзьями, как только заговорят о своем общем любимом занятии. И правда, ведь это очень важно — поделиться своими открытиями, наблюдениями, удачами и неудачами, посоветоваться, поспорить. А почему бы любителям разных интересных дел не собираться здесь, на страницах журнала?

Сегодня мы приглашаем к нам всех любителей аквариума: и тех, кто уже давно «заболел рыбами», и тех, кто, может быть, впервые заинтересовался ими, рассматривая цветные фотографии в этом номере.

Слово предоставляем любителю и большому знатоку аквариума — Федору Михайловичу ПОЛКАНОВУ.

Элодея.

Физа.

Знаешь ли ты, читатель, что-либо о неоновой рыбке? Именно с нее, с истории ее открытия, я хочу начать свой рассказ.

В 1935 году в верховьях реки Укаяли, что впадает в великую Амазонку, индейцы наткнулись случайно на утлую лодку, в которой лежал в беспамятстве больной, обессилевший человек. Это был француз Рабо, искатель приключений, отнюдь не новичок в скитаниях по джунглям. Случалось Рабо до этого охотиться на крокодилов, приходилось ему вступать в единоборство с кровожадными ягуарами, и всюду он выходил победителем, пока не одолел его страшнейший хищник тех мест — крошечный малярийный комар. Рабо заболел лихорадкой, и, если бы не индейцы, он бы, несомненно, погиб... И вот Рабо лежит в хижине на подстилке из трав. Только что кончился кризис, болезнь отступила, и теперь ему хочется пить. Еле дождался момента, когда пришла индианка, поставила перед ним кувшин. Рабо потянулся к нему, взял обеими руками, поднес ко рту и... замер от неожиданности, сразу же позабыв о жажде: в сосуде плавало живое существо, тело которого светилось, сверкало, горело сине-зеленым огнем, как не горит, не светится ни один драгоценный камень в мире.

Так была открыта неоновая рыбка. Рассказывают, что Рабо, увидев ее впервые, не спал ночь. На мой взгляд, он легко отделался. Мне и моим друзьям, любителям аквариума, пришлось труднее... Во всяком случае, после того, как увидал эту рыбку я, мне надолго перестали помогать даже снотворные таблетки... И ничего странного в этом нет: ведь неоновые рыбки (или просто неоны) для любителя аквариума почти то же самое, что монета с тысячелетним «стажем» для нумизмата или наиредчайшая марка для филателиста.

Первых неонов привез в Москву один крупный советский ученый-ботаник. Рыбки быстро погибли, и мало кто из любителей аквариума их увидел. После этого еще дважды привозили неонов, оба раза неудачно. В 1956 году вернулся из заграничной командировки артист Сергей Владимирович Образцов, большой любитель аквариума; в банках с водой он привез рыбок. Среди них были и неоны. Теперь любители аквариума смогли рассмотреть их как следует.

И начались бессонные ночи... Даже когда удавалось заснуть, перед глазами тотчас появлялся аквариум, изумрудные переплетения растений, а среди них таинственные, горящие зеленым светом, недосягаемые неоны... Но московские любители аквариума не только мечтали. Мы обращались в «Зооцентр», просили выписать из-за границы неонов.

Ожидания длились долго, несколько месяцев. Поэтому когда зазвонил телефон и мне сообщили из «Зооцентра», что через три часа на Внуковский аэродром прибывает из Берлина партия рыб, я не сразу поверил...

Это было двадцать девятого декабря 1956 года. Прошли еще две бессонные ночи, прежде чем неоновые рыбки — почти полторы тысячи штук! — были по-

лучены и расселены по московским аквариумам. И вот наконец новогодняя ночь. Каждого из своих гостей я подвожу к аквариуму и ничего, ни слова не говорю: что же тут говорить, неоны сами за себя скажут!

— Ах, как красиво! Удивительно! Просто замечательно! — слышится то и дело.

А моя дочь (твоя, читатель, ровесница) вдруг произносит:

— Красиво — это не главное. Главное — папа теперь сможет спать спокойно.

Но она ошиблась! Именно теперь я окончательно потерял сон. Неоны есть у меня, у сотни других любителей, но мне этого мало. Это для нумизмата радостно, когда та или иная монета есть только у него и ни у кого больше, настоящий же аквариумист не коллекционер, и главная его задача — получить от редких рыбок потомство, сделать их массовыми, чтобы украшали каждый аквариум.

Прудовик.

Не правда ли, читатель, невообразимые чудаки — любители аквариума! Я и сам частенько так думаю, особенно когда что-то не клеится. Но расстаться с аквариумами я не могу, потому что это — мое настоящее увлечение, а настоящие увлечения, они всегда на всю жизнь...

Как, с чего все это начинается?

Городского жителя всегда тянет за город. Совершить туристический поход или просто так побродить по перелескам, посидеть возле затерявшегося в зелени прудика — разве есть отдых лучше этого? Вот он, прудишко. Шелестит у берега камыш, а вода черная, блестящая, нагнешься к ней — покажется, будто зеркало. Отражаются в этом зеркале прибрежные ивы, плывут по нему облака, а отражения камышей покачиваются, точно живые. Но зеркало это прозрачное. Приглядись к нему, замри на минуту — и ты увидишь целый подводный мир...

У меня все началось именно с прудика. Мне десять лет, и я сижу на берегу с удочкой. Поплавок не шевелится, вода мертвая, жара стоит, рыба клевать и не думает. А я и не надеюсь на то, что клюнет. Я знаю: днем здесь ни рыбешки не поймаешь, вечером — дело другое. Но я не ухожу. Сегодня последний день; завтра в город, в школу, начинается осень, и я прощаюсь с прудиком... Вьется у берега на поверхности какой-то жучок, спинка у него черная, как здешняя вода, а брюшко серебристое, как небо. На длинных тоненьких ножках снуют водомерки. А вот и верховка — маленькая рыбешка,— ловко работая плавниками, склевывает водоросли с толстого стебля кувшинки...

Я смотрю, и мне жалко со всем этим расставаться; зима такая длинная, и хочется, очень хочется увезти весь этот прудик с собой... Но разве его увезешь? Ведь это говорится только — маленький прудишко, на деле же он огромный... А что, если не весь увезти, а только часть? Скажем, верховок, улиток, растения?

Так на окне моей комнаты появились первые рыбы. Они почти тут же погибли, но этого оказалось достаточно. Я задал себе вопрос: почему? А именно с этого вопроса начинается всякое настоящее увлечение.

Валлиснерия.

Я знаю многих ребят, которые всегда чем-либо увлекаются. Сегодня они лепят из пластилина зверушек, вчера собирали марки, а позавчера не хотели слышать ни о чем, кроме гербария... Можно ли такие увлечения назвать настоящими? Конечно, нет, пока ничто не интересует человека как следует, пока не задал он себе вопроса «почему», того самого, для решения которого не жалко ни времени, ни труда, который преследует день и ночь, вызывая к жизни десятки новых вопросов.

Первый пяток верховок, бесславно погибших на моем окне, заставил крепко задуматься. Я видел аквариумы у других. В кристально чистой воде среди буйного переплетения свежих зеленых растений плавали веселые рыбки различного цвета и формы, не только не погибали, но и размножались. Почему же не растут растения у меня? Почему постоянно мутится вода, песок чернеет и неприятно пахнет, а рыбы, сколько я ни стараюсь, только и «думают» о том, как бы поскорее подохнуть?.. Вопросы «почему» возникали один за другим; стоило решить один — появлялся десяток новых, все более и более сложных. Какими пустячными кажутся мне сейчас первые мои аквариумные неприятности! А сколько времени и сил потрачено было когда-то!

Так я сделался аквариумистом. И не один только я. С моими товарищами было то же самое. Все они говорят, что первый аквариум попадает в комнату обычно случайно. Первые рыбы дохнут. Почему? Сдаваться не хочется, и появляются новые рыбы. А потом приходит первая аквариумная радость: какая-нибудь рыбешка неожиданно награждает мальками. И тогда рядом с первым появляется второй аквариум, потом третий. Вдруг узнаете, что у кого-нибудь из знакомых есть новая, невиданная рыбка. Как тут не завести такую же? Сажать некуда? Но можно ведь потесниться, поставить четвертый аквариум... Так, не успев оглянуться, человек оказывается «больным неизлечимой болезнью» — становится любителем аквариума... И, откровенно говоря, по-моему, эта «болезнь» не так уж плоха.

Ручейник.

Любишь ты, читатель, путешествовать? Думаю, что да... Я тоже люблю и путешествую постоянно, каждый день, чуть ли не в каждую свободную ми-

Роголистник.

путу. Путешествую не иначе, как вокруг света: меньшее путешествие меня не устраивает.

Вот на моем окне Нил. Так ли уж важно, что уместился он в полсотне литров? Рыбы здесь нильские, растения — тоже. Вот это тиляпия. Не правда ли, удивительно красивая рыбка: черная спинка и красный живот, а морда страшенная и злая, вот-вот, кажется, бросится через стекло... А рядом фундулус — маленькая щучка, тельце которой расписано разноцветными узорами. Она не с Нила, а из маленьких луж в джунглях Западного побережья Африки. Вот шапери — родственник фундулуса,— он из Либерии. Не правда ли, аквариумная география не так уж проста? Ты уже, быть может, запутался. Столько названий! Но не смущайся, даже опытные аквариумисты частенько путаются, что и не мудрено, потому что в аквариумах содержат сотни видов рыб, собранных со всех концов земли.

Продолжим путешествие. Делаю один только шаг — и я на Амазонке... Прозрачная, чуть желтоватая вода. Бесконечно разнообразны растения Амазонки, образующие подводные леса: согиттарии, ехинодорусы, людвигия, кабомба. Ловко лавируют между подводными скалами дружные многоцветные стайки тетр, прячут в растениях свой траурный наряд круглые тернеции, а медлительные полумесяцы — скалярии — важно плавают, оглядываясь по сторонам, точно следят за порядком. Они в моей «Амазонке» самые крупные и чувствуют себя здесь хозяевами. Не правда ли, приятно иметь в комнате такой уголок далекой страны?!

Из Южной Америки мы переедем в Индию. Здесь живут рыбы, известные почти каждому, кто когда-либо видел аквариум. Это данио. Узкие, тонкие рыбки «раскрашены» яркими полосами, синими и зеленовато-желтыми, которые тянутся вдоль всего тела. В тесном соседстве с ними живут барбусы. На теле у многих из них тоже полосы, но расположены они по-другому: не вдоль, а поперек. И вот возникает неизменное «почему». Почему у данио полоски продольные, а у барбуса — поперечные? И почему у всех рыбок с поперечными полосами тело довольно широкое, а с продольными — узенькое, такое, как у данио? На все эти вопросы внимательный наблюдатель найдет ответ в своем аквариуме.

Катушка.

Если ты живешь в Москве или под Москвой, то очень тебе советую во второе воскресенье января посетить городской конкурс гуппи. Гуппи — крошечная рыбка, славящаяся тем, что редко можно встретить у нее двух самцов, совершенно одинаковых по цвету и форме. Если к этому прибавить, что гуппи изумительно красивы, то тебе станет ясно, что конкурс этот интересен. Славятся эти конкурсы также другим: на них можно посмотреть удивительнейшую «коллекцию» «чудаков»-аквариумистов... Седовласые старцы и школьники, артисты, художники, инженеры, рабочие — люди самых разных возрастов и профессий собираются здесь, приносят своих рыбок, спорят об их достоинствах и недостатках, рассказывают друг другу о том, как они добились того или иного... Московские аквариумисты любят гуппи, а любителей аквариума в Москве десятки тысяч, причем минимум две — три тысячи из них занимаются совершенствованием гуппи. Что же привлекательного они в этом находят?

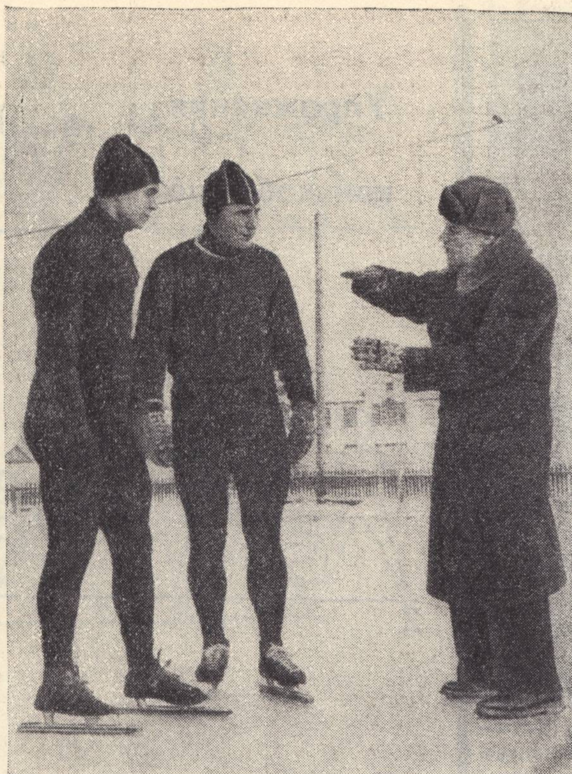
Человеку издавна свойственно стремление изменять природу. Природу изменяют по-разному: строят гидростанции, прорывают каналы, орошая пустыни, возводят города, распахивают и засевают поля. Но есть еще одна сторона деятельности по изменению природы — селекция. Селекционируя, то есть отбирая животных или растения с нужными свойствами, создавая для них подходящие условия жизни, человек меняет природу живого. Селекция — увлекательное занятие, однако далеко не каждый, кого оно интересует, может работать с хозяйственно важными животными или растениями. Поэтому-то и обращаются селекционеры-любители к таким объектам, как цветы, голуби, канарейки или же, наконец, гуппи. Но даже цветы, голубей, канареек в условиях города содержать трудно, гуппи же прекрасно живут в любой банке. А разве не приятно из плохоньких, не очень красивых рыбешек получить настоящих красавцев, своими руками создать породу? Очень приятно, очень интересно, хотя в то же время и сложно.

Ну вот как будто и все.

А теперь, читатель, взгляни сквозь стеклянный берег. Взгляни и подумай: не возникнет ли у тебя какого-нибудь своего «почему», не заинтересует ли тебя подводное царство? Если у тебя нет под рукой хорошего аквариума, взгляни хотя бы на фотографии, которые приведены в журнале.

А в заключение еще несколько слов. Рассказывая об аквариумном увлечении, я выдвинул много вопросов, ответил же лишь на некоторые. Если у кого-либо из ребят появится желание узнать ответ на все остальные, советую обратиться к книгам: Н. Н. Журавлев «Аквариум», Лениздат, 1959 г.; А. В. Молчанов «Аквариум любителя», Изд-во Московского зоопарка, 1948 г.; Ф. М. Полканов «Подводный мир в комнате», Детгиз, Москва, 1955 и 1957 гг.; Ф. М. Полканов «За стеклянным берегом», «Детский мир», Москва, 1959 г.

Иван Яковлевич Аниканов — заслуженный мастер спорта, известный конькобежец. Пять раз завоевывал он звание абсолютного чемпиона Советского Союза поינькам, более десяти раз вносил поправки в таблицы всесоюзных рекордов.

В 1948 году Иван Яковлевич Аниканов ушел на тренерскую работу. Его воспитанники Мария Исакова, Тамара Рылова, Юрий Сергеев, Владимир Шилыковский, Вера Постникова, Мария Аниканова и другие не раз становились чемпионами мира и чемпионами страны, устанавливали мировые и всесоюзные рекорды. Иван Яковлевич Аниканов — заслуженный тренер СССР. Сегодня он беседует с вами, ребята, о конькобежном мастерстве.

Когда встанешь на звонкий лед...

Прежде чем посвятить вас в тайны скорости, мне хочется рассказать один эпизод из истории борьбы конькобежцев за мировое первенство.

Имя Марии Исаковой известно каждому, кто любит спорт. Три раза совершала она почетный круг по льду стадиона, увенчанная лаврами чемпиона мира. Но совсем немногие знают, какую борьбу порой выдерживала она не только со своими соперницами, но и с собой.

В 1949 году перед мировым чемпионатом шли состязания на первенство страны. Мария была в очень хорошей спортивной форме. И я, ее тренер, и она сама были уверены, что выиграть это первенство будет нетрудно. И вдруг победителем первого дня стала Зоя Холщевникова. Она установила рекорд на дистанции 3 000 метров.

Помню, я зашел в раздевалку. Вокруг Зои толпились болельщики. Ее поздравляли, ей дарили цветы, у нее брали автографы. Мария Исакова стояла в стороне, прислонясь к печке,— грустная, молчаливая.

— Проиграла я первенство, Иван Яковлевич,— сказала она мне.

Я засмеялся.

— Не первенство, а первый день первенства.

— Вы уж меня не успокаивайте!

Я понял, что дело серьезное: спортсменка потеряла веру в свои силы. С такой душевной расслабленностью победить, конечно, нельзя. Но я-то верил в Марию! За долгую мою работу со спортсменами я не знал равных Исаковой в умении разом собрать свои силы для борьбы. Приказать себе она умела. Я усадил ее за стол и разложил перед ней график бега на 5 000 метров.

— Если так пробежишь,— говорю,— первое место тебе обеспечено. А такая раскладка для тебя не новость. Ты в этом году показывала и более высокие результаты.

Посмотрела Мария время, отведенное для каждого круга, и повеселела. Глянула на результат, поставленный в конце,— совсем успокоилась. За 9 минут 42 секунды она проходила дистанцию не раз. Не заметила она

На дистанции экс-чемпион Москвы Вера Постникова.

маленькой моей хитрости. Конечный результат сложения был не 9,42, а 9,35.

— Что будем сейчас делать? — спросила меня повеселевшая Мария.

— Отдыхать! — сказал я.— Сегодня отдыхать, завтра бороться.

На следующий день Мария Исакова закончила бег со временем 9 минут 32 секунды.

Рассказал я вам эту историю для того, чтобы вы, ребята, поняли, как важно верить в себя, как важно верить в победу. Спортсмен должен быть не только сильным, владеющим техникой, но и мужественным, волевым человеком.

Вам, конечно, не терпится узнать от меня те секреты, обладая которыми спортсмены заставляют время и пространство покориться своей воле.

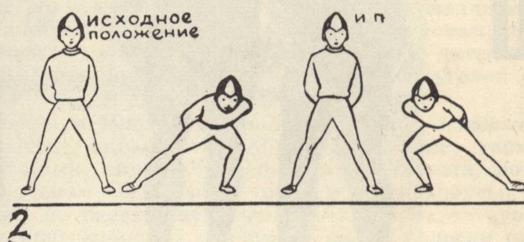
Вот вам некоторые секреты.

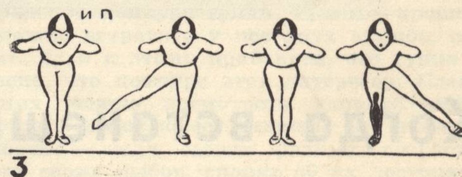
Очень важную роль играет правильная посадка конькобежца во время бега. При правильной посадке ноги в коленях согнуты, тело наклонено вперед, спина слегка округлена. Благодаря этому центр тяжести оказывается над центральной частью конька. Руки конькобежцу надо держать свободно, без напряжения.

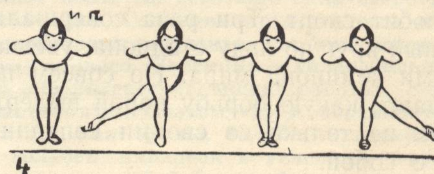
Как у вас получается толчок? От толчка зависит скорость. Толчок делайте внутренним ребром лезвия конька в сторону.

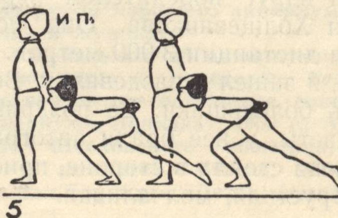
Упражнения конькобежца

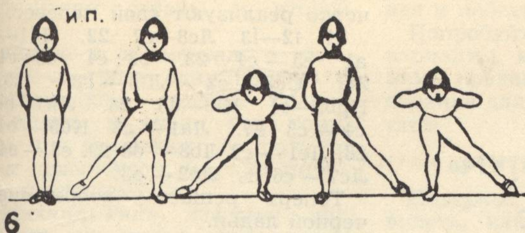

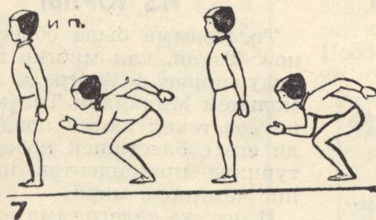

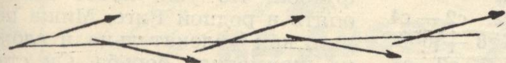

Упражнения, показанные на рисунках, полезны любому конькобежцу, от мастера до начинающего. Они вырабатывают правильную стойку, толчок на прямой и на повороте, маховые движения рук, приучают тело к низкой посадке. Без этих упражнений, которые можно делать по утрам и во время разминки, правильно на коньках бегать не научишься.

Выполняя упражнения, нужно следить, чтобы корпус в положении седа был параллелен земле, ступни ног параллельны друг другу. Руки нужно держать свободно, без напряжения.

Каждое упражнение повторяется от десяти до двадцати раз.

Запомните: чем ниже посадка, чем собраннее конькобежец, тем сильнее будет толчок. Начинающие конькобежцы забывают о том, что в толчке должны участвовать не только мышцы ног, но и весь корпус.

Если вы посмотрите след конькобежца на чистом, нетронутом льду, вы ясно увидите «елочку». «Елочка» следа должна быть как можно уже. Развертывать конек носком в сторону нельзя, потому что тогда скольжение происходит не по прямой линии, скорость теряется, а дистанция увеличивается. Узкая «елочка» достигается ритмичным движением корпуса попеременно вправо и влево.

Даже для опытных конькобежцев поворот — наиболее трудный элемент бега. На повороте тело конькобежца наклоняется внутрь круга, и чем скорость движения больше, тем больше должен наклоняться конькобежец. При входе в поворот правая нога, закончив отталкивание по прямой, начинает движение вперед, и чем больше она подается вперед, тем сильнее сгибается в колене. Левая нога еще до того, как правый конек опустится на лед, начинает отталкивание с полным выпрямлением ноги.

Дальше я даю вам несколько упражнений, которые являются имитацией бега на коньках. Делайте эти упражнения регулярно.

Технику нужно отрабатывать с первых выходов на лед. Иначе можно закрепить неправильные элементы движений. Даже у таких выдающихся спортсменов, как Олег Гончаренко и Борис Шилков, есть технические недостатки. О Шилкове, например, говорят: «На повороте он не бежит, а присутствует»; а у Олега Гончаренко была неправильная посадка. Он заваливал плечи вперед. Свои недостатки им приходилось преодолевать настойчивым трудом.

В состязаниях побеждает труд. Мария Аниканова всегда входила в десятку лучших конькобежцев страны. Но чемпионское звание ей завоевать не удавалось. Я стал тренировать ее. Каждый день утром ровно час занималась она имитацией привычных ей движений конькобежца, до тонкости отрабатывая технику бега. И результаты тренировок сказались. В 36 лет она стала чемпионом мира на дистанцию 3000 метров, а в многоборье заняла второе место.

Заканчивая свою беседу, мне хочется пожелать вам, ребята: дружите с коньками, с нашим крепким морозцем, с утренней зарядкой конькобежца, и упрямые секунды покорятся вам!

Заслуженный мастер спорта И. Аниканов

Новый год, новые радости, новые заботы. Неспокойно в царстве моем. Скоро, совсем уже скоро начнется великая битва между двумя шахматными богатырями — многоопытным Ботвинником и молодым Талем. Опытность — это большая сила, молодость — это тоже большая сила. Внимательно следите за борьбой, потому что мастерству учатся у мастеров.

Много друзей появилось у меня — владыки черных и белых полей. И хочется мне дать им совет. Пусть каждый, кто любит и умеет играть в шахматы, научит этой тонкой игре своего друга.

Сегодня задам я вам две задачи. Одну для тех, кто недавно пришел в царство мое, другую для испытанных шахматных бойцов.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

Доктор технических наук гроссмейстер Михаил Ботвинник уже больше десяти лет удерживает шахматное первенство мира.

Замечательный шахматист Михаил Ботвинник. Много побед одержано им. Еще в 1927 году стал он мастером, а в 1931 году — чемпионом СССР.

А начинал свои шахматные занятия Михаил Ботвинник так же, как и вы, ребята. Играл он в школьных турнирах, разбирал партии мастеров. В 1925 году приехал в Ленинград тогдашний чемпион мира кубинец Хозе Рауль Капабланка. Прославленный гроссмейстер дал сеанс одновременной игры. И уже с первых ходов в одной из партий он был вынужден бороться с трудностями, отражать неожиданные угрозы.

В этой партии Капабланка потерпел поражение от совсем юного шахматиста. Противником его был ученик одной из ленинградских школ четырнадцатилетний пионер Миша Ботвинник.

Вот эта интересная партия:

Ферзевый гамбит

белые: Х. Р. Капабланка
черные: М. Ботвинник

1. d2 — d4 d7 — d5 2. c2 — c4 e7 — e6 3. Kb1 — c3 Kg8 — f6 4. Cc1—g5 Kb8—d7 5. e2—e3 Cf8—b4 6. c4 : d5 e6 : d5 7. Фd1—b3 c7—c5 8. d4 : c5 Фd8—a5 9. Cg5 : f6 Kd7 : f6 10. 0—0—0?

Это ошибка. После длинной рокировки король белых попадает в опасное положение. Надо было заканчивать развитие фигур, продолжая 10. Kf3.

10...0 — 011. Kg1 — f3 Cc8 — e6 12. Kf3 — d4 Лa8 — c8 13. c5 — c6.

Капабланка хотел таким путем закрыть линию действия ладьи c8. Но атака черных все равно очень сильна.

13...Cb4:c3 14. Фb3:c3 Фa5:a2 15. Cf1 — d3 b7 : c6 16. Kpc1 — c2 c6 — c5 17. Kd4:e6 Фa2 — a4+ 18. b2 — b3 Фa4 — a2+ 19. Фc3 — b2 Фa2:b2+ 20. Kpc2:b2 f7:e6.

Черные выиграли пешку и четко реализуют свой перевес.

21. f2—f3 Лc8—c7 22. Лd1—a1 c5 — c4 23. b3 : c4 d5 : c4 24. Cd3 — c2 Лf8 — b8+ 25. Kpb2—c1 Kf6—d5 26. Лh1—e1 c4 — c3 27. Лa1 — a3 Kd5 — b4 28. Лe1 — e2 Лb8 — d8 29. e3 — e4 Лc7 — c6 30. Лe2 — e3

Теперь решает вторжение черной ладьи.

30...Лd8 — d2 31. Лe3 : c3 Лd2 : c2+32. Лc3 : c2 Лc6 : c2+

Капабланка сдался. И не подозревал он тогда, что проиграл будущему чемпиону мира.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЮРЛЫ

Телеграмма была обыкновенной. Такой, как многие другие, полученные в Белграде комсомольцем Михаилом Талем. Сотни советских людей поздравляли его с блестящей победой на турнире претендентов на звание чемпиона мира.

И все же телеграмма эта особенно взволновала молодого гроссмейстера. Ведь в ней школьные друзья Ваня Тоцкий и Толя Ваньков из уральского села Юрла слали ему привет, вспоминали далекие детские годы. Во время войны, когда фашисты подходили к Риге, семья врача Таля была эвакуирована на Урал. Мише тогда было пять лет. Он был младший в семье. В селе Юрла Миша подружился с ребятами, здесь он начал учиться в школе. Самой любимой его игрой в то время был футбол! Юрловские ребята научили Мишу играть и в шахматы.

Поначалу Мише не очень понравилась эта игра. То ли дело футбол! Но уже после войны, опять в родной Риге, Миша понял, как увлекательна и сложна шахматная борьба. Он стал постоянным посетителем шахматного клуба в Рижском Дворце пионеров.

Кому хочется проигрывать в спортивных поединках? Пожалуй, не найти такого чудака. Но ведь хочешь не хочешь, а проигрывать приходится. Недаром говорится: за битого двух небитых дают.

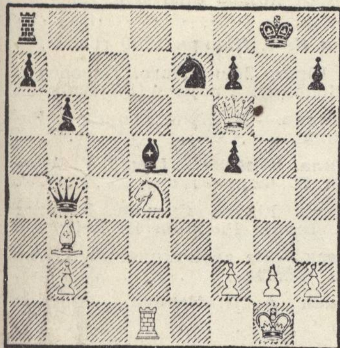
Много поражений пришлось испытать Мише Талю, пока не научился он искусству шахматных побед. А потом пришли они, эти победы, итог большой работы, упорства.

Три года назад стал комсомолец Михаил Таль гроссмейстером и чемпионом СССР. А потом, заканчивая учебу в Риж-

ском университете, стал он чемпионом страны и второй раз.

«Когда-то я мечтал о том, чтобы сыграть одну партию с Ботвинником,— говорит Таль.— А теперь я очень рад тому, что мне предстоит сыграть с ним целый матч, матч за мировое первенство».

Михаил Таль известен как мастер красивых шахматных комбинаций, неожиданных остроумных атак.

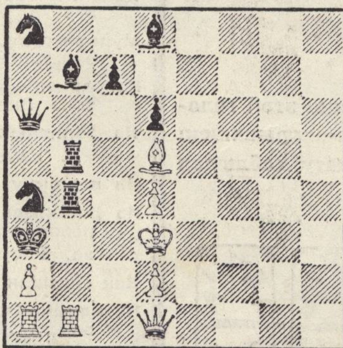
Эта позиция возникла в партии Таля с гроссмейстером Толушем в чемпионате СССР 1957 года. Блестящий ход 25. Кd4 — c6!, который сделал Таль, был неожиданным для его противника и быстро привел к победе белых.

Попробуйте сами разобрать варианты, возникающие после этого красивого хода. Это мое задание для опытных шахматистов.

«РТУТНАЯ» ПЕШКА

Наверное, вам приходилось видеть, как стремительно катится по стеклу капелька ртути. Ее не остановить. Вот так же и пешка a2. Быстро перемещается она по вертикалям и диагоналям и доходит до поля a8.

120 лет назад составил эту задачу известный французский мастер Шарль Ля-Бурдонне. Необычно решение этой задачи, оригинальна ее позиция.

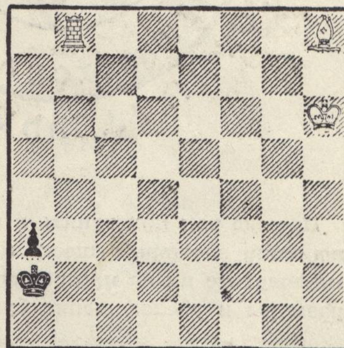

А вот как решается эта любопытная задача.

1. Фd1 — b3+ Лb4 : b3 2. a2 : b3+ Крa3 — b4 3. b3 : a4+ Крb4 — a5 4. a4 : b5+ и таким путем пешка прорывается на a8 и, превращаясь в ферзя, дает мат черному королю.

В ВОСЕМЬ ХОДОВ

Нетрудно, конечно, заматовать черного короля в следующем положении, в котором у белых подавляющее превосходство в силах.

Но совсем не просто дать мат черным в восемь ходов. Удастся ли вам это? Проверьте свое шахматное умение.

ЧАСЫ ДОСУГА

Сегодня мороз, пурга замела все тропинки и дороги, сердитая вьюга так и воет за окном, на улицу носа не высунешь... Что же делать ребятам? Не сидеть же целый день дома в одиночку! Давайте соберемся у кого-нибудь и поиграем.

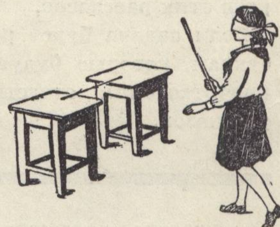
НА РАВНЫЕ ЧАСТИ

Полезно уметь определять на глаз не только большие, но и малые расстояния.

Все участники состязания получают по одной бумажной полоске. Требуется сложить ее в пять раз так, чтобы части были равны. Для этого на глаз определяется первый (крайний) сгиб, а затем уже по нему «гармошкой» складывается вся полоска.

Если первый сгиб сделан неточно, то последняя долька бумажной полоски, естественно, окажется короче или длиннее остальных. Разницу в обоих случаях легко измерить линейкой с миллиметровыми делениями. Кто допустил наименьшую ошибку, тот и победитель в этом состязании. Игра повторяется с бумажными полосками другой величины. Попробуйте потом делить бумажную полоску на семь равных частей.

МЕТКИЙ УДАР

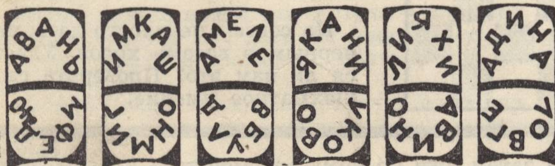
Между двумя табуретками перекинут мостик из лучинки или сухого прутика. Займи перед табуретками такое место, чтобы ударом палки было удобно перешибить лучинку. После этого тебе завяжут глаза, ты повернешься на 180 градусов, сделаешь пять шагов вперед, снова поворот и вернешься на пять шагов к табуретке.

Надо полагать, что таким образом ты займешь свою прежнюю позицию для удара. Замахнись и перешиби лучинку надвое. Если тебе это удастся, то получишь одно очко в выигрыш. Однако с первого раза успеха можно и не добиться, поэтому каждому разрешается три попытки.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА

Прежде чем приступить к решению этой головоломки, заготовьте шесть плашек-закрывашек: перечертите их на прозрачную бумагу, соблюдая размеры и расположение букв.

А теперь попытайтесь разместить их на нашей кольцевой фигуре таким образом, чтобы средняя линейка на плашках-закрывашках всюду совпадала с такой же линейкой на круге с буквами и чтобы при этом, двигаясь по внешнему кольцу (по ходу часовой стрелки), можно было прочитать названия семи рассказов знаменитого русского писателя, а двигаясь по внутреннему кольцу (в обратную сторону), имена или фамилии героев этих рассказов.

Если задача будет решена правильно, то по буквам, которые будут закрыты плашками, вы прочитаете имя, отчество и фамилию автора этих рассказов.

Составил **Г. Зотов.**

Содержание

Дубок. — Рассказ Николая Григорьева. Рисунок П. Пинкисевича 2

Улица Белого лося. — Рассказ В. Железникова. Рисунки П. Кирпичева 6

Главный волшебник. — Очерк Б. Володина 13

Каченята Тани Мазураш. — В. Бахревский. Фото Д. Владова 17

Человек человеку — друг:

Спасены. — А. Некрасов. Рисунки Ю. Копейко . 18

Случай в тайге. — В. Ситников 21

Зима в Москве. — Стихи Ирины Снеговой. Рисунок В. Цельмера 23

Пионерские известия № 1. Январь 1960 год . . . 24

Марийка. — Рассказ Юрия Збанацкого. Перевод с украинского А. Доценко. Рисунки О. Траскиной 26

Высота — 100 000 метров. — А. Красильщиков. Рисунки А. Смолина 30

Бакен. Лесовозы. Пила. Березка. — Стихи Т. Белозерова. Рисунки В. Федяевской 33

Мурка-моряк. — Повесть Юхана Смуула. Перевод с эстонского Л. Тоома. Рисунки Н. Цейтлина 34

Несравненный человек. — Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове 44

Из записных книжек А. П. Чехова. — Рисунки А. Каневского 50

На вершину Эльбруса. — Рисунок Н. Кольчицкого 51

Из рассказов революционера. — Лен Уинкотт. Перевод с английского Ю. Хазанова и В. Гузова. Рисунки В. Минаева 52

Как снимали Луну. — А. Куприянович, А. Некрасов 58

Невидимка-Остроглаз. — Рисунки В. Константинова, А. Шабанова, В. Чижикова 62

Дружины к смотру готовы! — Репортаж вожатого Симы Соловьева. Снимки В. Липницкого . . 64

В лабораториях ученых:

Дождь под землей. — Я. Корш. Рисунки А. Рево . . 70

Любимое занятие:

Взгляни сквозь стеклянный берег. — Ф. Полканов. Рисунки В. Константинова . . . 72

Спорт:

Когда встанешь на звонкий лед... — Заслуженный мастер спорта И. Аниканов 75

В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович 78

В часы досуга 79

На вклейках:

Самолет будущего. Рисунок А. Смолина.
За стеклом аквариума. Фотографии В. Минкевича.
Ремонт мотора. Фотография Г. Борисова.

На обложке:
Рисунок Ф. Лемкуля «Перед уроком».

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА**

Редакционная коллегия: **В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева, Г. Я. Тимофеева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 10569. Подписано к печати 25/XII 1959 г. Тираж 550 000 экз. Изд. № 10. Заказ № 2858.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ДВЕ ЭТИКЕТКИ И ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ

Если ты настоящий коллекционер-филоменист, ты собираешь спичечные этикетки не только потому, что это яркие бумажки, не так ли? Тебя прежде всего интересует, что изображено на этикетке, чему она посвящена, какая фабрика ее выпустила. При рассмотрении каждой этикетки возникает немало вопросов. На некоторые из них ты легко сам находишь ответы. Иногда приходится обращаться к старшим, порой найти нужный ответ тебе помогают книги. Так, крупинка за крупинкой, ты накапливаешь разные полезные знания.

Вот перед тобой две этикетки, выпущенные одной и той же фабрикой — «Пролетарское знамя». Что можно о них сказать? Казалось, все с предельной ясностью написано на самих этикетках. На первой изображена скульптура на Аничковом мосту в Ленинграде. Вторая из них посвящена борьбе за мир.

Все ли этим сказано? Нет, далеко не все.

Вот десять вопросов, на которые мы предлагаем тебе ответить после того, как ты внимательно рассмотришь обе этикетки:

1) Какой знаменитый художник нашего времени первым дал изображение голубя мира? 2) Что изображено на этикетке под надписью «Мир победит войну»? 3) Кто автор скульптуры и как она называется? 4) Почему мост носит название Аничкова моста? 5) Что означают буквы «ЛЕН. СНХ»? 6) Какая из двух этикеток напечатана до июля 1957 года и какая позже? 7) Где находится город Чудово? 8) Что означает слово «ГЛАВФАНСПИЧПРОМ»? 9) Каково значение слова «ГОСТ»? 10) Что означают цифры 1820—45 и 1820—56?

Давай для начала попытаемся вместе ответить на все эти вопросы.

На первой этикетке изображено произведение знаменитого русского скульптора П. К. Клодта. Это одна из четырех фигур, носящих общее название «Укротитель коней». Мост в Ленинграде, на котором они установлены, называется Аничковым потому, что в XVIII веке вся прилегающая к мосту усадьба принадлежала полковнику Аничкову. Впоследствии здесь был построен дворец, который по старинке называли Аничковым дворцом. Сейчас в этом здании помещается Ленинградский Дворец пионеров имени А. А. Жданова.

Теперь о надписи под рисунком. Что означают буквы «ЛЕН. СНХ». «ЛЕН» — это сокращенное слово «Ленинградский», а следующие три буквы означают: «Совет Народного Хозяйства». Совет народного хозяйства — это государственное учреждение, которое с июля 1957 года управляет промышленностью Ленинградского экономического района.

Зная это, можно установить и время выпуска каждой этикетки. Раз Совет народного хозяйства организован в июле 1957 года, значит, первая этикетка выпущена после этой даты, а вторая — раньше, так как на ней надписи «ЛЕН. СНХ» нет.

На обеих этикетках значится одна и та же фабрика — «Пролетарское знамя». На второй, кроме того, еще указан и город Чудово. Отсюда ясно, что город Чудово находится в Ленинградском экономическом районе, точнее, в Новгородской области.

А теперь рассмотрим вторую этикетку. Первым изобразил голубя мира знаменитый французский художник Пабло Пикассо. Под голубем изображена плотина гидроэлектростанции, которая символизирует наше мирное строительство.

На самом верху этикетки надпись «ГЛАВФАНСПИЧПРОМ». Это — сложное слово; оно состоит из следующих сокращенных слов: «Главное управление фанерной и спичечной промышленности». Слово «управление» здесь подразумевается, а от остальных слов взято по одному слогу. Такое сокращение называется аббревиатурой. «Главфанспичпром» — это учреждение, которое до организации советов народного хозяйства ведало фанерными и спичечными фабриками.

Аббревиатурой является также слово «ГОСТ». Оно означает: «Государственный Общесоюзный Стандарт». Стандарт — это образец, которому должны соответствовать все изделия того или другого вида. Каждый стандарт (ГОСТ) имеет свое числовое обозначение. Оно состоит из порядкового номера ГОС'а и последних двух цифр того года, когда этот ГОСТ был утвержден и приобрел силу закона. Этикетки нам говорят, что 1820 — это порядковый номер ГОСТа на спички. Далее, мы видим, что этот ГОСТ был введен в действие в 1945 году (цифры «45» на второй этикетке), а затем переутверждался в 1956 году. Об этом говорят цифры «56» на первой этикетке.

Теперь мы можем определить точнее время выпуска второй этикетки. Раз на ней значится «ГОСТ 1820—45», то, следовательно, она была напечатана не только до июля 1957 года, как мы раньше установили, но еще раньше, во всяком случае, до 1956 года.

Вот сколько разных сведений можно узнать, внимательно рассмотрев только две этикетки!

И. Вольпер

Цена 2 р. 50 к.

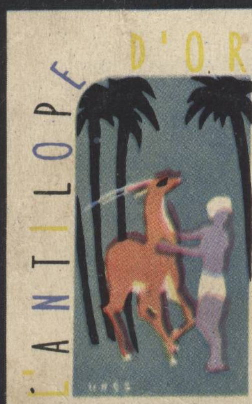

Посмотрите, какие красивые этикетки прислал нам из своей коллек
Юра Медведев, ученик 4-го класса Нижаровской школы Чувашской АС
Они посвящены любимым детским спектаклям и фильмам.